

МИХАИЛ ШЕРР

ОЛИГАРХ 178
RUS

Annotation

Простой питерский мужик, но очень большой любитель истории, особенно родного Севастополя, оказывается в 19-ом веке молодым русским князем и хочет избежать позора России в Крымской войне

Итак свершилось, наконец-то мне удалось полностью воплотить задуманное.

Я подошел к окну и немного раздвинув шторы, посмотрел вслед отъезжающей карете графа Карла Фердинанда фон Буоль-Шауенштейна, Министра-Президента Австрийской империи. Когда карета скрылась за поворотом, я подошел к огромному во всю стену книжному шкафу своего кабинета и открыл тайную дверь, из-за которой стремительно вышел князь Александр Михайлович Горчаков, русский посланник при австрийском дворе.

Он чуть ли не бегом бросился к моему рабочему столу, стоящему в дальнем углу кабинета. Я молча показал на пакет, одиноко лежащий посредине стола. Князь дрожащими руками схватил пакет и достал из него исписанный лист бумаги.

— Алексей Андре-евич, я не верю с-воим глазам, — князь от волнения даже начал слегка заикаться. — Неужели это правда?

Я ничего не ответил, молча достал полюбившуюся за последние годы гаванскую сигару, обрезал её, прикурил от свечи и с наслаждением сделал глубокую затяжку. В голове сразу зашумело, в курении крепких сигар именно эта первая затяжка доставляло мне самое большое удовольствие.

Князь тем временем еще и еще перечитывал текст, он даже снял свои очки и протер линзы, что заставило меня улыбнуться.

— Александр Михайлович, вы я вижу и правда не верите своим глазам, — иронично констатировал я.

Ерничать и иронизировать можно было сколько угодно, но на самом деле в реальность происшедшего мне и самому с трудом верилось. Но князь Горчаков держал в руках бумагу, подписанную австрийским императором Францом Иосифом Первым с совершенно невероятным текстом: австрийцы отзывают свой ультиматум.

На фронтах Крымской войны после взятие турецкого Карса несколько недель царил относительно затишье. Бледная тень своего великого дяди, французский император Наполеон Третий начал понимать, что дальше он будет таскать каштаны из огня другим и в Россию начали поступать сигналы о желательности начала мирных переговоров.

Кто-то организовал утечку информации об этих контактах и австрийцы под давлением британцев решились вмешаться: австрийский посол в Петербурге граф Эстергази явился к русскому канцлеру Нессельроде и передал ему ультиматум из пяти пунктов, угрожая в случае непринятия вступить в войну на стороне коалиции.

Вечером 20-ого декабря 1855-ого года в кабинете императора Александра Второго состоялось созванное им совещание. Прения были не продолжительные. Остановились на том, чтобы согласиться на предъявленные условия, кроме уступки Бессарабии и отвергнуть статью австрийской ноты о праве союзников предъявлять России другие требования, если этого потребует «интерес Европы».

30-ого декабря в Вене русский посланник князь Горчаков сообщил этот ответ графу Буолю. Но Министр-Президент Австрийской империи отказался вести какой-либо дипломатический торг с Петербургом и поставил срок получения окончательного ответа через шесть дней.

Я был в курсе всей этой дипломатической возни и спокойно ждал намеченного мною

момента для вступления в игру. Положение русского посланника в Вене было крайне тяжелым и ответственным. С князем Горчаковым наше знакомство началось много лет назад в Лондоне, а оказав в свое время экстренную, но небольшую для меня, финансовую помощь русской миссии, моя светлость пользовалась почти безграничным доверием русского посланника.

Состояние финансов Австрийской империи мне было отлично известно. Подготовка к будущей войне с Россией уже обошлась австрийской казне более чем в полмиллиарда флоринов, годовой военный бюджет был израсходован еще в апреле 1855-ого года и страна стояла на пороге банкротства. Правительство было вынуждено выпустить дополнительные сто сорок миллионов флоринов бумажных денег, а вот потом печатный станок «сломался» и любые сверхплановые расходы можно будет финансировать только заняв денюжку у сильных мира сего, к которым с некоторых пор принадлежал и я. Это итак уже представляло колоссальную проблему, желающих финансировать «товарищей» с Дуная практически не было. Их кредитный рейтинг был очень низким.

После своего феерического финансового успеха во время золотых лихорадок в России, на Аляске, в Калифорнии и Австралии я стал главным деловым партнером барона Лайонела Натана де Ротшильда и поэтому горькую пилюлю австриякам приготовил заранее.

Еще накануне начала Крымской войны я, помятуя свои предыдущие попытки вмешательства в ход российской истории, решил готовить запасной вариант на случай если войну мне не удастся предотвратить.

С бароном я познакомился когда мы оба были молодыми и юными. А вот плотные деловые отношения начались когда он был уже главою еврейской общины Лондона и несколько лет назад вместе со своим дядей сэром Мозесом Монтефиоре, сестра которого была родной матерью барона, работал в пользу русских и польских евреев. Благодаря барону Лайонелю у меня с его дядей установились очень близкие дружеские отношения. Они, общаясь со мной, неоднократно высказывали свое возмущение положением евреев в Российской империи и особенно наличием пресловутой «черты оседлости».

Мозес Хаим Монтефиоре больше двадцати лет назад оставил бизнес и целиком занялся общественной и филантропической деятельностью. Изначально он занимался естественно проблемами избранного народа, будучи один из известнейших британских евреев. Но в тридцатых годах он активно боролся за отмену рабства в британских колониях и в 1835-ом году совместно с Ротшильдами предоставил английскому правительству большой заём для компенсации убытков владельцам плантаций в связи с уничтожением рабства.

Для меня отмена крепостного права в России была фикс идеей. И не просто отмена, как это сделает Александр Освободитель в 1861-ом, оставив без штанов миллионы крестьян, а предоставление настоящей личной и экономической свободы многострадальному русскому крестьянству.

Взвесив все за и против, я решил попробовать повернуть такую же шпучку в России. После всех золотых эпопей денег у меня было как у дурака фантиков, по моим подсчетам даже больше, чем имели все Ротшильды, британские, французские, немецкие и неаполитанские. Но все равно в одиночку я это ну никак не могу повернуть. Помимо финансов был еще нужен? как станут говорить в двадцать первом веке, административный ресурс. Его у меня почти нет, я конечно безумно богат и знатен, но для вершителей мировых судеб всё еще выскочка. А вот у Ротшильдов этот ресурс есть.

Но чтобы еврейские банкиры вписались за русского крестьянина, надо было их очень

заинтересовать. В сухом остатке для них самое главное это деньги. Если дойти до самой сути их деятельности, то даже их общественная и филантропическая деятельность была направлена на создания самых благоприятных условий для главного — зарабатывания звонких монет и их различных эквивалентов.

Несколько недель я потратил на рассказы Мозесу и Лайонелю о России, её богатствах и возможностях заработать просто немыслимые бабки при её быстром развитии, одно железнодорожное строительство чего стоит.

Как известно вода и камень точит. Когда в очередной раз оправдался мой прогноз и началась Крымская война и мало того, её события стали развиваться тоже в соответствии с моими предсказаниями, лед тронулся.

15-ого марта 1855-ого года, в Европе мне приходилось жить по григорианскому календарю, я ехал на ужин к барону Лайонелю. Несмотря на войну, местожительство мне менять не пришлось, официально у меня, благодаря тетушке, было двойное гражданство, я был и российским и британским подданным. В данном случае деньги решали всё.

Настроение у меня было хуже губернаторского, пока все идет так, как и я знал по своей прежней жизни: русская армия ушла из Дунайских княжеств, союзники высадились в Крыму, Севастополь в осаде, русская армия потерпела несколько чувствительных поражений.

В Европах уже знали о смерти Государя Николая Павловича, а я при всех своих огромных деньжищах, ничем не могу помочь своей Родине и мало того, у меня пока даже нет возможности просто приехать в Россию. Единственное что мне реально удалось сделать, так это предотвратить военные действия на Тихом океане и воспрепятствовать заключению державами договоров с Японией. По моему разумению для этого еще не пришло время.

Первый раз я вызвал неудовольствие Государя много лет назад участием в дуэли и отказом служить по какой-нибудь части, затем была критика университетский устав 1835-ого года. Потом была безрезультатная попытка отговорить Николая Павловича от вмешательства в австрийские дела в 1849-ом году.

Когда же я, попросив аудиенцию, попытался отговорить его начинать нынешнюю войну с Портой, Государь Император в бешенстве прогнал меня и запретил пускать в страну до окончания войны. Если бы не мои успехи в руководстве Русско-Американской компанией последствия были бы для меня вообще катастрофическими.

Конечно что-то мне удалось уже сделать в России, самым зримым были конечно кадровые перестановки в армии и военном ведомстве. Хотя вполне возможно они произошли бы и без моего вмешательства. По крайней мере смена командующего в Крыму. А всё остальное должно сработать попозже. Ну и в Россию меня скорее всего уже впустят, просто не время — сейчас важнее европейская часть моих планов.

Всю дорогу в моей голове теснились думы, какие еще доводы и аргументы привести, что бы склонить Мозеса и Лайонеля к принятию моего предложения. Вернее убедить надо было только баронета Монтефиоре. Его племянника, барона Лайонеля, патриотом британской короны можно было назвать с очень большой натяжкой и он сразу же по достоинству оценил моё предложение.

А вот Мозес Монтефиоре был патриотом Британии, во время наполеоновских войн вступил добровольцем в национальную гвардию, где дослужился до звания капитана и уговорить его поступиться британскими интересами было архисложно. Но желание сдвинуть с мертвой точки еврейский вопрос в России в конечном итоге должно оказаться сильнее.

Тем более в моем предложении не было ничего, что можно было назвать предательством Великобритании.

План мой был таков. В нужный момент, а именно когда австрийцы предъявят русским ультиматум, совершенно неожиданно для них просто отказать в кредитах, жизненно важных для империи. Но всё можно будет исправить, если австрияки сохраняют нейтралитет и император Франц Иосиф лично известит об этом своего венценосного брата русского императора Александра Второго.

Получив письмо, новый русский император безбоязненно двинет в Крым армию, стоящую в Польше. Французы и так уже будут готовы мириться, амбиции французского императора Наполеона Третьего были удовлетворены и он готов начать мирные переговоры.

С Англией было сложнее, но значительная часть общества не понимала смысла начавшейся войны, а после очень существенных военных потерь возникла антивоенная оппозиция даже в парламенте.

Но самым главным была позиция британских финансистов и промышленников. После отмены «хлебных законов» в 1846-ом году в Англии прошла таможенная реформа и фактически был установлен режим свободной торговли. Результатом стало резкое удешевление всех видов сырья и это дало поразительные и очень быстрые результаты.

В Англии к власти, по сути, окончательно пришла промышленно-спекулятивная буржуазия. Первые последствия этого господства промышленных капиталистов были поразительны. Промышленность ожила и с 1850-ого года начался неведомый ранее подъемом производства уже почти сделавший страну «мастерской мира». Вопрос радикального снижения пошлин на английские промышленные товары стал главной целью внешней политики Британии.

В Европе главным препятствием была Россия со своей традиционной промышленной протекционистской политикой. Николай Павлович со своими министрами справедливо полагали, что российская промышленность окажется неконкурентно способной, тем более что перед глазами были уже примеры Китая и Османской империи, подписавшие с Великобританией договоры о свободной торговле.

Могущественную британскую «партию войны» возглавлял лорд Пальмерстон. Он говорил, что *«ограниченный конфликт с Россией заставит последнюю вести либеральную таможенную политику и присоединиться к принципам свободной торговли»*. Вдобавок еще и резонно утверждая, что война отлично стимулирует промышленное развитие и производство.

Была на острове и «партия мира» которая пыталась говорить, что Россия с её семидесятимиллионным населением, что почти в три раза превышало население Великобритании, не столь слаба в промышленном отношении, в отличии от тех же Китая и особенно Османской империи и может в итоге стать злейшим врагом королевства. Я имел контакты с несколькими «товарищами» из этих кругов и разъяснил им, что реформы в далекой и непонятной им стране в ближайшие годы начнутся по-любому. Это приведет к бурному росту в Российской империи абсолютно всего и лучше «дружить домами», а не воевать.

Но «партия мира» была на самом деле чахленькая, малочисленная и совершенно беззубая. А вот если бы удалось подключить к этим полумаргиналам, я реально считал их именно такими, мощь Ротшильдов, то ситуация изменится радикально. Но увы и ах, пока у меня ничего не получалось, а время бежит и бежит.

Когда я зашел в гостиную, то на мгновение потерял дар речи, меня ожидали не только Лайонел со своим дядей Мозесом, но и возможно будущие премьер-министры Великобритании 19-ого века — Уильям Гладстон и Бенджамин Дизраэли. Хотя мне пока еще не удалось вмешаться в ход европейской истории, но череда событий в Америке и на Дальнем Востоке запущенная мною по другому пути, рано или поздно скажется на судьбах Европы и бабка еще на двое сказала по поводу их премьерств через — цать лет.

Начинали они свою политическую карьеру в одной лодке, в партии тори, но уже разошлись как в море корабли. В феврале 1852-ого года Дизраэли в результате партийных интриг получил пост в правительстве и роль лидера тори в нижней палате. Но внесённый им в палату бюджет показал, что в качестве министра финансов он не на своём месте.

После суровой критики Гладстона бюджет был отвергнут громадным большинством, уже в декабре кабинет подал в отставку и именно Гладстон заменил Дизраэли в кресле канцлера казначейства Соединенного Королевства. Сейчас он после падения очередного правительства только-только оставил этот пост, а Дизраэли уже несколько лет признанный лидер протекционистов в нижней палате парламента.

Пройдет еще немного времени, они станут непримиримыми политическими оппонентами и будут яростно критиковать друг друга в парламенте. Но сейчас, увидев в гостиной Ротшильда этих двух таких уже разных политиков, я почувствовал холодок восторга и чувства возможной победы.

Было неудивительно, что удалось достучаться до Гладстона, гуманиста с высокими честными взгляды на жизнь, всю жизнь искавшим верного ответа на вопросы, где истина и где справедливость. А вот на общение с Дизраэли я никак не рассчитывал, хотя если подумать, то и его появление было вполне закономерным.

Конечно он, как и все видные политики острова, исповедовал в своей политической деятельности два главных политических принципов Соединенного Королевства: «Британия превыше всего» и «У нас нет вечных союзников и у нас нет постоянных врагов, вечны и постоянны наши интересы». Сейчас, в 19-ом веке, можно быть кем угодно и вытворять незнамо что, но только в этих железобетонных рамках. У политика с другими принципами сейчас здесь просто нет никаких шансов.

Безродный и безпоместный британский выкрест Дизраэли прошел сложнейший путь к политическому Олимпу. Он конечно блестящий оратор и литератор, но на мой взгляд гадкий, безпринципный и подлый человек. Вся его политическая карьера это сплошное флюгерство, предательства и хождение по головам. Кстати и не только в политике, но и в жизни, чего стоит одна его история отношений с семьей Остинов. За такое в приличном обществе морду бьют, а на острове в парламент избирают.

Появление в гостиной Ротшильда этих столь разных политиков значило только одно: мне удалось убедить Мозеса Монтефиоре, мое предложение принято, в британской власти лед тоже тронулся и два видных парламентских деятеля прибыли на переговоры со мной. Осталась самая малость, на пальцах всё объяснить этим двум видным английским политикам.

Ужин прошел в настоящем чопорном английском стиле, практически молча, только несколько дежурных фраз о погоде и природе. Ближе к полуночи мы переместились в кабинет барона. В кабинет подали сигары, естественно напитки, шоколад и тонко нарезанные лимоны. Ротшильд знал, что я всем напиткам предпочитаю коньяк и виски, водки в моем понимании еще не было, а закусывать коньяк предпочитаю по-варварски, ломтиком лимона. Виски я тоже употреблял не по-английски, всегда наливая себе четвертную дозу, то есть сто грамм, а не двадцать пять.

Специально для Гладсона был шотландский mead, по-русски это произносится как мед, не мёд, а именно мед. Причем англосаксы говорят что-то среднее между «е» и «и». В его рецепте действительно есть мед, а вкус смесь медовухи с элем и обычно он сладкий.

После приема горячительного языки понемногу развязались и хотя я буквально каждую секунду ожидал начала разговора по существу, прямой вопрос Дизраэли оказался для меня неожиданностью.

— Скажите, князь, а какие резоны Британии идти на уступки вашему императору? Вас достаточно сильно бьют, Черноморский флот практически уничтожен, скоро падет Севастополь. Нашу сторону склоняются принять Австрия и Пруссия. Как мы будем объяснять своим избирателям, что отказались от своей победы и предали своего союзника? — Дизраэли был сторонником Османской империи и будет всегда на её стороне в противостоянии с Россией, в отличие от того же Гладсона, который почти всегда выступал против османов.

Алкоголя я этому моменту употребил всего ничего и безбоязненно налил себе шотландского скотча по-русски, ровно двести грамм. Негромко сказав: «За победу!», залпом выпил, закусил рукавом и глубокой затяжкой сигары. Сомневаюсь, что литературного таланта Дизраэли окажется достаточно для описания произведенного эффекта.

— В войне надо еще победить. Утверждение об уничтожении русского флота слишком смелое, как и предположение о скором падении Севастополя. На Альме и под Инкерманом мы отступили, но не были разбиты. А чего стоит сражение под Балаклавой? — я сделал паузу и внимательно оглядел своих собеседников. Говорить резко и прямо с Ротшильдом и иже с ним я не боялся, огромные деньги, которые бывали на кону, позволяли говорить еще и не такое. Также как и с бывшим канцлером казначейства Соединенного Королевства. А вот с прохиндеем Дизраэли, а я его считал именно таким типом, в данной ситуации надо было именно так.

— Французский генерал Пьер Боске не просто так сказал, что это не война, а безумие. И уверяю вас господа, что это еще цветочки. А то, что произошло на море, ваши газеты недаром назвали «Балаклавской бурей» и приравнивали её последствия к проигранной морской битве. Зима конечно заканчивается, но начавшаяся весна и приближающееся лето могут оказаться страшными для обеих сторон.

Мои умозаключения, что мне ничем не удастся помочь своей Родине были достаточно большой натяжкой. Барон Лайонел Натан де Ротшильд дал займы Великобритании на ведение войны шестнадцать миллионов фунтов стерлингов, а я осенью 1854-ого года сделал тоже самое для Российской империи в размере десяти и помимо этого организовал «народное» движение а-ля Кузьма Минин. По всей России шел сбор средств на войну.

Главными спонсорами выступили два десятка русских богачей, которые на это дело по тайне получили от меня еще шесть миллионов, причем один они оставили себе. На Нижней Волге и на Дону готовились большие подкрепления для Крымской и Кавказской армий.

Всё это не было пущено на самотек. Я заранее подготовил надежные и проверенные кадры. Мои люди знали, что шаг вправо-влево считается побегом с расстрелом на месте и одну из моих любимых поговорок, сапер ошибается один раз и что под этим подразумевается.

Я надеялся, что предстоящая весенне-летняя компания 1855-го года будет не такой провальной как предыдущие. Попытка освободить Евпаторию две недели назад закончилась неудачей, как и в моей предыдущей жизни, но было небольшое отличие: сейчас это была разведка боем.

Русские генералы Степан Александрович Хрулёв и Карл Егорович Врангель не могли конечно перечить воле Государя, который требовал наступать и разыграли небольшой спектакль, в результате чисто внешне это выглядело как очередное поражение русских. Но в реальности русские войска не понесли никаких потерь и выявили наличие мощной артиллерии у турок. Союзники совершенно неправильно расценили итоги этого боя и начали переброску части сил под Севастополь. А русские генералы начали готовиться к следующей, уже настоящей, битве за Евпаторию.

Ничего этого Государь уже не узнал. В истории моей первой жизни курьер с юга России прибыл 14-ого февраля, а сейчас это случилось 17-ого, когда состояние здоровья Николая Павловича неожиданно и резко ухудшилось. А «в двенадцать минут первого часа пополудни» 18 февраля 1855-ого года Николай Первый, Император и Самодержец Всероссийский, отошел в мир иной.

Конечно он догадывался, кто стоит за всеми этими масштабными военными приготовлениями и действиями развернувшимися неожиданно по всей России осенью 1854-ого года, но угроза страшного разгрома не оставляла императору никакого поля для маневра. Николай Павлович молчал и делал вид, что не замечает тихого и малозаметного контроля моих людей и того как они медленно, но верно, перехватывают рычаги управления.

Мои собеседники конечно не были в курсе всего происходящего в России, но отголоски конечно доходили, а уж о состоянии союзных армии и флота в Крыму и тяготах и лишениях уже выпавших на их долю, осведомлены были прекрасно. Но я решил в этот момент переключиться немного на другое.

— Господин Палмерстон сейчас поживает на лаврах и полагает, что еще одно усилие и Россия будет сломлена, тем более что новый Государь настроен вроде бы не так воинственно, как покойный Николай Павлович. Но я хочу вам напомнить историю моей страны, времена войны восемьсот двенадцатого года, а особенно Смутного Времени и событий царствования Петра Алексеевича. У меня есть веские основания полагать, что события в моей стране примут такой же оборот, на кон будет поставлено всё и через несколько месяцев из берлоги вылезет очередной разъяренный русский медведь, — теперь я уже «по-учительски» оглядел своих собеседников.

Выдержав нужную паузу, я продолжил.

— А скажите мне, уважаемые господа, так ли война и вообще состояние перманентной вражды и противостояния с Россией отвечает интересам Соединенного Королевства? Кое кто здесь опасается, что Россия будет стремиться оспаривать ваше владычество в Индии, завладев Средней Азией и Персией. Но согласитесь, господа, что сотни лет из этих краев

исходила и продолжает исходить опасность для моей Родины. Сотни тысяч, а может быть и миллионы русских людей были захвачены и проданы там на невольничьих рынках. Разве ваша страна, оказись в такой же ситуации, не стремилась бы пресечь это?

Молчание знак согласия, а мои собеседники промолчали.

— Россия не стремилась и не будет стремиться проникнуть в Индию. Теперь, то что касается Османской империи. Точно такая же ситуация была еще недавно с постоянными набегами и мало того, доколе будут продолжаться зверства и издевательства над христианами? Уверяю вас, господа, если османы будут поставлены в стойло, а над большим человеком Европы — Османской империей, будет установлен протекторат всех великих держав и мир больше не услышит об ужасах турецкого владычества на Балканах и Кавказе, то Россия не будет стремиться вмешиваться в балканские дела и добиваться военного и политического господства на Балканах. Эти войны обходятся нам слишком дорого.

По большому счету то, что я говорил была хорошая езда по ушам и политические фантазии. При любом раскладе Россия так или иначе просто будет вынуждена вмешиваться в дела и делишки этого полуострова. Но когда я заговорил о зверствах турок, господин Гладсон очень оживился и соглашаясь со мной, закивал головой. Он в отличие от Дизраэли османов очень, мягко говоря, не любил.

Мне оставалось в своем рассказе о так называемом восточном вопросе поставить последнюю точку, сказав о судьбе Константинополя, черноморских проливов и возможного вмешательства в судьбы Египта и будущего Суэцкого канала.

— Теперь что касается Константинополя и черноморских проливов. Опять же, если не будет турецких ужасов, то Россию устроит запрещение прохода военных кораблей других держав в любое время и запрет на прохождение наших в военное. Проход торговых кораблей свободный в любое время. Каких-либо жизненных интересов России в Средиземном море я не вижу и считаю, что проливать там русскую кровь больше не нужно. И последнее одним штрихом. Так же России нет резонов глубоко вмешиваться в дела Центральной Азии и Китая: только Джунгария, Монголия и Манчжурия, так как откуда исходила и продолжает исходить опасность для нашей державы.

Про дела с Японией и положение в Америке и на Тихом океане я решил опустить. Всё, что я говорил, предназначалось для Гладсона и Дизраэли. С Ротшильдом и его дядей мы это всё обсуждали не раз и им было по большому счету по барабану: главное дела еврейские и конечно бизнес, то есть денежки. А финансировать всё мероприятия должен буду я, а они будут в основном иметь с этого гешефт. Посвящать членов британского парламента в наши планы решения еврейских проблем мы не собирались, так сказать одним делом они для этого не вышли, особенно Дизраэли. Это была моя принципиальная позиция.

Я замолчал, ожидая реакции своих собеседников, вернее Гладсона и Дизраэли. У меня были еще кой-какие аргументы, но я решил попридержать их. Гладсон выслушал меня молча и судя по всему пока не собирался что-либо говорить. А вот Дизраэли с трудом сдерживался чтобы не начать со мной дебаты.

— Вы хотите, сэр, сказать, что мы заключаем мир и Россия в результате остается при своих? — спасибо хотя бы за сэра, господин Дизраэли, хотя это уже второй его прокол, до этого он обратился ко мне слишком фамильярно — просто князь. Я все-таки не просто русский князь, в отличие от вас уважаемый, безродного и безпоместного. А по древности рода могу поспорить с кем угодно и в России и в Европе. Как никак я реально был Рюриковичем, потомком Карла Великого и каких-то там римских императоров, возможно

даже самого Августа или Юлия Цезаря и византийских в придачу. И мало того, я еще был и Светлостью, этот титул был пожалован моему прапрадеду австрийским императором и был признан Екатериной Великой. Так что, такие как Дизраэли должны меня титуловать Ваша Светлость, а тут просто сэра, да еще от безродного выскочки.

В эту, на мой взгляд, ахинею я совершенно не вникал, знал только, что у нашего геральдиста, архивариуса и семейного историка реально были документы, всё это подтверждающие. Если бы в такой телесной оболочке был бы не человек двадцать первого века, которому это всё было, мягко говоря, почти по барабану, а реально тот русский князь, который уступил мне своё брэнное тело, да еще и с такими финансами, то у господина Дизраэли могли бы внезапно возникнуть проблемы. Гладсон это сразу понял, он все таки был сыном только недавно почившего сэра Джона Гладстона и баронетом с 1846-ого года и с тревогой посмотрел на меня.

Я с трудом сдержал улыбку и начал отвечать по существу.

— Во-первых, господин Дизраэли, хочу заострить ваше внимание, что война не закончена, а военное счастье изменчиво. Во-вторых, почему же при своих, мы больше не будем так встречать в балканские дела, наш протекторат над Балканами будет заменен на протекторат всех великих держав, то есть Соединенного Королевства, Французской Империи, наш и австрияков, — я специально не стал говорить Австрийская империя, показывая этим мое отношение к этому государству. — В третьих, мы проводим с вами разграничение зон интересов и не будем лазить в чужой огород морковку дергать.

Я прищурился и сделал вид, что пытаюсь, что-то вспомнить.

— Помните речь вашего свежеиспеченного премьера в Палате общин, если не ошибаюсь, 1-ого марта 1848-ого года?

Мои собеседники с откровенным недоумением посмотрели на меня, похоже то, что я сейчас скажу для них будет неожиданностью.

— «Недальновидно считать ту или иную страну неизменным союзником или вечным врагом Англии. У нас нет неизменных союзников, у нас нет вечных врагов. Лишь наши интересы неизменны и вечны, и наш долг — следовать им». Скажите, что с тех пор изменилось? — на этот раз по-учительски я посмотрел только на Дизраэли. — При любом другом исходе, кроме предлагаемого мною, Россия будет вашим врагом, какие-то небольшие территориальные потери или предполагаемое уничтожение флота на Черном море на самом деле это для нас укусы комара. Но гарантировано вы собственными руками создаете союзника вашему врагу в Америке — Соединенным Штатам, а они будут этому только рукоплескать и свои неудачи в Техасе и Калифорнии с лихвой компенсируют в той же Канаде и на Карибах.

Вот уж в этом вопросе я разобрался наверное лучше всех на свете и держал руку на пульсе. Тут мое слово было решающим. А потеря Канады и владений на Карибах будет означать для англичан изгнание из Западного полушария. А там глядишь и до Восточной Азии дойдет. Но это было не всё, что я еще собирался сказать.

— Поражение и ослабление России будет на руку в первую очередь Наполеону, пруссакам и австрийцам. Пруссаки, прут вперед, — я чуть не сказал «как танки», вот был бы номер, — через несколько лет они разберутся со своими вечными соперниками австрийцами, а я думаю в исходе этого противостояния сомнений нет ни у кого, а затем прусские орлы полетят над всей Германией. А они будут претендовать на часть вашего пирога совершенно реально и сомневаюсь, что в этом противостоянии у Великобритании будут шансы. И только Россия может оказаться тормозом для этого будущего монстра.

На этом я решил действительно остановиться, налил себе немного коньяка, медленно, смакуя что бы насладиться его ароматами, выпил и закусил ломтиком лимона.

— Но как склонить к такому решению сэра Генри? — после некоторого раздумья спросил Дизраэли, похоже мои аргументы произвели на него огромное впечатление. Палмерстона сэром Генри он раньше не называл. Неожиданно на этот вопрос ответил Мозес Монтефиоре.

— Я думаю аргументы найдутся, не правда ли Лайонель?

Когда все стали разъезжаться, я немного задержался, без слов поняв просьбу Ротшильда.

— Алекс, — один на один мы позволяли себе фамильярные обращения, настолько уже переплелись наши финансовые отношения, — а вы уверены, что император Александр согласится с вами? Его отец принципиально отвергал ваши предложения.

— Уверен, его положение крайне незавидное. Он не герой и не боец, в отличие от императора Николая, да и с его окружением уже работают. Да и Николай Павлович после высадки союзников в Крыму и поражений молчал и не препятствовал в работе моим людям.

Возвращаясь к себе, я решил немного пройтись. Ночной Лондон никогда и нигде не был безопасным местом для ночных прогулок, но за свою безопасность я совершенно не опасался. Еще на заре нашей совместной жизни я дал обещание своей жене не экономить на охране семьи и её костяк составляли мужики, чьи семьи несколько поколений верой и правдой служили нашим семьям.

Английская столица мне не нравилась, как и сама Англия. То ли дело Москва, Питер, Париж, Вена, Мадрид на худой конец. Хотя это мое отношение к Лондону было конечно не объективным. Просто в первой своей жизни я был коренной севастополец и историю первой севастопольской обороны и всего, что с этим было связано знал наверное лучше всего на свете. Не знаю почему, но еще в детстве я возненавидел именно англичан, а не французов или турок с сардинцами.

В плохую погоду всё и везде плохо, по крайней мере для меня. Жару я переносил всегда с трудом, а вот когда тепло, сухо и солнышко закрыто облаками! В такую погоду Лондон очень даже ничего, да и посмотреть тут уже есть чего. Из-за своей непереносимости жары я после армии кстати и остался в Питере и встретил там даму сердца.

Как говорится кто платит, тот девушку и танцует. Кропотливая полугодовая подготовительная работа дала результат чуть ли не в первые дни нового царствования.

Новый император по большому счету был не чета своему отцу. Министр финансов Пётр Фёдорович Брок наверное в самом смелом сне не мог доложить Николаю Павловичу реального положения дел с финансами империи. Он знал, кто стоит за огромным займом в десять миллионов фунтов и каким образом по России собрана еще почти такая же сумма.

А вот новому Государю он доложил реальное положение вещей во время первого же доклада, тем более что Александр Николаевич имел представление о положении дел в империи. Накануне Петра Федоровича посетил мой доверенный человек и ознакомил его с интересным списком скупленных мною долгов российской элиты. Фамилии самого министра там не было, но там были его родственники и пришлось господину Броку принять мои условия.

Я не мог позволить себе потерпеть еще одну неудачу в своих попытках по-серьёзному вмешаться в ход событий в моей стране. Поэтому накануне смерти Николая Первого моя жена попросила о срочной аудиенции у будущей новой императрицы Марии Александровны и общалась с ней больше двух часов, которая после этого тут же отправилась к своему мужу.

Через несколько дней после ужина у Ротшильда моей жене доставили письмо от её горячо любимого мужа. Софья Андреевна, наши отцы были тезками, с конца января постоянно была в Петербурге. До этого два её визита закончились по сути не начавшись, она тут же получала Высочайшее Указание покинуть Россию.

Но в этот раз все было по-другому, мало того, что ей разрешили остаться в Питере, так еще и любезно приняли при дворе. Поэтому я так уверенно и ответил Ротшильду. Супруга действовала согласно разработанному плану, в ней я был уверен почти как в себе и регулярно получал её письма. В них она условленной фразой докладывала мне, что всё идет как надо.

Неимоверными усилиями мои эмиссары, никого не жалея и себя в первую очередь, весной 1855-ого года сумели наладить усиление и снабжение армии в Крыму и на Кавказе.

Князь Меншиков не был отставлен покойным императором, как это произошло в моей первой жизни и это сделал новый Государь сразу же после доклада министра финансов. Командующим русской армией в Крыму стал генерал-лейтенант Степан Александрович Хрулёв. Понимая всю ответственность обрушившуюся на него, он начал действовать очень осторожно. Советы моих эмиссаров для него были почти законом, тем более что делалось это тактично и грамотно.

Через неделю был отставлен и военный министр князь Долгоруков. Его сменил Николай Онуфриевич Сухозанет, боевой генерал ставший министром на год с небольшим раньше моего знания истории. Генерал он был знающий, пользовался авторитетом и уважением в армии и это очень быстро почувствовалось на фронте.

Генерал-лейтенант Карл Егорович Врангель вновь вступивший в командование Евпаторийским отрядом, связал союзников по рукам и ногам, не давая покоя противнику буквально ни днем, ни ночью. Пару раз уже союзники предприняли попытки нанести поражение русским, но были отбиты и сидели в Евпатории как мышки. Сложилась патовая ситуация, ни одна их сторон не могла побить соперника и не пыталась это сделать. Для нас это была настоящая победа, русские линии снабжения осажденного Севастополя оказались в безопасности.

Генерал Хрулев с каждым днем укреплялся в Бахчисарае и на Южном побережье Крыма. Ни о каком новом большом сражении с союзниками он и не помышлял, главной его задачей было укрепление обороны Севастополя и отражение будущей атаки на Керчь. Она началась, как я и знал, 12-ого мая.

Керченским гарнизоном командовал безродный и почти нищий полковник Карпов. Он сумел отличиться в компании 1853 года на Дунае, а затем на Кавказе в 1854-ом году. Был замечен нужными людьми и переведен в Крым. Попутно сам и его семья перестали бедствовать.

Гарнизон Керчи был своевременно усилен, особенно артиллерией, были выставлены минные заграждения, на мои деньги были куплены нужные корабли и затоплены в проливе. В трехдневном сражении, в котором основную роль играла артиллерия, русские понесли достаточно значительные потери, только убитых было больше тысячи и был нанес огромный ущерб Керчи. Но все атаки и попытки высадки десанта были отбиты.

Успех в Керченском деле имел два важнейших результата, были сохранены русские

коммуникации в Крыму и на Азовском море, а слово моих эмиссаров стало чуть ли не законом. Был создан специальный инженерный корпус, который за лето 1855-ого года сухопутное недоразумение между Севастополем и Бахчисараем, носившее громкое название дорога, но находившееся в очень плохом состоянии и пролежавшее то по каменистой горной, то по глинистой местности, то по болотистым низменностям, превратил во вполне приличную дорогу.

Это сразу же сказалось на положение дел в Севастополе. Стахановскими методами налаживалась переправа через бухту, непрерывным потоком шли подкрепления, особенно артиллерия. Были опустошены все тыловые воинские части и арсеналы почти по всей России, на фронте даже появились стволы сибирских частей. Огромные премии были назначены оружейникам за новую продукцию. Всеми правдами и неправдами пополнялись запасы пороха в войсках.

В результате к началу лета сложилась ситуация, начавшая вызывать нехорошие исторические параллели во Франции.

В осажденном Севастополе русские как минимум не слабели. Стоящая в Бахчисарае армия генерала Хрулева непрерывно усиливалась и Степан Александрович неукоснительно выполнял строжайшее указание нового военного министра: никаких наступательных авантур, всеми силами помогать Севастополю и держать свои позиции.

В новой действительности император не вмешивался напрямую в ход военных компаний и солистом был генерал Сухозанет. А то, что надо просто стоять, терпеть и ждать своего часа он понимал и без моих подсказок. В итоге не было катастрофы на Черной речке, и как следствие летних катастрофических бомбардировок осажденного города и страшных потерь среди защитников.

К началу августа русские укрепились на Инкерманских высотах, там была установлена батарея из пятидесяти новейших русских дальнобойных 60-фунтовых береговых пушек Баумгарта-Маиевского на металлическом лафете. Их дальность стрельбы была просто невиданная до сих пор — пять верст. В истории моей первой жизни это были две отдельные орудийные системы принятые на вооружение уже после войны. Зная об этом, я через третьи руки отвалил огромные деньги на ускоренную разработку новой пушки тандемом двух русских оружейников, её испытания и производство на уральских заводов.

Командование этой батареей принял русский артиллерийский гений штабс-капитан Александр Петрович Щёголев. Год назад двадцатидвухлетний прапорщик прославился шестичасовым боем своей 6-ой береговой батареей имеющей всего четыре старых орудия против нескольких сотен орудий союзного флота под Одессой 10-ого апреля 1854 — ого года. Через несколько дней он был удостоен ордена Святого Георгия 4-й степени и произведён через два чина в штабс-капитаны.

Батарея таких же пушек появилась и на Северной стороне, на безымянной высоте восточнее Парижской батареи.

В последних числах августа союзники провели последнюю бомбардировку и намеченный штурм Малахова кургана не состоялся. Точность огня новых батарей на предельной дальности была так себе, но это было огромное подспорье защитникам Малахова кургана. Плотность войск союзников в зоне поражения была такой, что все равно любой снаряд попадал в какую-нибудь цель.

Несмотря на сохраняющееся численное превосходство, предпринять атаку на русскую армию стоящую на Инкерманских высотах и Макензиевой горе союзники не решились,

также как и попытаться обойти её с юга. Это было бы Балаклавское сражение и Битва на Черной речке наоборот. Русская артиллерия просто бы расстреляла наступающих.

Первого сентября союзники прекратили бомбардировку Севастополя, перешли на редкий беспокоящий огонь и начали подготовку к последнему генеральному сражению за русскую твердыню. Свои планы они держали в строжайшем секрете, но абсолютно все в Европе и в России знали, что намеченный штурм состоится когда в войну вступит Австрия.

Одной из главных радостей для меня была предотвращение потери адмирала Нахимова. После отбитого первого штурма Севастополя, Государь категорически запретил ему рисковать. К адмиралу была приставлена охрана из высокопоставленных гвардейских офицеров во главе со срочно произведенным в генерал-адъютанты Павлом Константиновичем Александровым, внебрачным сыном Великого Князя Константина Павловича. Он ни на шаг не отходил от адмирала, даже спал рядом с ним. Рисковать жизнью такой особы Нахимов не мог и поэтому пуля, смертельно ранившая его в первой моей жизни, пролетела мимо.

На Кавказе тоже все было тип-топ. Назначенный еще императором Николаем новый кавказский Наместник генерал Николай Николаевич Муравьев сразу же получил подробнейшие инструкции от нового Государя и военного министра о порядке своих действий, ему были строжайше запрещены три вещи: критиковать своих предшественников, ссориться со своими генералами и офицерами и штурмовать турецкую крепость Карс. Её надлежало взять правильной осадой, а не повторять свой подвиг почти тридцатилетней давности, когда во время во время Турецкой войны 1828-1829-ых годов крепость была взята им же лихим неожиданным натиском. Также генералу было предписано воспрепятствовать попыткам турок провести десантные операции на русском Кавказе.

В итоге не было глупого и несправедливого письма Ермолову, ссоры с генералом князем Барятинским, которому было поручено действовать против возможных турецких десантов. Карс был быстро взят в полную осаду и пал в начале октября. Князь Барятинский не только успешно отразил все попытки турецких десантов, но и начал наступление на Батум. Разбив незадачливого Омер-пашу, он повторил русский успех прошлого года, и начал движение на Трапезунд. А основные русские силы выдвинулись к Эрзеруму и начали его осаду.

Но фоне всего этого и события в Европе разворачивались немного не так как в моей первой жизни. Все эти месяцы я был занят только одним: сменой общественных настроений в Европе. После длительных размышлений я выбрал очень интересный вариант, достаточно резкое и быстрое ужесточение кредитно-денежной политики во всей Европе, особенно в России и Австрии. Началось глухое недовольство в Европе, которое осенью переросло в открытое. Все газеты пестрели одним и на все правительства посыпались все возможные шишки.

Английский премьер Палмерстон и французский император Наполеон Третий понимали, что войну надо кончать и приняли решение усилить давление на Австрию и наконец-то получили искомый результат, австрийский император решил вступить в войну и предъявил России ультиматум.

Несмотря на все достигнутые успехи в Крыму и на Кавказе, сопротивляться удару Австрии, а тем более еще и Пруссии, сил у России не было. В ту минуту, когда графу Буолу доложили о русском посланнике и он в нетерпении ждал момента своего торжества, той минуты когда им будет озвучен окончательный срок австрийского ультиматума, я заходил в

кабинет австрийского министра финансов Карла Людвиг фон Брука. Мы были достаточно хорошо знакомы и у нас были ровные деловые отношения.

Но сейчас австрияк встретил меня как напыщенный индюк, молча стоя у своего стола.

«Вот баран, неужели у них нет финансовой разведки и он не понимает зачем я к нему явился?» — подумал я и также молча протянул ему папку с бумагами. Бедного австрияка надо было видеть. Когда он закончил чтение, то производил впечатление огромного шарика из которого выпустили воздух. Еще бы, мало того что его уведомяли о больших проблемах с получением так необходимых империи кредитов, ему еще сообщали о внезапно возникших проблемах с погашением старых, внезапно оказалось что несколько миллионов надо срочно вернуть чуть ли не завтра. И это было не всё. Фон Брук прочитал еще и список долговых обязательств австрийской знати, промышленников и купцов на сто фамилий. Но при необходимости я его могу увеличить в несколько раз.

Номером один списка был сам Франц Иосиф, затем шли эрцгерцоги и прочие. В первой двадцатке были граф фон Буоль-Шауенштейн, Министр-президент Австрийской империи и сам министр финансов. Итоговая цифра была впечатляющая.

Точно такие же списки я приготовил для Берлина, двух столиц воюющих с нами великих держав и конечно для Санкт-Петербурга. В России этот список уже сработал как мне нужно. Тратиться на османов и ничтожных сардинцев я не стал, много чести.

Мои затраты составили уже пятьдесят с небольшим хвостиком миллионов фунтов стерлингов, сумма для меня пока не критичная, но уже очень существенная. По крайней мере наличные деньги я выгреб почти под ноль и уже залез в свои запасы драгоценных камней и металлов.

Безвозвратными из них были примерно миллионов двадцать, потраченных на Россию, а вот всё остальное мне вернется до последней копейки и даже больше того, «напеню» я по полной программе.

— Я ожидал чего-нибудь подобного с той минуты, когда вы неожиданно появились в Вене, — выдавил из себя австрияк, бросив на меня тоскливый затравленный взгляд. Я развел руками и не удержавшись, злорадно ухмыльнулся, всё-таки какая-то разведка у тупоголовых австрияков оказывается есть.

— Я еду к себе, обедать в обществе князя Горчакова. Вы знаете, мы русские, любим обедать долго и в свое удовольствие. Надеюсь вам хватит времени доложить обо всем вашему императору и привезти его положительный ответ, — я сделал акцент на слове «положительный», — нашему императору Александру Николаевичу. Если в двадцать четыре ноль-ноль не будет ответа, то мои дальнейшие действия вы знаете.

Я по-простому показал пальцем на бумаги, которые держал австрийский министр.

— И вы знаете, господин министр, такие же списки у меня есть и для ваших предполагаемых союзников, — я сделал паузу и хладнокровно с отяжечкой добил. — Положительный ответ, подчеркиваю, только положительный, пусть мне привезет лично граф Буоль. И не забудьте сразу же сыграть отбой для ваших вояк. А то что-то раздухарились вы, прямо как взрослые. И последнее.

Меня внезапно стала накрывать волна гнева, захотелось подойти и врезать в австрийскую рожу за все подлости последних лет. Я стиснул зубы, сделал глубокий выдох, успокоился и закончил, на полтона понизив голос.

— Мне доложили, что вокруг русского посланники и нашей миссии постоянно крутятся какие-то непонятные типы. Вчера кто-то разбил камнем окно. Сегодня мой камердинер

доложил, что эти же люди замечены около моего дома. Так вот, господин министр, — австриец немного наклонился в мою сторону, что бы не пропустить ни одного слова, — если против меня, моей семьи и моих людей, в число которых входит и князь Горчаков со своими сотрудниками, будет замечен еще один просто косою взгляд, не говоря уже о действиях, то все векселя и долговые расписки людей из переданного вам списка будут предъявлены к оплате, начиная с первого номера списка.

Я повернулся и пошел к двери. Но неожиданно остановился и с улыбкой добавил:

— Из чисто альтруистических побуждений я могу закрыть глаза на несколько фамилий в этом списке. На одну точно.

Бледный, с трясущимися губами, русский посланник уже был у меня. Он молча протянул мне текст австрийского ультиматума.

— Александр Михайлович, я знаю что там написано и догадываюсь, что вам сказал фон Буоль. Державы непреклонны, наши предложения он даже не будет озвучивать и дает нам на принятие капитуляции шесть дней. Я всё правильно сказал? — я постарался максимально изобразить легкий поклон. Князь не ответил и только горестно обхватил руками голову.

— Любезнейший Александр Михайлович, давайте сначала пообедаем, а потом займемся делами. Ваши курьеры готовы, а вы на сытый желудок глядишь и что-нибудь приятное напишите, а не ..., — я показал на австрийскую бумагу.

Обедали мы долго и чинно. В какой-то момент князь немного повеселел, похоже, что он задумался с чего бы мне быть в таком прекрасном расположении духа. Мы заканчивали обед и я почти открыл рот, что бы пригласить князя в свой кабинет, как зашел лакей и доложил о прибытии графа Буоля.

Всё опять произошло молча. Министр-президент Австрийской империи зашел в кабинет, подошел к моему столу и положил на него пакет, который держал в руках. Я достал из пакета бумаги и внимательно прочитал их. Затем достал из верхнего ящика один из векселей графа и протянул ему.

— Благодарю вас и не смею больше задерживать, — свой вексель граф Буоль взял тоже молча и быстро удалился.

Я позвал лакея и подал ему заранее приготовленный пакет с обещанным «подарком» австрийскому министру финансов, а затем подошел к окну посмотреть как уезжает мой «гость».

Александр Михайлович написал короткий отчет в Петербург и два курьера тут же помчались в Россию.

Из «гостеприимной» австрийской столицы я выехал следующим утром и не спеша направился в российские пределы. Письмо австрийского императора надо было доставить в Петербург как можно скорее, но не менее важным было убедиться что австрияки действительно дали отбой. Несколько раз мне встретились австрийские войсковые колонны направляющиеся прочь от русских границ. Солдаты и офицеры не скрывали своей радости что пугающая всех война с Россией отменяется.

В два часа после полудня четвертого января 1856-ого года я был в Варшаве. Слухи об отзыве австрийского ультиматума уже дошли до Царства Польского и все кругом гудело как растревоженный муравейник.

Я сразу же поспешил к императорскому Наместнику Царства Польского генерал-фельдмаршалу светлейшему князю Варшавскому Ивану Фёдоровичу Паскевич-Эриванскому.

Прославленный русский генерал, после контузии полученной два года назад под Силистрией, много болел, а после смерти императора Николая Павловича вообще слег. Но когда ему доложили о моем прибытии из Вены, он нашел в себе силы встать и принять меня не в постели. После взаимных приветствий фельдмаршал сразу же перешел к делу.

— Итак, князь, жду достоверных хороших известий и уверен, что из первых рук.

Я довольно улыбнулся, мои известия наверняка благотворно повлияют на здоровье Наместника.

— У меня, Иван Федорович, не хорошие, а отличные известия. Я везу нашему Государю личное послание императора Франца Иосифа. Австрийцы отозвали свой ультиматум и начали отвод войск от границы с Российской империей. По секрету вам скажу, у австрийцев внезапно начались финансовые проблемы, они вынуждены в пожарном порядке спасать свои финансы и резко сократить свои военные расходы.

— А ты, князь, не боишься обмана? Я на старости лет уже никому в Европе не верю, особенно австрийцам.

— Не боюсь, Иван Федорович, с Ротшильдами, сами знаете, шутки шутить себе дороже, это ведь они претензии австрийцам выдвинули. Да и сам видел, отходит не только пехота с кавалерией, но и артиллерия и все тыловые части. Видно, что австрийская армия просто расходится по домам.

Мои слова действительно оказались бальзамом для старого солдата, он прямо на глазах помолодел и тут же вызвал своего адъютанта.

— Список частей, карту расположения и господ генералов ко мне.

Когда адъютант вышел из кабинета, генерал-фельдмаршал лукаво прищурился и задумчиво сказал:

— Как думаешь князь, Государь не сильно будет журить нас, если мы начнем подготовку к переброске части войск в Крым? Десятка два батальонов явно там не будут лишними и в Дунайскую армию восточку пошлю, пусть тоже готовятся. Ты в Варшаве планируешь задерживаться?

— Нет. Теперь надо спешить и быстрее оказаться в Питере.

— Тогда не откажи в любезности накоротке, по-солдатски, отобедать со мною пока тебе оформят подорожную, да фельдъегеря придут. Для скорости пусть тебя сопровождают.

Уже вечерело, когда через трое суток безостановочной скачки в сопровождении трех фельдегерей, я достиг столицы Российской Империи. За все время бешеной скачки было всего три получасовых остановки, да короткие максимум по десять минут при смене лошадей. Еда и отдых на ходу.

На заставе на въезде в город меня ждал гвардейский караул и через полчаса я уже входил в кабинет Государя Императора.

Александра Николаевича, нового Императора и Самодержца Всероссийского я знал больше двадцати лет. На торжествах в дни совершеннолетия Цесаревича ему меня представил Михаил Михайлович Сперанский, воспитатель будущего императора. Но реально наше первое общение состоялось 6-ого декабря 1840-ого года на обручение Цесаревича с великой княжной Марией Александровной.

Июльская революция во Франции и появление на политической карте Европы нового государства — Бельгии принесли мне первые немалые свободные финансовые средства, а мои заслуги в «минимизацию» восстания в Царстве Польском временную благосклонность Государя Императора. Думаю, что только память об этом удержала его от более резких действий в мой адрес в начале Крымской войны.

Но это будет через много лет, а в 1831-ом году я получил зеленый свет для воплощения планов своей деятельности на Аляске и российском Дальнем Востоке. В Российской Американской компании, полугосударственной торговой компании действующей в Русской Америке, бал уже правили не сибирские купцы, а императорская семья со своими сановниками, столичные чиновники и морское офицерство и без санкции Государя там ничего нельзя было предпринять.

Почти за десять лет я стал реальным хозяином компании, добился там поразительных результатов и императорская семья была очень довольна моей деятельностью. Дивиденды, ежегодно получаемые на акции компании, были очень существенными. После обручения сына Николай Павлович почему-то решил передать все дела компании в его ведение. После этого до самой Крымской войны я ежегодно встречался с цесаревичем и его супругой. Моя жена постепенно стала подругой Марии Александровны.

Этим обстоятельством я и решил воспользоваться, когда пришло время действовать. В конце января 1855-ого, незадолго до кончины Николая Первого, Софья Андреевна приехала в Питер и на этот раз была принята очень любезно, особенно Марией Александровной. Через пару месяцев молодая императрица стала горячей сторонницей предлагаемых мною реформ и постепенно изложила мои планы своему супругу. И я уже знал, что Государь согласен практически со всеми моими предложениями, кроме отмены черты оседлости и уравнивания в правах всех своих подданных.

Дежурный офицер быстро провел меня в кабинет Государя. По дороге нам не встретилось ни души. Двое моих телохранителей, а после отъезда из Англии я ни разу нигде не появился без своей охраны, остались у дверей и я вошел в императорский кабинет.

В кабинете были все те, кто принимал участие в последнем заседании, когда обсуждался австрийский ультиматум: канцлер Карл Васильевич Нессельроде, граф Павел Дмитриевич Киселев, князь Михаил Семенович Воронцов, граф Алексей Фёдорович Орлов и граф Дмитрий Николаевич Блудов. Я ожидал конечно, что будет военный министр, но

сделав уступки в кадровых вопросах в военном ведомстве, император явно не собирался вводить в свой близкий круг моих протеже.

Поприветствовав Государя, я протянул ему письмо императора Франца Иосифа. Прочитав его, Александр Николаевич спокойным будничным тоном сказал:

— Австрия отзывает свой ультиматум без каких-либо условий и император Франц Иосиф заверяет меня в верности всем договорам, гласным и приватным, — предыдущее заседание велось строго на французском. Сейчас же Государь говорил по-русски. Все присутствующие знали, что я принципиально в России со всеми говорю на великом и могучем, делая только исключение для Государя и цесаревича с их женами. Ну и естественно для иностранцев, если они по-нашему были ни бельмеса. И переход императора на русский язык был очень хорошим знаком.

— Продолжение войны это безумие. Что последует за этим? — вопрос Государя был естественно адресован мне.

— За этим, Государь, последуют мирные переговоры. Император Наполеон вполне удовлетворил свои амбиции, он и общественное мнение во Франции считают, что они отомщены за поражение Наполеона Бонапарта, — я естественно опустил, что отомстить любителям лукового супа и вонючего сыра хотелось именно императору Николаю, которого они считали участником той войны. Но не сказанное мною все отлично поняли. Особенно Государь Император, он недовольно дернул головой и зло прищурился.

— Но две тяжелых зимы в Крыму разбудили память о тех событиях, — продолжил я излагать своё видение ситуации. — Каждый день в Париж и Лондон приходят известия о потерях в Крыму, причем от болезней там умирают каждый день и больше чем от пуль и снарядов. Союзники никак не могут справиться с холерой в отличии от нашей армии.

Союзные армии всё не могли решить проблему своего водоснабжения, несмотря на джентльменские договоренности с русским командованием не использовать воду как оружие и не блокировать источники воды. Русская армия конечно то же страдала от болезней, но наши проблемы были ничто по сравнению с союзниками. Если судить по потерям, то пришедшая в очередной раз в Европу холера была главным врагом союзников, а не русская армия.

В отдельные дни затишья на фронте стороны не несли никаких боевых потерь. А вот болезни, особенно холера, пощады не знали.

В оккупированной союзниками Евпатории, особенно после того как по призыву генерала Хрулева её покинула большая часть населения, чистой воды худо-бедно хватало, зарубежные лекари умилились своей спесью и стали слушать оставшихся в городе русских врачей и даже прислали своих парламентаров для поклона моему зятю Матвею Ивановичу Бакатину, который в шестьдесят лет опять облачился в военный мундир и возглавлял борьбу наших лекарей с холерой. И на мой взгляд достаточно успешную.

А вот на пяточке между Балаклавой и Севастополем, где было сосредоточено больше ста тысяч человек, была полная беда. Союзники каждый день расплачивались десятками и сотнями жизней своих солдат и офицеров унесенных холерой, за надутые спесью щеки европейских медицинских светил, за смех и саркастические шутки в адрес русских коллег, когда через несколько лет после эпидемии начала тридцатых годов наши врачи попытались донести до просвещенной Европы свои выводы о методах и способах борьбы с холерой.

— В Крыму союзники по-прежнему имеют превосходство над нами практически во всем, но разгромить армию Хрулева и взять Севастополь они не могут. Мои люди

докладывают, — дальше крутить одним делом и делать вид, что я тут оказался случайно, просто проходил мимо, было глупо, — а я им верю, что за зиму укрепления Южной стороны приведены в порядок и теперь практически неприступны для союзников. Батареи Северной стороны, особенно усиленная Парижская и Николаевская Инкерманская, — строительством новых дальнобойных батарей руководил младший брат императора Николай, он уже почти год постоянно находился на Северной стороне и руководил там всеми инженерными работами и строительством дороги до Бахчисарая, — своим огнем делают невозможным для союзников штурм Малахова кургана.

На мой взгляд это был современный вариант стояния на Угре не только в Крыму, но и в целом в войне. Для союзников единственный шанс победить давало вступление в войну Австрии. Но он исчез и с Польши и из Дунайской армии Россия может начать переброску войск в Крым. К лету союзники потеряют свое превосходство под Севастополем, нам нужно просто стоять и ждать когда они созреют, а на Кавказе глядишь еще что-нибудь возьмем.

Еще маршал Жан-Джакопо Тривульцио в начале 16-ого века ответил французскому королю Людовику XII на вопрос, какие приготовления нужны для завоевания Миланского герцогства, что для войны нужны три вещи: деньги, деньги и еще раз деньги. Затем эту фразу повторили граф Раймондо Монтекуколи, Наполеон Бонапарт и многие другие. А сейчас её повторил и я.

У меня деньги еще были, а вот у держав уже нет. И взять их было не откуда. И без моих интриг все денежные мешки уже призадумались. Неожиданно замаячила очередная война с Россией а-ля 1812 с непредсказуемым концом. Вернее конец-то был предсказуем — поражение России, но цена была слишком высока.

Потерять еще раз на бескрайних российских просторах очередные полмиллиона бесценных европейских жизней было явным перебором, по моему мнению они уже и так составили не меньше двухсот тысяч. Особенно болезненно воспринимались потери среди офицерского корпуса. Английское общество продолжало оплакивать свои сливки, погибшие в пресловутой атаке легкой кавалерии.

Поэтому я считал, что нам надо просто переждать наших противников и они скоро предложат вполне приемлемые условия мира, например замена нашего протектората над Балканами на четырехсторонний: Британия, Франция, Австрия и Россия и сохранение статуса-кво в остальном.

Изложив все это, я остановился. Император, слушая меня, отошел к окну, а сейчас быстро и резко вернулся к столу.

— И вы, князь, думаете, что державы на это пойдут? — недоверчиво спросил Государь.

— Уверен, Ваше Величество.

Император отлично понял, что я еще что-то хочу сказать ему тет-а-тет и после некоторой паузы сказал, обращаясь к присутствующим.

— Господа, оставьте нас, — сановники быстро и молча удалились.

Император Александр быстрыми нервическими шагами сделал два круга по кабинету и остановился, вонзив в меня пронзительный взор.

— Что вы, князь, еще хотите сказать?

— После отмены «хлебных» законов в Англию завозится много дешевого сырья, английская промышленность сейчас растет как на дрожжах и им необходимы большие рынки сбыта. Таких рынков всего четыре: Индия, Китай, Соединенные Штаты и Россия.

На этом месте я взял паузу, сделал вдох-выдох и продолжил политико-экономический

ликбез российского самодержца.

— Про Индию с Китаем говорить не будем, с Америкой они уже сейчас тягаться не могут, поэтому остается только Россия. Английский капитал поддержал войну и дал на неё деньги только с расчетом получить после войны доступ на наши рынки. Открытие наших рынков и отказ от поддержки отечественной промышленности может быть смертельно для неё если страна не сделает очередной рывок вперед, такой что померкнут даже деяния Петра Великого, — положа руку на сердце, я был не высокого мнения о императоре Александре Втором. Слабоват он был по-моему для тех задач, что стояли перед Россией. Но огромные деньги вложенные мною в это дело и мой откровенный и наглый шантаж заставляли его следовать моему плану. А мне предстояло работать с теми кадрами, что есть. Другого императора под рукой не было.

В списке, переданном российскому министру финансов не было императора, самого министра и всех присутствовавших в кабинете. Но там уже были великие князья, много царских сановников и прочих влиятельных лиц России. А министру финансов России открытым текстом было заявлено, что не будет не только новых кредитов, но и все старые долги придется оплачивать в пожарном порядке.

— Но если наши промышленники поставят интересы России выше своих собственных и возьмут в пример Николая Ивановича Путилова, то от появления дешевых и качественных английских товаров мы только выиграем, — на этом месте я откровенно передернул. В истории со строительством флотилии винтовых канонерок, предотвративших нападение английского флота на Кронштадт и Питер не менее важную роль сыграл морской министр Великий князь Константин Николаевич. Государь Император мою хитрость отлично понял и скривился в ухмылке.

— И если воровать будут поменьше, — неожиданно добавил Государь. — Знаете сколько жалоб поступило на суровость ваших эмиссаров на Юге России? Особенно от тех, кого за это повесили, — у меня даже язык зачесался спросить, как интересно повешенные воры умудряются жаловаться, но решил благоразумно промолчать, все-таки император. — Ваша жена достаточно подробно изложила Государыне всё ваши планы. Если я правильно понял, вы предлагаете отменить только часть пошлин?

— Да, Государь. Только те, отмена которых будет выгодна России. А главной морковкой я предлагаю сделать участие иностранцев в строительстве железных дорог России, создании современного парового флота и других подобных проектах.

Император подошел к своему столу, открыл какую-то папку и жестом предложил мне подойти. В папке лежала карта Российской Империи с нанесенным предлагаемым мной строительством железных дорог.

— Объясните мне, князь, зачем нужна дорога до Мурмана?

— Кольский залив пока единственная в России никогда не замерзающая акватория и выход из которой не может заблокировать ни одна держава. И там необходимо строить современные торговый и военный порты. А для этого нужна железная дорога до Мурманского берега.

Император еще раз прошелся по кабинету и предложил мне сесть в кресло рядом с его рабочим столом, предложение было очень кстати, я очень устал за трое суток и в буквальном смысле еле стоял на ногах.

— А почему вы считаете, что англичане заинтересованы в предлагаемом вами разграничении сфер интересов?

Государь похоже в первую очередь задавал мне вопросы по тем пунктам моего плана, которые у него вызывали вопросы. Я повторил ему то, что говорил Дизраэли, конечно в другой последовательности и другими словами. Выслушав меня, Император долго молчал. Оставались два самых главных вопроса: крестьянский и еврейский. Наконец Государь спросил:

— Князь, скажите, я правильно понял, что крестьянский и еврейский вопросы для вас главнейшие?

— Да, Государь.

— И как вы собираетесь решить крестьянский вопрос?

— Очень просто, Государь. Российское дворянство в долгах, как в шелках. Цена вопроса — земля и воля. Я думаю, что условия Земельного банка, положение о котором в ближайшее время будет представлено для Высочайшего Рассмотрения, удовлетворят все стороны, — это была голая идея, а как конкретно осуществить задуманное, я еще не знал.

Но Государь похоже подробностей пока не ждал и задал самый главный вопрос.

— Основную идею своих предложений вы, князь, хорошо замаскировали, а это, если я не ошибаюсь, реальное воплощение в Российской Империи идей Французской революции: свобода, равенство и братство.

От слов императора я на мгновение потерял дар речи в прямом смысле слова. Государь был совершенно прав, но эта простая мысль мне почему-то не приходила в голову. Говорить о возможном будущем братстве всех российских подданных конечно смешно, это при любом раскладе утопия.

А вот одинаковые права и свободы всех подданных империи не зависимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, и других обстоятельств вполне подходят. Вкупе с запрещением любые форм ограничения прав подданных по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности и равенство всех перед законом.

Но я был реалистом и понимал, что это невозможно. Хотя Если Государь сам это сказал, почему бы не попробовать. Но начать я решил осторожно и зашел издали.

— Если позволите, Государь, я подробно объясню свою точку зрения, — император кивнул и поудобнее расположился в кресле. Мне конечно сейчас больше подошло бы поскорее оказаться в своем питерском доме под крылышком супруги, но выбирать было не из чего. Не факт, что у меня еще раз будет возможность высказать свое мнение Государю Императору. Эта особая порода людей, что у них в головах одному Богу известно. Однозначно только одно, вагон и маленькая тележка спеси и сумасбродства абсолютно у всех.

— России еще ни разу в своей истории не приходилось вести такую войну как сейчас. У нас нет ни одного союзника, а против нас вся Европа. И мало того в любой момент могут заполыхать наши южные и восточные рубежи. Если в ближайшие годы не провести реформы и страна не совершит рывок в развитии как при Петре Первом, то следующая война, а она неизбежно будет лет через двадцать, закончится полным разгромом и возможно даже уничтожением России. У нас по итогам войны заполыхает так, что зверства французской и прочих революций покажутся детскими шалостями.

Мне конечно хотелось сказать открытым текстом про революционные казни монархов Европы и планы цареубийства декабристов, но это было без сомнения лишним. Да и не

дурак Государь-батюшка, думаю и так всё недосказанное отлично понял.

Государь Император слушал меня молча с бесстрастным каменным лицом. Я, честно говоря, совершенно не понимал, правильно ли всё это говорить. Но назвался груздем, полезай в кузов. Поэтому я продолжил.

— У России есть два союзника, её армия и флот, — сказав это, я успел подумать, а интересно кто будет в истории автором этих слов: я или все-таки сын нынешнего императора, — но чтобы стать по настоящему непобедимыми, нужен еще один — мы сами. Подданные империи должны быть на самом деле верноподданными. А у нас одни православные по прежнему как скот продают других, можно приказать до смерти заporоть солдата за ничтожную провинность. А потом удивляться почему другие солдаты не горят желанием воевать за Отечество. Можно отдавать в солдаты чуть ли не младенцев, заставлять платить налоги вдвое, втрое больше других. По прихоти самодуров и мракобесов запрещать жить там, где веками жили твои предки.

Я горестно усмехнулся и сделал паузу. Мне до жути захотелось покурить. На столе у императора я давно заметил интересную шкатулку, в таких шкатулках очень часто держали сигары и несколько раз откровенно посмотрел на неё. Император вероятно поймал мой «голодный» взгляд, молча открыл шкатулку и сделал приглашающий жест.

В шкатулке действительно были сигары. Причем мои любимые. Александр Николаевич спокойно дождался пока я прикурю и сделаю две затяжки, и только после этого красноречиво посмотрел на меня, слегка опустив голову. Любимая первая затяжка придала мне силы и я продолжил.

— Я, Государь, белой завистью завидую британцам. У них во власти всегда одна партия — пробританская. Британия превыше всего и как заявил лорд Палмерстон, у Англии нет неизменных союзников и нет вечных врагов, неизменны и вечны лишь английские интересы, и долг британцев — следовать им. Еврей Бенджамин Дизраэли один из виднейших английских политиков, еврей Мозес Монтефиоре, английский баронет и один из самых уважаемых людей Соединенного Королевства. Британские интересы у них стоят на первом месте. А у нас на каждом шагу то проанглийская партия, то профранцузская, то проавстрийская. С горечью вспоминаются, Государь, фамилии некоторых российских персонажей таких как канцлер Бестужев, братьев Александра и Романа Воронцовых, мадам Жеребцовой.

На этом я решил закончить, у меня появилось чувство, что императору становятся очень неприятны мои слова, тем более что перечисление персонажей российской истории стоящим на различных про каких-нибудь позициях надо было начинать с лиц императорской фамилии, например с Петра Третьего.

Несколько минут в кабинете стояла тишина, затем Государь встал из-за стола и холодно сказал:

— Благодарю вас, князь. Не смею вас больше задерживать, вам надо отдохнуть, да и супруга ваша, насколько я знаю, истосковалась без мужа.

Отдохнуть у меня не получилось, оказалось в нашем питерском доме меня ждала не только моя благодетельная, но и мои дети со своими половинами, сестры Анна и Мария с мужем Сергеем Ильичем Терентьевым и любимые внуки и племянники.

Сергей был из среднеродовитых, но уже безпоместных и обедневших орловских дворян. Сестра вышла за него по большой любви. Машу он любил, но человеком был не разговорчивым и скупым на проявление чувств. Ни каких поводов подозревать его в супружеской неверности ни разу не подавал, к жене и всей нашей семье относился подчеркнуто уважительно. Разговорчивым бывал только в одной ситуации, общаясь со своими детьми, двумя сыновьями и дочерью.

С Машей Сергей познакомился когда его драгуны однажды в пургу вызволили из снежного плена почтовую карету в которой моя сестрица решила ехать из имения Новосёлово к матушке, которая была в Москве, приехав в Россию по финансовым делам мужа. За несколько часов общения они, со слов Маши, успели влюбиться друг в друга. Через неделю бравый драгунский поручик лично предстал пред матушкиными очами и попросил руки дочери.

Сергей на удивление не имел ни какого понятия о нашей семье. Да и надо честно сказать, что я хотя и выбрался из долгов и уже занимался серьёзными финансовыми делами, мы все продолжали жить тихо и скромно. Однажды он после рождения сына неожиданно для меня расчувствовался и признался, что если бы точно знал о зашкаливающей знатности Маши и богатстве нашей семьи, то никогда не решился попросить её руки.

Матушке молодой офицер понравился и она дала согласие на брак. Я был в Америке и вернулся тогда, когда они уже обвенчались, сестрице было невтерпёж и матушка со старшей сестрой не смогли ей отказать. Я на Машу не обиделся, а Сергей мне просто понравился. Да и обижаться с моей стороны было глупо, влюбляться с первого взгляда и тут же делать решительные движения по видимому было у нас в крови.

До Крымской войны Сергей исправно тянул армейскую лямку, воевал не один раз и принципиально отказывался от моей помощи. Материально они конечно жили безбедно, Маша получила очень хорошее приданное, да и я при случае не забывал делать большие подарки по различным поводам.

Накануне Крымской войны Сергей получил полковника, служил на юге и в конечном итоге оказался в осажденном Севастополе, где успел получить еще два ордена к имеющимся двум. В конце августа 1855-ого года был тяжело ранен на Малаховом кургане и эвакуирован сначала в Бахчисарай, а потом в Ростов.

После выздоровления он получил назначение в столичный гарнизон и принял один из драгунских полков. Накануне моего возвращения в Россию ему приказали сдать полк и находиться в распоряжении военного министра.

О моем приезде в Петербург все знали, как и о том, что я сразу же проследовал в Зимний. Стоило мне покинуть императорский кабинет, как в наш дом помчался посыльный с этим известием и вся моя семья ожидала меня в большой и просторной гостиной.

После радостных объятий и тысячи поцеловчиков, мне показалось что слезу смахнул даже скупой на эмоции Сергей Ильич, всё проследовали в столовую, где был накрыт праздничный ужин.

Два часа за столом пролетели как одна минута, все одновременно говорили обо всем и ни о чем, только один бравый кавалерийский полковник молча и радостно улыбался в свои густые, но уже полуседые усы, молча потягивая свой любимый «Моет Шандон».

Ужин подходил к концу, младших уже начали отправлять спать, когда неожиданно прибыл курьер из канцелярии военного министра генерала Сухозанета. Прочитав министерскую бумагу, зять усмехнулся и протянул её мне.

Николай Онуфриевич уведомлял его о производстве в генерал-майоры и необходимости завтра утром срочно предстать пред светлыми министерскими очами для получения нового назначения.

Когда я закончил чтение и поднял взор от бумаги, в столовой остались моя супруга со старшими сыном Андреем, Сергей Ильич с Машей и конечно Анна, она по-прежнему была моим первым заместителем во всех делах. За время моего изучения министерского послания, новоиспеченный генерал уже пересказал его содержание всем остальным.

— Алексей Андреевич, это ответ императора на твои предложения или что-то другое? — спросила жена.

Последние лет пять супруга на людях всегда меня называла по имени-отчеству. Наедине она по-прежнему обращалась ко мне по имени, да при детях отец или папа. В нашей семье как-то сразу повелось использовать обращение папа привычным для меня образом.

— Сложно сказать, — пожал я плечами, — всякие короли, цари и императоры для меня продолжают оставаться полной загадкой. Их решения зачастую не поддаются ни какой логике. Думаю в ближайшее время все станет понятным. Одно могу сказать точно, из России меня пока не высылают. Сергея по любому за Севастополь должны произвести в генералы. Посмотрим какое назначение он завтра получит.

Говоря так, я совершенно не кривил душой. Лет десять назад в моей светлой голове созрел, как мне тогда казалось, окончательный вывод, что на самом деле в этом мире действительно всё продается и покупается и цена вопроса количество нулей после единицы. Только твердокаменность российского самодержца по отношению к моим предложениям была исключением из этого правила. Да и то, мне все равно думалось что просто надо увеличить ставки.

Но когда началась Крымская война, император Николай Павлович этот мой окончательный вывод обнулil, дав мне от ворот поворот. Никакие мои доводы и предлагаемые нули после единицы не поколебали его убежденности в правильности этого решения.

Его старшему сыну и наследнику конечно было далеко до отца, но всё равно червячок сомнения продолжал меня грызть изнутри. Я слишком хорошо знал историю царствования императора Александра Второго, его нерешительность и непоследовательность в проведении реформ и их половинчатость. Другой опасностью моим планом была возможность нехватки финансовых средств.

Я конечно был феерически богат по меркам девятнадцатого века, созданные мною «золотая» и железнодорожные империи Европы и Северной Америке приносила мне сумасшедшие деньги, но что бы двигать в правильном направлении корабль под названием «Россия» требовались немыслимые деньги. Бросить на произвол судьбы два других корабля, Техас и Калифорнию я никак не мог, а там затраты то же были ого-го.

По большому счету мне надо было выкупить у русских крепостников миллионы крестьян и сделать это надо было с землей. А стоимость решения еврейского вопроса вообще

была не понятна, я на самом деле не знал, что делать для быстрой интеграции миллионов евреев в русское общество.

Вернее даже сказать не делать, а убедить власть в необходимости это делания. Если на дворе был бы к примеру год девятисотый, у меня был бы железный аргумент — количество евреев уже подавшихся в революцию. Но сейчас середина 19-ого века и я как раз и хочу предотвратить этот массовый поход еврейской молодежи в революцию через несколько десятков лет.

Поговорив еще немного по сути ни о чём, мы разошлись по своим спальням.

Мы с Сонечкой только однажды расставались на несколько месяцев, когда она после последних тяжелых родов осталась в России, а я поплыл в Америку. Именно в то моё отсутствие Маша и вышла замуж, предварительно получив от моей супруги железные гарантии, что я не обижусь. Несмотря на возраст и четыре беременности, а всех детей жена сама не только кормила грудью но и баюкала по ночам, когда они не спали, выглядела она потрясающе, на мой взгляд почти также, как в те времена когда мы поженились. Время явно было не властно над ней.

Несмотря на мою усталость, мы всю ночь занимались любовью, я в этом деле оставался молодцом, несмотря на приближающийся полтинник, а в перерывах разговаривали, вернее говорила Сонечка. Она спешила как можно скорее дать мне подробный отчет о проделанной работе. В итоге заснул я уже утром и спал сном младенца, когда зять уехал к министру.

Он не только получил новое назначение, но и предписание немедленно выехать к новому месту службы. Причем слово немедленно было не фигурой речи, а реально требованием убыть по назначению в течении часа.

Новым местом службы была Первопрестольная, где через две недели он должен будет принять командование 1-й Легкой Гвардейской Кавалерийской дивизией, которая уже получила приказ срочно выдвигаться в Москву. А еще через неделю дивизия должна будет начать движение в Крым, чтобы войти в состав Крымской армии.

Эту потрясающую новость сообщила мне испуганная сестрица. Она с ужасом думала как её любимый супруг будет командовать дивизией. Мало того, что он до этого командовал только армейским драгунским полком, кем приходилось командовать в Севастополе было совершенно не понятно, так дивизия еще и гвардейская. Она серьезно опасалась демонстрации спеси родовитых гвардейцев.

Вот уж чего-чего, а этого я совершенно не опасался. Если Государь простого, хоть и очень заслуженного, драгунского полковника производит в генералы и назначает командиром гвардейской дивизии, то понятное дело это не просто так. И что бы в данной ситуации надувать дворянской спесью щеки, надо быть полным идиотом. Да и при всей скромности моего зятя за версту было видно, что денег у него куры не клюют.

В полку, которым он командовал до войны, текли молочные реки и были кисельные берега. Сестрице на откуп было отдано всё полковое хозяйство и денег на него она не жалела. Иногда Маша даже оплачивала карточные долги господ-офицеров. Правда этому всегда предшествовал "душевный" разговор её супруга с незадачливым картежником, иногда с небольшим мордобоем, общаясь с господами офицерами, по некоторым поводам зять свои пудовые кулаки пускал в ход без раздумий. А вот на нижних чинов даже голос не повышал.

Однажды в моем присутствии он надавал подзатыльников одному нерадивому офицеру. И тот неожиданно предъявил господину полковнику претензию, что нижних чинов он чуть ли не на руках носит, а господам офицерам по мордасям достается. Сергей Ильич

рассмеялся и очень добродушно ответил:

— Нижние чины у нас, батенька, бесправны и безсловесны. А вы, ежели видите оскорбление своей дворянской или офицерской чести, можете мне в любой момент своих секундантов прислать.

Дураков было нема. Однажды один нашелся, но через час он прибежал к полковнику со своими извинениями, успев получить перед этим два десятка вызовов на дуэли от офицеров полка.

Похода на юг я не опасался, будучи твердо уверен что за две недели обязательно последует мирное предложение. А новое назначение Сергея Ильича свидетельствовало только об одном: мой план, в той или иной форме, Государем Императором принят.

Три дня я просто отсыпался за многомесячный недосып. После кончины императора Николая Первого не было наверное ни одной ночи когда удалось непрерывно спокойно поспать часов восемь подряд. Постоянно находились какие-нибудь неотложные дела, а ожидание нужных известий лишало сна напрочь. И сейчас, когда наконец-то что-то сложилось, наступила закономерная разрядка.

Через трое суток почти непрерывного сна в моей голове переключился какой-то тумблер и ранним утром 11-ого января я встал с постели в замечательнейшем настроении, свеженький как весенний огурец, полный сил и желаний.

После утреннего кофе я приказал заложить экипаж и мы с женой проехали по предрассветному Петербургу. Питер я любил, причем не только в прекрасные летние дни. В прежней и нынешней жизни в промозглую ветряную погоду моему организму очень комфортно когда постоянно моросит и с Финского залива дует пронизывающий ветер. А когда зимой выпадали редкие денёчки и в город приходила настоящая зима, одевая его в белоснежные наряды, я вообще ощущал себя почти на седьмом небе.

Вот и сегодня был именно такой день, ветер с залива стих, был легкий минус и за ночь все вокруг укуталось снегом. Неожиданно для себя я сильно продрог и был рад оказаться в своем хорошо протопленном рабочем кабинете.

В моем кабинете было несколько рабочих столов, они были как бы «тематические». Различных бумаг скопилось изрядно, Софья Андреевна аккуратно раскладывала их по различным столам и бдительно следила за порядком в кабинете, пыли на бумагах скапливалось изрядно и доверенные люди регулярно убирала её.

Первое, чем я решил заняться, это были транспорт и связь.

Еще до войны, через Ротшильдов, я принял деятельное участие в строительстве первых телеграфных линий Европы, испытывая по этому поводу сильнейшие угрызения совести. Получалось что мои миллионы работают не на благо России, а во вред. Европа начала быстро покрываться сетью телеграфных линий, а у нас все поначалу было как всегда.

Я потратил бешеные деньги на подготовку и стажировки русских инженеров и рабочих в Европе и Америке. Это было категорическое условие моего участия в финансировании любых проектов. Мои партнеры ничего против не имели, они даже с этого получали неплохой гешефт. Не просто так господина-товарищи Томас Джозеф Даннинг, а за ним и Карл Маркс, сказали о влиянии процента прибыли на мировоззрение капиталистов.

Через какое-то время мои миллионы все-таки сработали, удалось начать строительство телеграфных линий в Европейской России и к концу 1854-ого года были построены приличные линии, связавшие Питер и центр России с Финляндией, Прибалтикой, Польшей, Молдавией, Крымом, Кавказом и Уралом. Заканчивалась линия до Архангельска и наконец-

то потянулась линия в Сибирь. Там правда уже были её куски по несколько сот километров. Но это все еще надо было соединить в единое целое.

Стоимость работ была фантастической, строить что-нибудь путнее на наших необъятных просторах быстро, качественно и дешево можно только в сказках, когда у тебя в подрядчиках ходит щука-волшебница. А её у меня не было. И даже двум моим гениальным менигерам, я по молодости стал употреблять это слово, а не новомодное менеджер, говоря об организаторах каких-либо работ, не по силам было что-либо изменить.

Два брата-близнеца Василий и Иван Алексеевичи Петровы были из семьи, которая служила нам на протяжении многих поколений. Абсолютно точно в семейном архиве была какая-то запись об участии боевого холопа Петра, считавшегося основателем их рода, в Казанских походах Ивана Грозного.

Братья были моими ровесниками, их матушка была моей кормилицей, а затем нянькой. Моей самой большой детской тайной было то, что я её любил больше матушки. С Васькой и Ванькой прошло всё мое детство и юность. С пеленок братья знали, что служба князю Алексею Андреевичу является главным в их жизни.

В пятилетнем возрасте они однажды спасли меня, когда необъезженный жеребец сорвался с привязи. Садиться за парту в одиночестве я категорически отказался и рядом с моей появилась и парта для братьев. Из-за моего категорического отказа учиться без них, мое обучение было домашним.

Надо отдать им должное, учились они хорошо и прилежно. По крайней мере строгие учителя, а денег на эту публику родители не жалели, их чаще хвалили, чем ругали. В тринадцать лет мы отправились учиться в Императорский Санкт-Петербургский университет, я своекоштным студентом, а братья стали вольнослушателями.

Мой дед в 1812-ом году был губернским предводителем дворянства, после начала войны с Бонапартом вернулся на военную службу, быстро сформировал в губернии пехотный полк во главе которого был на Бородинском поле, где и сложил свою голову. Вместе с ним на войну, денщиком князя, ушел отец братьев Петровых.

После гибели своего хозяина и командира он остался дальше служить в полку, с которым дошел до города Парижа и был произведен в офицеры. Весь израненный и больной капитан Петров вернулся в наше имение и вскоре умер.

Создавшуюся дурацкую ситуацию, когда дети умершего от ран боевого офицера, будучи обер-офицерскими детьми, продолжали оставаться в крепостной зависимости, я разрешил при первой же возможности, дав братьям вольную. Они тут же заявили, что останутся служить мне.

Времена у меня были тяжелые, приходилось в буквальном смысле экономить каждую копейку, но я, дав им правильное целеуказание, все равно определил их в Главноеинженерное училище на кондукторское отделение.

Пять лет их обучения, три года на кондукторском и два года на офицерском, ничего не изменили в наших отношениях, вот только виделись мы редко. Все пять лет братья учились на мои деньги, поэтому после выпуска офицерами на действительную службу в Инженерный корпус они через полгода без проблем вышли в отставку и начали работать у меня. Мои ожидания друзья детства не обманули, оба оказались замечательными инженерами и организаторами любого порученного дела.

После начала Крымской войны Василий уехал на Аляску, а Иван остался со мной и вернулся в Россию вместе с моей супругой и в полруки помогал ей осуществлять общий

контроль разворачивающегося действия. Но главным его делом было завершение к моему приезду подготовки к началу осуществления в России двух масштабных проектов.

Перед началом войны я планировал в 1854-ом году начать строительство железных дорог на юг России, в Польшу и Урал. Для этого уже был создан инженерный штаб из двух десятков русских специалистов. Они все уже имели опыт проектирования и строительства железных дорог в России и за рубежом, побывав в командировках в Европе и США.

Вторая группа инженеров и ученых должны были заняться поистине проектом века, проведением телеграфной связи на Дальний Восток и Аляску. Начавшаяся война и мое физическое отсутствие поставили всё это на паузу. И это было на самом деле хорошо, за прошедшие два с хвостиком года многое изменилось и планы были существенно скорректированы.

Несколько дней я занимался разбором бумаг, читал, сравнивал с ранее написанным, еще и еще изучал подготовленные карты. Никого из своих сотрудников я решил пока не дергать со своими вопросами, которых у меня каждый день становилось все больше и больше. Иван Алексеевич перед моим прибытием отправился в Тулу, на тамошнем оружейном заводе предстояло испытание ружейных стволов отлитых в Златоусте из новой тигельной стали разработанной Павлом Матвеевичем Обуховым.

В начале 1850-ого года мне удалось всеми правдами, а больше неправдами, дав большие взятки чиновникам Департамента горных и соляных дел Министерства Финансов, наконец-то влезть в тяжелую российскую промышленность и получить право голоса в уральской металлургии.

До этого никакие мои морковки не помогали, после критики университетского устава царь-батюшка дал команду не пускать меня ни в какие промышленные дела Европейской России и Урала, только, пожалуйста, сельское хозяйство, Дальний Восток с Америкой и немного Сибири. Вы в даях делайте что хотите, естественно на свои и не забываете, сударь, еще и золотые веточки нам в клювике приносить. Даже производство сельхозмашин удавалось налаживать только через третьи руки.

Собственных капиталов и кадров в России конечно не хватало и мне по-любому через своих европейских «партнеров» удавалось участвовать в том же строительстве железных дорог. Но это напрягало и бесило. Особенно демонстративный запрет императора на мое вмешательство в высшее образование и науку. Деньги конечно у меня брали и с удовольствием посылали народ на стажировки за границу, но не более того. А вот восточнее Енисея и особенно Иркутска делай Алешенька что хошь. Десять лет назад мне неожиданно дали зеленый свет в Тобольске и в будущем Кузбассе.

На Урале я сразу же перевел с Юговского завода в Златоуст молодого талантливого инженера Обухова, предварительно с ним познакомившись. Павел Матвеевич был очень удивлен, услышав, что меня интересуют только его опыты с производством стали и согласился на предложенный перевод.

Бумаг требующих разбора было много, а времени не очень, поэтому я несколько раз даже ночевал в кабинете. Но как я не торопился, приезд ко мне 15-ого января графа Алексея Фёдоровича Орлова было полной неожиданностью. Государю не здоровилось и он не стал меня приглашать к себе, а поручил своему приближенному выступить посредником и передать своё поручение: срочно заняться устройством Земельного банка и через десять

дней доложить о первых результатах работы.

Шестеренки моей деловой машинки сразу же закрутились с бешеной скоростью. Все, кого Иван Алексеевич запланировал привлечь для работы в новой банке, заблаговременно были им вызваны в Питер. Они без раскачки тут же приступили к работе и через неделю я планировал доложить Государю о моей готовности приступить к практической части создания банка.

Но приближалось 21-ое января и я был практически на сто процентов был уверен, что какое-нибудь событие обязательно произойдет вечером этого знаменательного для меня дня.

Ровно тридцать лет назад, в такой же вечер дня моего шестнадцатилетия, произошло одно очень интересное событие.

Мой родитель был участником выступления на Сенатской площади 14-ого декабря 1825-ого года. Матушка ничего не знала об его участии в этих тайных обществах. Как гвардейский офицер, он должен был присягать новому императору и утром как ни в чем ни бывало уехал в полк.

Вечером домой он не вернулся и ближе к полуночи был найден на льду Невы без сознания, с прострелянной грудью и следующим утром, не приходя в сознание умер. На следствии кто-то из арестованных заговорщиков показал на него, как на одного из главных организаторов восстания. Но император почему-то не поверил этим показаниям и приказал следствие в отношении моего родителя прекратить.

Вечером 21-ого января 1826-ого года Государь принял мою матушку и она получила в Зимнем дворце императорский указ о превращении наших имений в майорат и признании меня совершеннолетним и полностью дееспособным.

Утром двадцать первого, естественно, мне доложили, что в приемной меня ожидает посетитель — неприметный клерк банкирского дома барона Штиглица. Я даже не знал его имени и отчества, только фамилию. Но зато знал другое — этот человек был негласным представителем лондонского банкирского дома «Бр. Беринг и К^о» и через него я получу известия о переговорах барона Лайонела Натана де Ротшильда с денежными мешками и промышленниками Туманного Альбиона.

— Доброе утро, ваша светлость! — человек Ротшильда поклонившись, на прекрасном русском поприветствовал меня. — Я Людвиг Леопольдович Бекстер.

В Лондоне, когда Ротшильд показал мне этого человека и рассказал о его миссии в России, меня неприятно поразило, что барон не назвал его имени и вел себя с ним как с пустым местом. Бекстер видимо это отлично понял и поспешил представиться, этим он кстати очень облегчил мне общение с ним.

Говорить господин Бекстер начал без всякого предисловия.

— Ровно неделю назад господин барон велели передать вам, что императору Александру в ближайшие день-два, как только граф Эстергази получит соответствующую официальную депешу, будет предложен мир. От России не будут требовать ни территориальных уступок, ни установления свободы плавания в устьях Дуная, ни воспреещения держать на Чёрном море военный флот и иметь на берегах этого моря арсеналы и военные укрепления. Над христианами Османской империи устанавливается совместный протекторат четырех великих держав. Россия обязуется не вмешиваться самостоятельно ни в какие дела в османских владениях на Балканах и Кавказе. Что бы не было повода и соблазна для этого на Кавказе, к России отойдут все территории занятые её войска: Карская область, район Батума и даже Эрзерум и Трапезунд если кавказский

Наместник генерал Муравьев овладеет ими к моменту вручения мирных предложений императору Александру.

Бекстер говорил ровным безцветным голосом, без каких-либо интонаций и эмоций. Это сильно затрудняло восприятие его слов. Поэтому я даже не сразу понял смысл всего. Посланец Ротшильда понял это и сделал паузу, что бы я осмыслил услышанное.

Если бы был двадцать первый век и мирные предложения делала бы Россия, то услышанное мною, особенно по поводу границ на Кавказе, я бы назвал жестом доброй воли, это дурацкое выражение и тем более действия меня всегда бесили.

Но сейчас на дворе век 19-ый, жесты доброй воли никто еще не делает, да и мир предлагают англосаксы, которые наверное даже не понимают что это такое. Поэтому я приготовился услышать, что потребуют от России за такое предложение. Кивнув Людвигу Леопольдовичу, я приготовился слушать его дальше.

— Россия обязуется не вмешиваться в европейские дела если напрямую не затрагиваются её интересы. В Европе и на Кавказе сфера российских интересов существующие границы и новые российско-турецкие. Признается интерес России в Средней Азии, Джунгарии, Монголии и Манчжурии.

Господин Бекстер достал из кармана карту и протянул её мне. На карте были нанесены границы сферы интересов России и Великобритании от турецкой границы до Тихого океана.

Персия была разделена точно так как это было сделано в моей прошлой истории в начале 20-ого века, затем границей русской сферы влияния была обозначена будущая граница СССР с Афганистаном, который был обозначен как буферная зона, но в английской сфере интересов. Кашгария и Тибет принадлежали Китаю, но были отнесены к английской зоне, а вот остальная часть Джунгарии или Восточного Туркестана, то что называют в 21-веке Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР, Тува, вся Монголия и Манчжурия были отнесены к сфере российских интересов. Английская сфера в Китае была совершенно не обозначена. Надо полагать, что британцы собираются воевать в Китае.

В Японии, на Тихом Океане и в Америке никаких границ сфер влияния проведено не было и ничейной была Корея. Похоже тут договоренности лично со мной никто нарушать не собирается. Да и сложно это было сделать, вот уж где-где, а в Тихом Океане, севернее экватора, я любому и сам по ушам так надаю, что мало не покажется.

Всё это хорошо, в смысле не хорошие условия мира, а хорошо как фигура речи, потому что обязательство не вмешиваться в европейские дела для Государя не шло ни в какое сравнение с выгоднейшим разделом сфер влияния а Азии. Но главное было не это, главное было когда наконец-то зайдет речь про деньги и еврейский вопрос.

Подождав минут пять, пока я изучал карту, Бекстер смущенно покашлял, привлекая внимание к своей персоне. Я оторвался от карты и кивнул что бы продолжал.

— В России со дня на день начнется большое железнодорожное строительство. Император должен дать гарантии, что первенство будет иметь английский капитал и везде, где он будет участвовать паритет с русским пятьдесят на пятьдесят, должны быть отменены все ограничительные пошлины — честная, свободная конкуренция товаров, — господин Бекстер вопросительно посмотрел на меня, сделав приглашающий жест в сторону карты. Я кивнул и убрал карту.

— В мирном договоре не будет положений о сферах влияния в Азии и договоренностях о пошлинах и капиталах. Все это устные договоренности и они должны будут подтверждены императором через вашу светлость. Срок их действия двадцать пять лет, смена правящего

монарха в России до этого срока их обнуляет, — двадцать пять лет это 1881-ый год. Похоже, что и в этой жизни императору Александру Второму отмеряно жить только до этого срока. Теперь осталось услышать про последнее, хотя это совсем не обязательно, возможно барон даже ничего не сказал, этот вопрос подразумевается, как говорится, по умолчанию.

— Вопрос о правах и свободах подданных Российской империи отдельно не поднимается, но гарантированно подразумевается, — сказано витиевато, но абсолютно понятно. На этом надо полагать передача послания из Лондона заканчивается. Остается самая малость, как я должен передать ответ Государя. Бекстер без слов понял мой вопрос и с поклоном протянул мне визитку. — Вашего посылного в любое время дня и ночи будут ждать по этому адресу. Я прибуду к вашей светлости в течении часа. По моему скромному разумению граф Эстергази нанесет визит канцлеру Российской империи в ближайшие сутки.

Свой день рождения я не отмечал, только утренний поцелуй жены и скромные поздравления близких за завтраком. Торжественно 12-ого февраля отмечался мой День Ангела, который совпадал с именинами, днем памяти святителя Алексия, митрополита Московского. Вечером же 21-ого января у меня было традиционное подведение итогов своей деятельности за очередной год, но сегодня это привычный распорядок был нарушен.

Из Зимнего пришло чрезвычайнейшее известие. Практически час в час моего возвращения в Питер канцлер Нессельроде из рук австрийского посланника графа Миклоша Эстергази получил официальное предложение заключить мир и Самодержец Всероссийский потребовал моего срочного прибытия.

Австрияки официально от имени союзной коалиции предложили России мир практически на уже известных мне условиях с неожиданным, но очень приятным для всех пунктом: как снег на голову для османов, из них в «благодарность» за всё сделанное ими для победы над Россией, решили сделать козлов отпущения и новой границей на Кавказе должна стать линия фактического продвижения нашей армии на дату получения мирного предложения Государем Императором. Это означало, что России железно отходит Карская область и Батум.

В кабинете Государя кроме лиц участвующих в предыдущих совещаниях были еще трое: министр финансов Пётр Фёдорович Брок, военный министр генерал Николай Онуфриевич Сухозанет и Великий князь Константин Николаевич, управляющий на правах министра флотом и морским ведомством.

Зайдя в императорский кабинет я физически почувствовал приподнятое настроение и радость присутствующих, сначала подумав, что причина этого более-менее приемлемые условия мира. Но когда я прочитал официальную бумагу, полученную от графа Эстергази, военный министр протянул мне депешу полученную несколько часов назад из Тифлиса от кавказского Наместника: войска князя Барятинского заняли Трапезунд и продвинувшись вперед еще на несколько верст, начали закрепляться на берегах небольшой речки или даже правильное ручья Кавыкли-Дереси, генерал Бриммер овладел Эрзерумом, а казаки егс отряда взяли под контроль дорогу от Эрзерума до Нахичевани, оставив таким образом в тылу русской линии гору Большой Арарат.

Когда я прочитал австрийскую ноту и депешу из Тифлиса, Государь предложил мне пройти с ним в его библиотеку, смежную с кабинетом.

— Полагаю, князь, что вы что-то должны добавить к австрийскому предложению? — император сделал пару быстрых шагов и почти в упор посмотрел мне в лицо. Ситуация, честно говоря, была не из приятных, но делать было нечего.

Я изложил Государю всё, что осталось за чертой написанного в австрийской ноте и протянул ему карту предлагаемого раздела сфер влияния. Император долго молчал, а потом спросил, как я всё это оцениваю.

— Не сахар, Ваше Величество. Мы конечно не теряем территории, даже более того — прирастаем, сохраняем Черноморский флот, избегаем нашего разоружения на Черном море. Даже линия ограничения нашей сферы влияния не так уж плоха, — я сделал паузу, собираясь с мыслями и подбирая правильные и аккуратные слова. Император отлично понимает чьих рук дело условия мира, особенно те, которые не изложены в официальной ноте.

— Да, нас выдворяют из Европы, запирают линией нашей сферы влияния в Азии. Надс отдать должное британским дипломатам, они четко нарисовали линию нашего возможного максимального продвижения в Средней Азии и в Китае. Экономические требования англичан не так страшны, как кажется на первый взгляд, если мы будем развиваться, строить дороги и новые заводы, расширяться и осваивать новые территории, то это будет во благо. Но главное, Государь, в другом. Это всего лишь перемирие, через двадцать пять лет они начнут новую войну.

Император кивнул соглашаясь со мной и прошелся по библиотеке.

— Прежде чем представить мне положение о предложенном вами, князь, Земельном банке, побеседуйте еще раз с Павлом Дмитриевичем Киселёвым и вам желательно вместе, — Государь сделал ударение на слове «вместе», многозначительно посмотрев на меня, — успеть все решить до начала полевых работ. Как только будет подписан мир, я издам манифест о правах и свободах российских подданных, в нем проведу аналогии с войной двенадцатого года и это будет выглядеть как монаршая благодарность своему народу.

Александр Второй, Император и Самодержец Всероссийский еще раз нервно прошелся по библиотеке.

— Передайте барону Ротшильду, что я согласен.

Когда Государь вернулся, все как по команде замолчали, оборвав на полуслове ведущиеся разговоры. Окинув взором всех присутствующих, император спокойно и буднично негромко сказал:

— Господа, я решил принять предлагаемые условия мира. Господин Канцлер, будьте любезны, поставить в известность об этом австрийского посла. Как только будет получено подтверждение из Лондона и Парижа, повелеваю графу Орлову убыть для подписания мира.

Ожидая телеграммы из Лондона от Ротшильда с подтверждением получения моего послания о согласии российского императора, я думал о том, что ни Ротшильды, в лице моего друга барона Лайонелю, ни я сам, от раздела сфер политического и тем более финансового влияния ничего не теряем. Взять например будущий Транссиб. Деньги будут мои и Ротшильдов, и по большому счету какая разница в какой пропорции они будут туда вложены. Или пошрины, будут большие — больше получу я, меньше — Ротшильды. Но потом-то мы совместные барыши все равно поделим согласно нашим договоренностям.

Утром господин Бекстер привез мне телеграмму из Лондона, вручив её, он как-то замешкался, а потом как бы приняв какое-то важное решение, спросил:

— Ваша светлость, вам нужны преданные слуги?

Как говаривал, один знаменитый пародист, вопрос конечно интересный. Я кивнул и вопросительно посмотрел, ожидая продолжения.

— После выполнения этого поручения господина барона я свободен и если вашей светлости угодно могу перейти к вам на службу.

— Хорошо, сударь. Завтра утром я жду вас, — у меня появилось острейшее желание поскорее остаться одному. Мои мысли мои скакуны и сейчас они галопом летели в прошлое, когда из 21-ого века я перенесся в век 19-ый.

Когда произошла вся заваруха на Сенатской площади молодого князя Алексея Андреевича Новосильского в Питере не было, он был болен и все интересное произошло без его участия. Накануне юноша поехал в Кронштадт с одним из поклонников старшей сестры Анны, тридцатилетним армейским лекарем Матвеем Ивановичем Бакатиным.

Матвею Анна Андреевна безумно нравилась, но она была одной из знатнейших и богатейших невест России, а он всего лишь армейский лекарь, которому от ворот поворот не дают только из уважения к памяти старого князя Алексея Андреевича Новосильского, получившему смертельное ранение на Бородинском поле и умершего на руках будущего лекаря.

Матвей был потомственным лекарем, первым в роду во времена Петра Первого был его прадед. Отец Матвея принадлежал уже к сословию обер-офицерских детей, был флотским лекарем эскадры адмирала Ушакова и за отличия по окончании войны с турками в 1793-ем году ему было жаловано потомственное дворянство, он вышел в отставку, женился и родил сына.

В 1812-ом году семнадцатилетний Матвей учился на медицинском факультете Московского университета и добровольцем присоединился к сформированному князем Новосильским пехотному полку, с которым и оказался на Бородинском поле.

В роли помощника полкового лекаря он пробыл всего несколько дней. Вместе с денщиком князя Алексеем Петровым спас от плена раненого командира полка и отвез умирающего князя в его имение. Вернувшись в полк, отличился еще несколько раз. Вместе с бывшим княжеским денщиком, с которым Матвей очень подружился, был произведен в офицеры. За войну 12-ого года и заграничный поход получил два ордена. Вернувшись в Россию, молодой офицер неожиданно для всех подал в отставку и продолжил учебу в университете, после выпуска из которого стал армейским лекарем.

В доме князей Новосильских Матвею всегда были рады и он часто у них бывал, особенно когда был переведен в столичный гарнизон лекарем одного из полков. Князь Андрей Алексеевич очень быстро понял, что господину лекарю нравится его старшая дочь княжна Анна, хотя сам Матвей не давал для этого ни малейшего повода и начал косо на него поглядывать. Князь возможно приказал бы его не принимать, особенно когда Анна Андреевна категорически стала отвергать всех потенциальных женихов, но неожиданно для него Матвея демонстративно очень любезно стала принимать княгиня Елизавета Павловна.

Молодой князь Алексей Андреевич от этого был очень далек, с господином лекарем он был знаком постольку-поскольку и то, только благодаря своим друзьям детства, братьям Петровым. После смерти своего боевого товарища Матвей не забывал его детей и регулярно навещал их.

Молодой князь общество не любил с пеленок, а поступив в университет, вообще перестал общаться с посторонними людьми. Он был крайне удивлен просьбе матушки сопроводить Матвея Ивановича в поездке в к его дяде старшему лекарю Балтийского флота. О цели поездки князь узнать не успел, на подъезде к Кронштадту возница не заметил полыню и возок опрокинулся. В холодной морской воде «искупался» только Алексей и естественно заболел.

Матвей не решился сразу везти больного обратно в Питер и князь двое суток

отлёживался в доме его дяди.

Когда пришло известие о выступлении 14-ого декабря князь категорически потребовал везти его домой. Но это была большая ошибка, еще по дороге его состояние ухудшилось, началась лихорадка, он потерял сознание и в беспамятстве находился неделю.

Сквозь плотную, вязкую темноту начали пробиваться какие-то звуки. Я попытался прислушаться и после нескольких попыток мне удалось понять, что это звуки колыбельной, которую поет где-то рядом какая-то женщина.

Пение было очень приятным, я понял, что это колыбельная и темнота стала отступать. Через какое-то время мне захотелось открыть глаза.

— Ванечка, скорее беги за барыней и Матвеем Ивановиче, Алексей Андреевич глаза открывают, — голос был очень знакомый и приятный, с ним было связано что-то очень для меня хорошее и я действительно открыл глаза.

Надо мною был высокий потолок, обтянутый какой-то красивой и легкой материей, каких-то синих оттенков. На мне была длиннополая мужская ночная рубашка из какого-то очень нежного и приятного материала. Постель была такая же нежная и приятная. Скосив вниз взор, я увидел свои руки. И это были не руки водилы с пятидесятилетним стажем, с вечными трещинами на пальцах, коротко и грубо подстриженными толстыми ногтями и застарелыми мозолями.

Поверх одеяла лежали молодые ухоженные руки с гладкой и нежной кожей, ногти красивых и длинных пальцев были идеально подстрижены.

Меня тут же затошнило, жутко закружилась голова и я тут же снова закрыл глаза. Головокружение прекратилось, тошнота быстро отступила. Кругом опять была темнота, но это была просто темнота, стоило мне открыть глаза и она исчезнет. Тем более я слышал и ощущал, что к женщине, которая пела колыбельную, подошли еще какие-то люди.

Не знаю почему, но я, не открывая глаз, тихо и медленно сказал им:

— Не трогайте меня, хочу поспать.

Спать совершенно не хотелось, но интуитивно я понял, что надо срочно спрятаться в какую-нибудь скорлупу, что бы разобраться что произошло. Я совершенно не понимал, что случилось, где я нахожусь и кто я!

Мне не просто не хотелось спать, я и физически скорее всего чувствовал себя неплохо. А тошнота и головокружение появились от офигения при виде своих рук. Через некоторое время во мне обнаружили две страннейших способности: лежа с закрытыми глазами я как бы видел, что происходит вокруг, вернее не видел, а понимал. Второй способностью было физическое ощущение течения времени.

Первым пришло понимание, кем я являюсь и от этого понимания чуть не спалился, у меня почти вырвался возглас изумления.

Изумляться и правда было от чего. Оказывается я, князь Алексей Андреевич Новосильский, знатности и богатства невероятных. Мне почти шестнадцать. У моего родителя какие-то проблемы, где он сейчас пока не понятно. Сегодня не то двадцатое, не то двадцать первое декабря 1825-ого года.

Лежу я в своей спальне, в уголке на стульчиках примостились четверо: моя матушка Елизавета Павловна, старшая сестра Анна, врач Матвей Иванович Бакатин. Правда сейчас и 19-ом веке, а я сразу стал ощущать себя человеком этого века, еще говорят не врач, а лекарь. Четвертой была моя нянюшка Пелагея Тихоновна. Именно она и пела колыбельную.

Я сразу понял, что Матвей Иванович не ровно дышит на мою сестру, но держит это в тайне, он ей не ровня почти во всем. Но к моему изумлению я внезапно понял, что Анне Андреевне простой армейский лекарь тоже очень нравится, она очень страдает и не знает что делать. Еще большим открытием было то, что матушка в курсе этого и тоже не знает что делать.

13-ого декабря мы с Матвеем Ивановичем поперлись в Кронштадт, но на подъезде случилось несчастье, возок опрокинулся в полынью и я оказался в холодной морской воде, естественно заболел и несколько дней был в беспамятстве.

Параллельно этому я вспомнил, что еще недавно жил в 21-ом веке в городе Санкт-Петербурге и работал простым водителем-дальнобойщиком. Когда-то я родился и жил в городе русской славы Севастополе, но служить в армии пришлось в Ленинграде, где и остался жить. Женился, появились дети — две девочки, в лихие девяностые занялись попутно с женой бизнесом — торговлей. Дочери вышли замуж и организовали строительную фирму.

В дефолт мы разорились и вскорости жена умерла. Зятя после этого стали рожи воротить, а следом и дочери. У них была успешная строительная фирма, а я опять подался в дальнобойщики. Они посчитали, что это как-то их компрометирует, а о том, что когда-то первые деньги на свой бизнес получили от меня, помнить было не обязательно.

В один прекрасный день, когда после рейса я употребил водочки, меня еще и назвали алкоголиком. В итоге все были посланы в пешее эротическое путешествие. Отдельная жилплощадь у меня была, внуков от них я так и не дождался, поэтому поводов к дальнейшему общению больше не нашлось. Зятя думаю были этому безумно рады.

Университетов я не кончал, но безумно любил историю, особенно своего родного Севастополя, всегда всё свободное время проводил за книжками, а когда появились компьютеры, за экраном монитора и к старости историю века девятнадцатого наверное знал не хуже какого-нибудь профессора.

Здоровье у меня надо сказать было лошадиное и несмотря на свои почти семьдесят, продолжал дальнобойничать. И вот как-то возвращаясь из рейса в Севастополь, я застрял в пробке перед Крымским мостом. Ну и от безделья начал как всегда предаваться своим любимым исторически-альтернативным мечтам.

Обычно как только безделье заканчивалось, заканчивались и мечтания. Но здесь я сильно увлекся, тема-то была просто потрясающая, что было бы если союзники не взяли Севастополь? И до самого дома все думы были только об этом. После рейса я употребил водочки и собрался ложиться спать, как вдруг полыхнуло в груди, а потом как кинжалом в ударили в сердце и в мозгах раздался металлический голос:

— Хочешь попробовать? — и стала накатывать плотная вязкая темнота.

На этом воспоминания о двадцать первом веке закончились. Странно, но я не помнил своих родителей, паспортных данных своих, жены и дочерей. Не помнил как кто выглядел. Каких-либо сомнений в реальности воспоминаний о двадцать первом веке не было совершенно. Я буквально физически ощутил, что в одном теле оказались две сущности. Несколько минут они изучали друг-друга, а затем стремительно слились в одну.

Молодой князь Алексей Андреевич внезапно застонал, начал метаться, но быстро затих и спокойно заснул. Армейский лекарь Матвей Иванович Бакатин осмотрел больного и спокойно сказал княгине Елизавете Павловне:

— Ваша светлость, на мой взгляд поводов для беспокойства нет. Думаю, что был кризис болезни и теперь Алексей Андреевич начнет выздоравливать. Сейчас он спит.

Княгиня повернулась к няньке князя Пелагеи.

— Пелагея Тихоновна, остаешься с князем, — редкая русская дворянка высокого полета своих детей сама кормила грудью. И поэтому с первых часов жизни рядом с молодым князем была кормилица и нянька Пелагея, у неё у самой только что родилась двойня, но молока хватало на троих.

Пелагея своего Алешеньку любила не меньше родных и он ей платил тем же. Княгиня к этому относилась спокойно, забот и хлопот у неё хватало, одни амурные дела чего стоили. Потом началась война с Наполеоном, смерть тестя, ранения мужа, другие тревоги военного времени, рождение второй дочери и прочее-прочее-прочее.

Князю это всё вообще было до лампочки: женщины, карты, войны, полковые дела, придворные интриги были гораздо важнее. О детях он стал думать только когда подросла старшая княжна и стали появляться претенденты на её руку.

Нянька Пелагея за пятнадцать лет незаметно превратилась в Пелагею Тихоновну, но по-прежнему всегда была рядом с князем. У Алексея был еще дядька, но год назад он скоропостижно умер и няня осталась единственным по настоящему близким человеком. Надежды на это подавали конечно еще её сыновья Василий и Иван, но им еще надо было вырасти.

Выздоровливал князь долго. Три недели у него была просто жуткая слабость, несколько шагов по спальне и он совершенно без сил падал в постель мокрый и белый, как свежесвыпавший снег. Каждый день утром и вечером приезжал лекарь Матвей Бакатин. Попытки княгини пригласить кого-то еще неожиданно для неё были решительно пресечены самим больным. Она была потрясена проявлением железной воли у больного сына, раньше за ним такого не замечалось.

Когда Алексей спросил почему его не навещает отец, ему сказали что Государь срочно отослал его с важным поручением в Европу, тетюшка князя была замужем за английским лордом, жила в Лондоне и периодически выполняла деликатные просьбы племянника.

За время болезни молодой князь очень подружился с лекарем и старшей сестрой Анной. Младшая Маша несмотря на свои десять лет была еще совершенный ребенок и была занята только своими куклами. Однажды ожидая лекаря, Алексей сказал сестре, что Матвей очень хороший человек и очень ему нравится. Анна неожиданно зарделась румянцем и сменила тему разговора.

Дней за десять до своего дня рождения дела Алексея пошли в гору и он начал стремительно выздоравливать.

К своему шестнадцатилетнюю я выздоровел и матушка поведала мне о страшной семейной катастрофе.

Утром двадцатого января матушка пригласила меня в кабинет отца. В его отсутствии она последние дни там проводила много времени.

— Садитесь, Алексей, я должна с вами поговорить об очень серьезных вещах, — несколько дней назад я попросил матушку общаться со мной на русском. Она очень удивилась, но просьбу выполнила. Иногда она правда говорила очень медленно, с трудом правильно подбирая слова, но на французский не перешла не разу.

— Слушаю вас, матушка, — я поудобнее расположился в кресле, что-то мне

подсказывало, что разговор будет долгим и неожиданным.

Несколько минут матушка молчала, а потом попросила разрешения перейти на французский. Я видел, что она волнуется и конечно согласился.

То, что я услышал, повергло меня в шок. Хорошо, что сидел, иначе точно бы упал, так как был близок к обморочному состоянию.

Оказывается мой отец, князь Андрей Алексеевич Новосильский, был среди заговорщиков вышедших 14-ого декабря на Сенатскую площадь, получил ранение в грудь и умер следующим утром. Государь следствие в его отношении повелел прекратить, но беда не приходит одна.

После смерти отца выяснилось, что мы нищие. Все наши имения, дома в Питере, Москве, Нижнем и Одессе были заложены и перезаложены в Государственном заемном банке, банкирских домах Питера, Москвы, Одессы и даже Бердичева. Более того и в каких-то мутных, непонятных конторках. Как он сумел распорядиться матушкиной долей в имениях, мне было совершенно не понятно. Сумма долгов была просто ошеломительная — несколько миллионов рублей.

Я был потрясен услышанным и не знал, что сказать. Но матушка оказывается сказала еще не всё.

— Через несколько минут к нам приедет генерал Бенкендорф, он участвует в следствии и пользуется доверием Государя.

С генералом Бенкендорфом я еще не был знаком. Я вообще мало кого лично знал из высшего света, родители не настаивали и до университета я жил преимущественно в нашем имении Новосёлово на Оке, которое мне очень нравилось. Еще больше оно нравилось моей нянюшке, она оттуда родом и любила рассказывать мне о нем. В её рассказах там были молочные реки и кисельные берега.

Генерал приехал точно в назначенный час. Со мной он поздоровался как с равным и сразу же начал говорить о сути своего визита, о нашем бедственном материальном положении. Картина нарисованная им оказалась еще ужаснее того, что рассказала матушка. Со слов генерала получалось, что если даже продать абсолютно всё, то этого хватит покрыть максимум три четверти всех долгов. И в итоге мы останемся у разбитого корыта, с кучей долгов и измазанной грязью репутацией.

Услышав безжалостный вердикт генерала, матушка разрыдалась. Бенкендорф неожиданно для меня обнял её и очень мягко и проникновенно сказал:

— Елизавета Павловна, успокойтесь. Я приехал к вам не как судья для вынесения приговора, а как настоящий друг, что бы протянуть вам руку помощи.

Матушка сразу успокоилась. вытерла слёзы и виновато стрельнула глазами в мою сторону, как я отреагировал на генеральские проявления чувств. Он надо сказать почувствовал неловкость ситуации и в кабинете воцарилась тишина. Я решил взять ситуацию в свои руки и улыбнулся.

— Садитесь, Александр Христофорович, в ногах правды нет. Матушка, распорядитесь, пожалуйста, подать чаю, — на улице было холодно, а генерал одет был явно не по сезону и по всему явно продрог по дороге к нам.

Чай со сливками по-русски, печенье, мед и варенье подали моментально. Две горничные похоже только ждали распоряжения за дверями кабинета.

Короткое чаепитие разрядило обстановку и согрело не только озябшего генерала, но и общую атмосферу в кабинете и Бенкендорф спокойно изложил свой план нашего спасения.

Он предложил матушке обратиться к Государю Императору с прошением об учреждении в наших имениях майората. Что это такое я знал примерно плюс-минус километр, а матушка похоже даже такого слова и не слышала, поэтому генерал поспешил объяснить что это за зверь такой.

— Император Александр Павлович еще вначале своего царствования разрешил владельцам крупных имений учреждать майораты. Это такие имения, которые считаются «заповедными», наследуются по закону старшинства и этот порядок сохраняется по шотландскому образцу пока не пресекается прямая линия наследников первого владельца. Майорат не может отчуждаться или дробиться, даже для уплаты налогов или долгов. У меня вчера вечером была беседа с Государем на эту тему и он дал на это своё устное Высочайшее Согласие, — не знаю как матушка, а я ход мыслей генерала понял сразу же оценил. Александр Христофорович тем временем продолжил развивать свою мысль.

— Вам, Елизавета Павловна, надлежит сегодня же подать Государю два прошения. Первое об учреждении майората, второе о признании князя Алексея Андреевича его первым владельцем и объявлении его совершеннолетним и полностью дееспособным, — генерал обозначил легкий поклон головой в мою сторону. — Это сразу же покажет всем отношение императора к случившемуся и станет вашей защитой. Ваши дома сразу повысятся в цене, вы их сможете выгодно продать и рассчитаться с основной массой долгов. Как только князю позволит здоровье, ему необходимо сделать ревизию своих поместий и навести там порядок, в первую очередь прогнать воровитых управляющих. Надежных грамотных людей для этого дела я вам дам.

На этом по моему мнению можно было и заканчивать. Суть дела лично мне была ясна и на первый взгляд генеральское предложение было единственным реальным и быстрым выходом из нашего кошмарного состояния. Но генерал похоже еще хотел что-то сказать.

Неожиданно он ухмыльнулся и закончил с видом кота, подбирающегося к сметане:

— Ваша озабоченность, Елизавета Павловна, о судьбах дочерей абсолютно понятна. Но я не сомневаюсь, что Алексей Андреевич окажется любящим братом.

Матушка из речи Бенкендорфа поняла что это какой-то выход и самое главное для неё, всё возникшие проблемы будет решать не она и можно будет вернуться к прежней удобной и комфортной жизни. То, что жизненные корабли родителей последнее время плыли разными курсами, я уже успел хорошо понять.

Расположившийся в приемной генеральский адъютант принес заранее заготовленные Бенкендорфом прошения на Высочайшее Имя, я внимательно прочитал и матушка тут же их подписала. Генерал сразу же уехал, пообещав немедля переговорить с Государем и подать ему матушкины прошения.

После отъезда Бенкендорфа я почувствовал полнейшее душевное и физическое опустошение, как будто пробежал марш-бросок с полной выкладкой. Поэтому сразу же ушел в свою спальню и до обеда спал.

За время моего сна успел приехать генеральский адъютант с замечательнейшей новостью: Государь сразу же подписал матушкины прошения и завтра вечером ей назначена аудиенция у российского Самодержца. Мне то же была высказана монаршая милость: переданы пожелания скорейшего окончательного выздоровления и дозволения прибыть пред светлые императорские очи как только позволит моё состояние. Надо честно сказать это повергло меня в какой-то трепет перед императором, я действительно не был еще готов предстать пред Его Величеством. Ни физически, ни морально.

Когда я узнал про смерть отца, то решил, что грусть и тревога поселившаяся в доме связана с первую очередь с этим и немного с моей болезнью. Но после матушкиного рассказа я понял что основной причиной была тревога и неизвестность нашего будущего. Наша прислуга жила очень даже неплохо, родители не были сторонниками освобождения крестьян, но к своим крепостным относились вполне прилично, например еще дед прекратил продавать людей как скот, все имели свободу в выборе мужей и жен, дети не разлучались со своими семьями. Правда как там обстоит дело с делами хозяйственными я не знал, но судя по словам Бенкендорфа похоже не очень.

Абсолютно все домашние, в том числе и лакеи, уже знали новость из Зимнего дворца, это я сразу же почувствовал когда вышел из спальни. Прислуга двигалась заметно быстрее, многие улыбались и у всех поклоны стали намного ниже. Даже нянюшка попыталась мне поклониться, когда я вышел из спальни. Это мне очень не понравилось.

— Нянюшка, милая моя, не делай этого никогда больше, не расстраивай своего Алёшеньку, — я обнял и поцеловал в щечку свою нянюшку, подумав, что первое, что я сделаю став совершеннолетним и полностью дееспособным, так это дам вольную всей семье Петровых. Это дичь какая-то, обер-офицерская жена и дети продолжают оставаться в крепостной зависимости.

Пелагея смущенно улыбнулась и сказала:

— Из Зимнего был офицер, барыню завтра вечером к царю кличут. Император грамоту подписал, вы Алексей Андреевич, теперь всем владеете и за долги имения не заберут.

Оперативно, ничего не скажешь, какие же это бредни последующего века, что в девятнадцатом все делалось медленно и неторопливо. Когда надо тоже можно на раз-два.

Не успел я сделать и десяти шагов, как словно из под земли возникла сестрица Анна. Кланяться она естественно не стала, но расцеловать расцеловала, а потом наповал сразила меня вопросом:

— Алексей, ты не будешь против если я приглашу на обед Матвея Ивановича?

Грешен, не удержался и мелко отомстил своей сестре выстрелом наповал.

— Категорически против, Анна Андреевна, наперед батьки в пекло лезете. Господина

лекаря я собираюсь пригласить на обед. Вы, конечно можете передать ему моё приглашение, они я полагаю в гостиной сидят, — сестра от такого даже похоже потеряла дар речи и изумлено уставилась на меня широко открытыми глазами. Я слегка щелкнул её по носу и пошел к матушке очень довольный собой.

У матушки настроение то же резко улучшилось, она даже сменила платье, разбавив черные траурные тона. Княгиня подтвердила слова нянюшки и дала прочитать письмо императора с приглашением во дворец. Само письмо было написано неведомой рукой. А вот подпись была самоличной, матушка императорскую руку уже знала.

Как говорится по умолчанию, никаких разговоров на данную тему до визита к императору никто не вел, но весь обед мне в голову лезла одна упорная мысль, зачем семье из пяти человек такие жилищные условия, огромный трехэтажный дом в центре Петербурга, никаких тетюшек и дядюшек с нами не проживало, просто из-за их отсутствия.

У родителей не было родных братьев и сестер, а матушка вообще была рано осталась круглой сиротой, у неё даже не было дядюшек и тетюшек и только благодаря заботам своей крестной, она попала в круг внимания императрицы Екатерины Великой и была определена в Смольный институт. Престарелая императрица еще успела сосватать своей подопечной блестящего жениха, моего будущего родителя, за которого она и вышла замуж через некоторое время после восшествия на престол Александра Павловича.

Император Павел считал матушку не достаточно знатной для такого жениха и горел желанием женить его по своему усмотрению. Но нашла коса на камень, родитель отсидел даже месяц в Петропавловской крепости, но императорской воле не покорился и уехал служить из столицы в далекий Оренбург.

Новый Самодержец Всероссийский молодого ссыльного гвардейца сразу же вернул назад и разрешил жениться по своему усмотрению. Родитель был очень благодарен за это императору Александру и преданно служил ему. Как он сумел врюхаться в эти декабристские дела мне было не понятно. Хотя конечно версия у меня появилась, но только версия, подтвердить или опровергнуть её мог только он сам.

После произошедшего симбиоза, вернее не симбиоза, а конфлюэнции — слияния, двух моих сущностей в одну, всё, что было до момента моего «выныривания» из темноты, это было простое знание. Оно даже у меня особых эмоций не вызывало.

Вот есть, например, история про Кира Великого, нравится она мне и что с того? Я же не убиваюсь из-за его жизненных перипетий и слезы горькие не лью. Так и две мои жизни до того, в частности мой родитель князь Новосильский, которого я никогда живьем не видел. «Вынул» бы я в другом месте, пусть даже и в теле молодого князя, но рядом бы не было моей семьи, нянюшки и прочих, скорее всего и о них бы осталось только такое же воспоминание, как о двадцать первом веке, ни имен, ни фамилий. А тут по неволе пришлось становиться родным и своим. Надо сказать усилий для этого прикладывать не пришлось. Главную скрипку сыграла нянюшка Пелагея со своими колыбельными и рассказами за время моей болезни. Именно от нянюшки я узнал о своей еще детской привычке не отмечать свой день рождения.

Родитель в моем миропонимании был где-то на одном уровне с тем же Киrom Великим. Был и был, никаких особых эмоций он у меня не вызывал, тем более что к декабристам я относился отрицательно.

За обедом я убедился в верности моего предположения о расположенности нашей матушки к господину лекарю, он ей явно нравился. Матвей похоже почувствовал возможную

смену в своих амурных парусах и был сама любезность и галантность. Когда он собрался уезжать я пошел его проводить.

— Матвей Иванович, у меня к тебе две просьбы-предложения, — на «ты» мы как-то естественно и незаметно перешли несколько дней назад, — ты завтра утром приезжай, сделаешь мне заключительный медицинский осмотр после болезни. А вечером жду тебя к половине десятого. Матушке Государем назначено на девять. Получаса аудиенции, это самое большое, от Зимнего ходу пятнадцать минут, не больше.

Утренний вердикт лекаря Бакатина для был вполне ожидаем: здоров. За несколько дней я буквально налился силами и даже внешне поздоровел и возмужал. Глядя на себя в зеркало я видел и понимал, что шестнадцатилетний юнец остался где-то сзади. Самое интересное, что это моментально поняли и все окружающие. И головы в низких поклонах наклоняли не моя знатность и пока теоретическое богатство, а что-то еще, мне пока самому не ведомое.

Матушка перед визитом в Зимний наряжалась с самого утра, но в итоге поехала в скромном, но изысканном платье бело-черных тонов с минимумом украшений. Мой расчет был идеален и ровно в без пятнадцати десять она вошла в обеденную залу, где её ожидали княжна Анна, Матвей и я.

Присутствию простого армейского лекаря она не удивилась и молча подала мне свиток бумаг.

Рядом с накрытым обеденным столом сиротливо стоял небольшой столик, на столешнице которого лежала стопка чистых бумаг для письма и стоял письменный прибор. Я положил бумаги на стол, придвинул изящный венский стул, неторопливо разложил поданные матушкой бумаги и взял верхнюю. Это было собственноручно написанное Высочайшее Повеление об учреждении сегодня 21-ого января 1826-ого года майората князей Новосильских.

В майорат были включены все наши имения и земли трех губерний Нижегородской, Московской и Санкт-Петербургской. Майорат учреждался по ходатайству княгини Елизаветы Павловны Новосильской, вдовы прежнего владельца имений князя Андрея Алексеевича Новосильского. В майорат включается и имение принадлежащее и самой княгине, расположенное в Московской губернии. Матушкино имения не было отдельным, еще дед по её просьбе одно продал, а другое купил и сейчас это было по сути одно целое. Владельцем майората признается сын князей Новосильских, Алексей Андреевич, то есть я. Майорат учреждался по шотландскому образцу.

Второй бумагой был указ о признании меня совершеннолетним и полностью дееспособным с полудня 21-ого января 1826-ого года.

Третьим указом мне было вменено в обязанность обеспечить достойное, в соответствии с их княжеским достоинством, содержание матушки и сестер, не менее чем с самого доходного имения майората.

Четвертой бумагой было установление трехмесячного срока приема любых финансовых претензий к князю Алексею Андреевичу Новосильскому. С рассветом 22-ого апреля 1826-ого года любые финансовые претензии, возникшие в срок до сегодняшнего дня, будут считаться ничтожными.

Рядом с обеденной залой была оранжерея, фактически зимний сад. После прочтения императорских указов в почувствовал неудержимое желание побыть одному, резко встал и вышел туда.

Ровно через десять минут, появившееся во время болезни ощущение времени никуда не

ушло и всегда было со мной, я вернулся. Матушка, княжна Анна и Матвей сидели и молча ожидали моего возвращения. Я убрал императорские бумаги и велел подавать первую перемену блюд.

Через некоторое время обстановка за столом сама собой разрядилась и обед стал протекать как обычно. Через полтора часа Матвей решил нас покинуть и встал из-за стола. Я опять пошел его проводить и опять у меня было две просьбы-предложения.

— Матвей Иванович, ты больше не спрашивай разрешения заезжать к нам. Я тебе рад всегда и двери нашего дома открыты для тебя в любую минуту, — после короткой паузы я продолжил. — В ближайшие дни я поеду с инспекцией по имениям, хочу попросить тебя сопровождать меня. Будь любезен, подай прошение об отпуске.

К моему возвращению матушка и сестрица перешли в гостиную, где уже нас ждал кофе. Анна вскорости нас покинула, сославшись на плохое самочувствие и мы с матушкой остались одни.

Я неспешно допивал свой кофе, размышляя стоит мне именно сегодня затевать разговор с матушкой на очень скользкую тему, тему её личной жизни. Я великолепно видел и чувствовал, что ей не терпится решить этот гниловатый вопрос. По своей сути я был очень взрослый мальчик и отлично понимал, что когда невтерпех, то держите меня семеро. Да и собственно чего откладывать этот разговор и я жестом попросил лакеев покинуть гостиную.

— Матушка, я естественно выполню требование Государя и обеспечу вам предписанное содержание. Вмешиваться в вашу личную жизнь я не собираюсь, вы вольны жить так, как считаете возможным для себя. Но у меня к вам есть одна просьба, вернее даже требование, не вступать в отношения с женатыми мужчинам, — княгиня слушала меня, опустив голову, а после последних моих слов её щеки зарделись румянцем. — Особенно я не хочу, чтобы у вас были отношения с генералом Бенкендорфом.

Я звонком позвал лакеев и еще несколько минут мы сидели и молча пили кофе. Уходя из гостиной, княгиня тихо сказала:

— Я вас поняла, Алексей Андреевич, и не буду возобновлять отношения с генералом.

Утро вечера мудренее, примерно с такой мыслью я заснул в первую ночь своего совершеннолетия. Конечно на самом деле я сразу же после «выныривания» считал себя взрослым и по мозгам, то есть по своему мироощущению таким и был. Но для окружающих я был еще шестнадцатилетним юношей. А тут раз, принесли бумажку с подписью одного взрослого дяденьки и я сразу взрослый для всех.

Что делать, как вылезать из нехорошего места в котором мы оказались благодаря родителю, я не знал. Идеи у меня конечно были, но не было маленькой мелочи — денег.

По жизни я был профи только в одном ремесле, в шоферском, особенно то, что касалось дальнобойщиков. Но автомобилями здесь пока и не пахнет. За десятки лет своего дальнобоя где я только не пришлось побывать и чего только не видеть, но это всё дилетантство.

Конечно я знал историю Европы девятнадцатого века, особенно русскую времен Николая Первого и Александра Второго, и без ложной скромности на десять баллов. Но многих подробностей и деталей открытий и изобретения естественно не знал. Вот например моя идея заняться золотодобычей. Где — знаю, видел как устроено это дело в 21-ом веке, но как применить эти знания сейчас, вот вопрос!

Примерно такие вот мысли бродили в моей голове когда я лег в постель, но потом мне пришла в голову мысль про утреннюю мудрость и тут же спокойно заснул.

И действительно утро оказалось мудренее. Не успел я закончить утренний чай, как

доложили о генерале Бенкендорфе и на этот раз он приехал именно ко мне.

Вместе с генералом приехал высокий мужчина лет пятидесяти, с такой же лысиной как у Бенкендорфа, непропорционально большим носом и глубоко сидячими злыми глазами.

— Рекомендую, князь, старого верного слугу моего отца, Сергея Петровича Охоткина. Не пожалеете, если возьмете этого человека с собой в поездку по своим владениям, — я был несколько удивлен словам Александра Христофоровича, он говорил о моем предполагаемом вояже по имениям как о решенном деле.

Заметив мое удивление, генерал усмехнулся.

— Доставшиеся по наследству от вашего батюшки многочисленные кредиторы готовы набросится на вас как свора голодных собак. Они бы это сделали и сейчас, но выраженная монаршая милость дает вам защиту от них месяца на три-четыре. Советую вам через неделю отправиться в поездку. А когда вернетесь, Государь примет вас.

Поездка по имениям входила в мои ближайшие планы, но здесь была совсем другая ситуация, как говорится без меня меня женили. Совет генерала это почти приказ. А после его выполнения надо будет явиться пред государевы очи и отчитаться. И сопровождающего выделили, что бы держать все под контролем. Интересно, чем вызвана такая забота?

Бенкендорф судя по всему отлично разбирался в людях и умел читать не высказанные мысли. Он сделал жест Охоткину отойти к дверям кабинета и очень тихо сказал, глядя мне прямо в глаза.

— Моё участие в ваших делах проистекает исключительно вследствие искренней дружбы с вашей матушкой. Елизавета Павловна просила меня и я по мере своих сил буду помогать вам, — у меня появилось острейшее желание прекратить наш разговор, не очень приятно когда тебе чуть ни открытым текстом сообщают, что твой отец был рогоносцем, несмотря даже на то, что никаких эмоций ты к нему не испытываешь.

Но тут же мне пришла мысль заставить любвеобильного генерала заплатить за это и я даже моментально придумал как. Через несколько месяцев в России появится Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии — высший орган политической полиции Российской империи и Отдельный корпус жандармов. И первым главноуправляющий или шефом жандармов этих организаций станет генерал Бенкендорф, который будет ключевой политической фигурой первых пятнадцати лет царствования Николая Первого.

Я также знал, что Александр Христофорович скоро станет самым высокооплачиваемым государственным чиновником, но его финансовое положение до самой смерти всегда будет очень шатким в том числе по причине трат на многочисленных любовниц. Насколько далеко зашли его отношения с княгиней Новосильской я не знал, но то, что у них были какие-то особые отношения я отлично понял и решил этим воспользоваться.

Поэтому я смущенно улыбнулся, поблагодарил его и попросил генерала помочь.

— Александр Христофорович, я очень признателен вам за участие и помощь. Если вас не затруднит окажите мне еще любезность и походатайствуйте за моего друга лекаря Матвея Ивановича Бакатина. Я хочу чтобы он сопровождал меня в поездке по имениям и просил его обратиться с прошением о предоставлении отпуска.

Говорить больше на эту тему не пришлось. Бенкендорф все отлично понял и тут же ответил.

— Можете планировать свой отъезд хоть завтра, господин Бакатин сегодня же получит отпуск как положено до первого апреля.

Слома голову бросаться инспектировать имения была большая глупость. Сначала надо основательно подготовиться к ней. Всё дело в том, что в деловых бумагах родителя был полнейший бардак. Его управляющий оказался совершеннейшим негодяем. Он пользовался полнейшим доверием хозяина и обирал его. Но свои делишки проворачивал очень ловко, не вызывая никаких подозрений.

Когда родитель отошел в мир иной, негодяй по-видимому очень испугался и решил податься в бега. До Царства Польского известие о смерти родителя успело дойти раньше и один из таможенников на прусской границе проявил «нездоровый» интерес к сундукам, опечатанным исторической печатью рода князей Новосильских, дарованной предкам кем-то из первых Романовых и дважды подтвержденной императорами, Петром Первым и Павлом.

Что произошло дальше осталось тайной, по крайней мере для меня, но в итоге его просто застрелили. А всё, что сей господин вёз с собой в конечном итоге оказалось в руках у генерала Бенкендорфа, который, собираясь ко мне, прихватил с собой и два больших сундука этого товарища.

Господин Охоткин без раскочки начал разбираться в деловом бардаке, оставшемся от негодяя — управляющего. А я решил заняться «кадровым» вопросом. Кто есть кто среди наших людей, для меня была большая тайна. Я вообще-то неплохо когда-то разбирался в людях, а многолетняя работа в дальное научила это делать быстро и очень качественно, от этого бывало элементарно зависела твоя жизнь.

Но оказавшись в 19-ом веке, я испытывал огромные сомнения в правильности своих оценок. Иногда приходилось сильно тормозить, когда сталкивался с чем-то незнакомым. Хорошо, что окружающие эту появившуюся со мной особенность списывали на перенесенную болезнь.

Поэтому я решил перестраховаться и поговорить о доставшихся мне кадрах с единственным человеком, которому я уже доверял можно сказать на все сто, с нянюшкой Пелагеей.

И не пожалел об этом. Нянюшка буквально по полочкам разложила мне всех, кто проживал в нашем доме. По своей инициативе она ничего не сказала мне про сестер и матушку, но ответила мне на два интересующих вопроса.

Матушка вчера поздно вечером куда-то ездила и вернулась через пару часов. Я вполне резонно предположил, что она ездила на встречу с Бенкендорфом. Второй вопрос, который интересовал меня еще больше, это было отношение Анны Андреевны с Матвеем Ивановичем. Нянюшка была не только моей кормилицей и няней, но и Аниной няней тоже, трепетно относилась к ней и частенько выслушивала повествования о её девичьих тайнах. И здесь опять было попадание в яблочко.

Нянюшка ответила мне не сразу. Пару минут она внимательно смотрела на меня, а потом горестно вздохнула.

— Любит она его Алёшенька. Ваш батюшка никогда не дал бы своего согласия на брак с ним. Матушке вашей Матвеей тоже очень нравится. Да только кто он и кто вы. Дворянство его отец получил за год до рождения сына. Иван хоть и был из обер-офицерских, но голь перекатная, — историю князей Новосильских я уже хорошо знал и поэтому понимающе кивнул нянюшке. — Ваш батюшка не показывал Матвею на дверь только из-за памяти о о

вашем деде. Анечка при вашем батюшке даже боялась лишний раз на Матвея посмотреть, несколько раз порывалась попросить его не приезжать, хорошо что не сделала этого. Она для Матвея свет в окошке, как бы он такое пережил. А сейчас она частенько плачет из-за этого, хочет поговорить с тобой, но боится.

Но то, что мне рассказывала нянюшка было в прошлом, сейчас главой рода стал я и должен согласно императорского указа решать абсолютно всё и за всех.

— Нянюшка милая, я точно сделаю две вещи. Сегодня ты и твои дети получают вольную. А Матвей Иванович, если конечно он попросит руки сестрицы, получит моё согласие. Можешь ей об этом сказать. Мне самому некогда разводить сю-си пу-си, — для меня навсегда осталось загадкой моё решение, почему сам не сказал это Анне Андреевне. Но это спонтанно принятое решение очень подняло мне настроение.

Нянюшка вероятно тут же рассказала Анне о нашем разговоре, потому что когда я по какой-то надобности вышел из кабинета, она как коршун налетела на меня:

— Алексей, повтори мне что ты сказал нянюшке?

— Что именно? Я много чего ей говорил, — решил я прикинуться не понимахой. Анна зло прищурилась и даже сжала свои кулачки.

— Будь моя воля, я бы подзатыльник тебе выписала, — во времена декабристов столичное дворянство французский знало лучше, чем русский. Но за время моей болезни матушка и сестры поневоле усовершенствовали свой русский, я принципиально и демонстративно говорил на великом и могучем. Конечно получившийся в результате слияния двух сущностей конфлюэнц, так я стал называть самого себя после «выныривания» из темноты, знал французский и не только.

— Я все понял, Анна Андреевна, и говорю тебе, что если Матвей попросит твоей руки, я скажу да.

После этого я представил сестре своего помощника и она упорхнула как легкий ветерок, а мы с господином Охоткиным продолжили разбираться в делах покойного родителя.

Расположились мы с ним естественно к родительском кабинете, матушка пыталась обойтись без управляющего, сама всем и всеми руководить и разобраться в оставшихся от мужа делах. Но лучше бы она этого не делала, так как результатом её деятельности был еще больший беспорядок в и так уже запущенных всевозможных бумагах.

Часа через три я оценил какой подарок мне сделал генерал, предложив такого помощника. Сергей Петрович Охоткин быстро разобрался с сутью моих проблем и через три часа назвал примерно общую сумму долгов. Ларчик открылся очень просто, он каким-то неведомым мне чувством извлек из огромного вороха бумаг одну единственную, но самую важную.

За несколько дней до 14-ого декабря, родитель составил реестр своих долгов, он похоже понял, что управляющий его обворовывает и сделал попытку навести порядок в своих делах. В большом бумажном пакете вместе с этим реестром долгов было еще письмо-исповедь с подробной росписью деятельность князя Новосильского как заговорщика. Сергей Петрович прочитал его, так как он обнаружил пакет когда я выходил из кабинета.

— Ваша светлость, это не мое дело, но я бы эту бумагу уничтожил, ценности ни какой, ни для вас, ни для вашей матушки, а вот не дай Бог попадет оно в руки Государя. Ваш батюшка тут предстает одним из главных заговорщиков, по крайней мере денег он в это предприятие вложил не мало.

Я прочитал эту бумагу и тут же без всяких угрызений сжег её.

Разбираясь в этих бумажных завалах, господин Охоткин, а я стал для себя называть его именно так, тут же еще и обучал меня финансовым и прочим премудростям, подробно всё объясняя.

Подошло время ознакомиться с содержимым сундуков негодяя — управлявшего и Сергей Петрович с моего разрешения вскрыл их.

В одном из них были деньги, русские и иностранные. Сергей Петрович быстро все пересчитал, конвертировал инвалюту в рубли и сообщил мне итог.

— В рублях, ваша светлость, тысяч пятьдесят ассигнациями. Думаю, что это то, что было просто украдено, — я конечно то же был такого же мнения. И эта находка была очень даже кстати, матушка за утренним чаем обмолвилась о практическом отсутствии денег.

Кроме денег в сундуке были банально украденные золотые вещи с пятью картинами европейских мастеров и личные вещи вора-управляющего. Украденное сразу же опознал камердинер родителя. Крепостной из нижегородского имения служил родителю последние семь лет и матушка решила его пока не отправлять обратно в имение, ну а теперь решать его участь предстоит мне.

Второй сундук был набит бумагами. Оно были аккуратно разобраны и перевязаны стопочками. В них также был реестр княжеских долгов и много долговых обязательств покойного князя.

Сергей Петрович предложил работать чуть ли не круглосуточно, но для этого ему надо было переехать к нам. У меня у самого уже появились такие мысли и я сразу же согласился. Поэтому мы решили сделать большой перерыв в работе что бы мой помощник съездил к себе за необходимыми личными вещами, а завтра сразу же после утреннего чая приступить к работе.

Я представил господина Охоткина своей матушке и он уехал. Анна Андреевна и Матвей немного задерживались, думаю сестра решила поспешить и сообщить господину лекарю о смена семейных ветров. Матушка то же решила не откладывать решение своих неотложных, по её мнению дел и спросила не буду ли против, если она уедет в Европу, что бы отдохнуть и поправить здоровье.

Я был не против и даже более того, меня такой вариант очень устраивал. Никаких особых чувств к матушке я не испытывал, конфлюэнцу было с чем сравнивать, да и нянюшка была всегда рядом. В этом мире именно она стала для меня подлинным воплощением матери, а отнюдь не биологическая мать.

Вдобавок был еще и элемент огромной неловкости невольной сложившийся после императорского указа о нашем майорате. Конечно мы в итоге сохраняем все наши земли и имения, но по законам и правилам империи всё унаследовать должна была матушка, так по крайней мере я думал. А здесь Государь передал всё мне, в том числе и её родовое имение, и наши многочисленные дома, которые правда в майорат не вошли. Матушка не получила даже опеки надо мной, так как император вдобавок ко всему признал меня взрослым.

Да и вскрывшаяся любовная интрига княгине была мне неприятна, а то что она вчера вечером ездила на свидание или просто встречу с Бенкендорфом, только подлило масла в огонь. Мне крайне не хотелось уезжать и оставлять все в Петербурге на неё.

— Я не против, матушка. Вы свободная женщина и вправе поступать как вам угодно. Только есть два маленьких нюанса, вы сами знаете наши финансовые проблемы и я могу вам выделить не больше двадцати тысяч рублей. Надеюсь, что моя инспекция приведет в некоторому улучшению наших финансов. Но сейчас только так. И второе, Мария, — речь

шла о младшей сестре, — остается в России.

— Спасибо, Алексей. На первое время мне этого хватит, я честно говоря, даже и на такую сумму не рассчитывала, — интересно с кем это у княгини такие шашни, что она готова бежать из России чуть ли не с голым задом. Генерал Бенкендорф явно не тот человек с которым или к которому намечен этот «побег». А пассаж про младшую дочь похоже вообще был проигнорирован.

Настроение у матушки резко повысилось и она тут же сообщила мне, что она в ближайшие дни убудет в европейские дали. По этому поводу я тем более не имел никаких возражений.

Обед прошел в великолепной обстановке, все были в отличном расположении духа. Матвей тот вообще сиял как начищенный сапог и я подумал, интересно когда он попросит руки Анны Андреевны.

Обед еще не закончился, когда принесли короткое письмо от Сергея Петровича. Он написал, что готов продолжить работу уже этим вечером и я прошел в кабинет, что бы написать ответ со своим согласием.

Когда я вернулся, в столовой царила вообще какая-то торжественная звенящая атмосфера и я сразу же подумал, что господин лекарь попросил у матушки руки Анны Андреевны.

— Алексей Андреевич, — торжественно и официально начала свою речь матушка. — Матвей Иванович просит руки нашей дочери и вашей сестры — Анны Андреевны. Я согласна, но требуется и ваше согласие как ..., — княгиня сделала паузу подбирая нужное слово и я решил не дожидаться окончания её официальной речи.

— Я согласен, но с одним непременным условием, о помолвке объявляться не будет и свадьба состоится после будущих святок, — против моего решения возражений не было, оно было вполне естественным, все решили, что я его увязал с годовщиной смерти родителя. Но на самом деле я просто надеялся за год немного привести в порядок наши финансы.

В этот момент доложили о приезде Анисима — денщика господина лекаря, который привез Высочайшее Разрешения на предоставление Матвею отпуска до первого апреля.

— Ты, Алексей Андреевич, не совсем в курсе порядка предоставления отпусков в армии, — начал объяснять Матвей, заметил мое удивление. — Я как офицер имею право на четырехмесячный отпуск с первого сентября по первое апреля и он предоставляется приказом по армии.

— Я в таких тонкостях не разбираюсь, полагал, что с этим делом все просто, вон сколько офицеров без дела кругом слоняется.

— Это было до 14-ого декабря, а сейчас все на службе находятся и сейчас все отпуска только с Высочайшего Разрешения. У нового Государя не забалуешь. Я не стал тебя вчера говорить, что мне вряд ли предоставят такой отпуск и сам очень удивлен. Я ведь только утром подал прошение.

Матушка укатила в Европу через два дня, захватив с собой двух девок и двух мужиков. Про младшую дочь Машу, она даже и не заикнулась. Не знаю кто занимался у родителей подбором кадров, но с нянями было попадание в десятку.

Анисья, машина няня, конечно была не нашей нянюшкой Пелагеей, таких больше на всем белом свете больше не было. Но своей воспитаннице Анисья предана не меньше и занимала в машинной жизни места намного больше, чем матушка.

В дворовые девки Анисья попала еще ребенком, в двадцать лет от кого-то родила, но

родитель защитил её от матушкиного гнева и приставил сначала кормилицей, а потом и няней к младшей дочери. Я когда стал вникать в семейные дела, сразу же заподозрил, что ребенок у неё был от нашего родителя, тем более что девочку называли дворянским именем Татьяна.

Таня росла очень слабой, много болела и родитель оправил её в нижегородское имение, откуда родом была Анисья, под заботливое крылышко родной бабушки. Управляющему он пригрозил заporоть его до смерти, если с ребенком что случится или будет хоть одна жалоба от неё, и приказал не экономить на докторах.

С управляющим ничего не случилось, девочка окрепла, переросла все свои болезни и в начале зимы князь решил вернуть её в Петербург.

Девочка успела приехать, а вот родитель о её дальнейшей судьбе распорядиться не успел и её от греха подальше наша Пелагеюшка, с санкции Анны Андреевны, определила в наш особняк на Лиговке. Она всерьёз опасалась какой-нибудь гадости со стороны овдовевшей барыни.

К моему удивлению к отъезду матери Маша отнеслась абсолютно равнодушно, в её жизни на самом деле намного больше участия принимала родная сестра.

Как только матушкин экипаж покинул наш двор, я приказал привезти с Лиговке дочь Анисьи.

Девочка была точной копией своей матери, уже такая же красивая и похоже умом и характером тоже была в мать. Маша с ней общалась всего несколько раз, но успела подружиться и была рада её новому появлению в нашем доме. На левой щеке у Сони была точно такая же родинка как у покойного князя и всех его троих детей.

Отправив девочку в детскую, я позвал Анну Андреевну.

— Хочу допросить Анисью и прошу тебя к этому присутствовать, — мой вид и категоричность речи не оставили сестре выбора и она молча кивнула в знак согласия.

Анисья понимала зачем её позвали к господам и стояла не поднимая взор.

— Анисья, я хочу от тебя услышать честный ответ на мой вопрос, от кого ты родила ребенка?

Мне показалось, что под Анисьей ходуном заходил пол, но это так по всему её телу прошла судорога и она тихо, как шелест ветерка, ответила:

— От барина Андрея Алексеевича.

— Матушка знала? — спросила Анна.

— Знала, я в те года не одна такая была. У других, барин, просто детей не было.

— А дочь свою любишь? Или рада была, когда её увезли?

Анисья встрепенулась и как затравленная волчица посмотрела мне в глаза. Однажды в Забайкалье я имел удовольствие встретиться взглядом с загнанным зверем.

— Я, барин, думала, что от слез ослепну, а как я могла её не отдать, кто я такая? Да и лекари сказали, что она здесь не жилец, а там Танюша с родной бабой жила и росла она не как подлая девка. Вот только за все эти годы свидеться пришлось всего дважды, — Анисья рухнула мне в ноги. — Ваш батюшка девок силой брал. Я этого не хотела. Другие почему-то не брюхатили, я такая одна оказалась. Если бы не дочка, он меня тоже как игрушку выкинул бы. А так сначала я кормилицей была, потом нянькой у вашей сестры.

Происходящее было нам с сестрой очень неприятно. Анна вообще в слезах выбежала из кабинета, где мы объяснялись.

— Всё, Анисья, хватит. Ты до сего дня нашей семье верно служила и Маша тебя любит.

Твоя и твоей дочери судьба и жизнь в твоих руках, не забывай об этом. Метрика у неё есть?

— Нет, барин.

— А в какой метрической книге записана?

— В церкви на Нарвской мызе, я там рожала и потом жила, пока меня в кормилицы не забрали, — у нас под Питером было два имения, мызы по местному. Одна на берегах берегах Луги и Нарвы, другая в окрестностях Пулково. Нарвская мыза была с Петровских времен, а Пулковская всего несколько лет, она кстати тоже была у родителей пополам. Одно время именно из пулковских крестьян брали кормилиц для царской отпрысков.

— Ступай, Анисья.

Посоветовавшись с сестрой, я решил дать вольную нашей незаконнорожденной сестре, всем её многочисленным родственникам и воспитываться она будет вместе с Машей. А когда подрастет, дать ей хорошее воспитание и затем выдать замуж за, например за какого-нибудь приличного офицера, дав за неё хорошее приданное.

Сказано сделано. Разговор с Анисьей был в полдень, а уже в обед тая сидела за одним столом с нами. Маша это факт восприняла совершенно спокойно, только глубоко мысленно произнесла:

— Тая моя лучшая подруга, почти сестра, — объяснять ей естественно никто ничего не стал, всему своё время, а вот её реакция нас с Анной откровенно порадовала.

Господин Охоткин оказался не только большим специалистом своего дела, но еще и ломовой лошадьё. Работа с такой скоростью и производительностью — это нечто.

Получив согласие на брак с моей сестрой, Матвей уехал, мы с ним договорились, что он в течение следующего дня переберется к нам. Времени на самом деле было в обрез. По моим расчетам до пятого февраля нам надо было уже отправиться в поездку по имениям и тратить несколько часов на разъезды по Петербургу была непозволительная роскошь.

А Матвею предстояло организовать саму поездку, подобрать людей, транспорт, выбрать маршрут, оформить множество бумаг. Девятнадцатый век это тебе не двадцать первый, тут никаких полезных гаджетов нет и нужны карты, рекомендательные письма, подорожные и прочее-прочее-прочее. О многом я даже близко не имел понятия.

Документы обнаруженные во втором сундуке оказались очень ценными. Сергей Петрович потратил двое суток на их разбор, но результат превзошел мои самые смелые ожидания.

Вор-управляющий оказывается придумал хитрую схему. Родитель доверял ему и очень многое, как говорили в моем 21-ом веке, шли через его руки. И у этого товарища была двойная бухгалтерия, на многие сделки оформлялось два документа. Один реальный с кредитором, этот документ оформлялся хитрецом лично и он по нему получал живые деньги, а потом оформлял еще одну бумагу уже со своим хозяином. Родитель получал нужную ему сумму денег и не подозревал, что в витиевато составленной долговой бумаге есть несколько хитрых фраз и лукавых цифр, которые лихо увеличивают его долг, в который оказываются включенными не маленькие комиссионные посредника, его управляющего. Ну это как в известной мне истории постсоветской России, читайте внимательно договор, особенно то, что написано мелкими буквами.

Когда господин Охоткин рассказал мне об этом и показал несколько конкретных расписок, я честно говоря ничего не понял.

— Сергей Петрович, я ничего не понял. Вот же здесь написано, что князь Новосильский берет в долг под залог своего имения сто тысяч рублей на три года под пять процентов годовых и четко написано что он должен вернуть ровно сто пятнадцать тысяч. В чем здесь хитрость и обман? — я наверное выглядел полным идиотом, потому что господин Охоткин не удержался и снисходительно улыбнулся.

— Это в реальном договоре, по которому были получены деньги. А теперь попробуйте прочесть, а самое главное понять, что написано в том, что подписал ваш батюшка. Особенно в последнем пункте. Обратите внимание каким мелким почерком и как плотно написан

текст.

Я несколько раз читаю и ничего не понимаю. И только с помощью Сергея Петровича, когда начинаю читать текст медленно и по частям, начинаю понимать в чем дело.

Ларчик открывался просто. Есть такая штука — график платежей, так вот в реальном долговом обязательстве просто было написано, что сто пятнадцать тысяч должны быть уплачены до такой-то даты, не важно одним платежом или по частям и пеня идет только после этой даты.

А пресловутый график платежей, фигурирующий в экземпляре, который подписывал родитель, был точь в точь такой как в знакомых мне банковских договорах двадцать первого века: ничего не поймешь, но точно заплатишь больше. Вот князь Андрей Алексеевич и платил.

Но это не все, хитрец еще и придумал хитрые страховые платежи. О них-то и говорилось в последнем пункте. С ними я вообще вывихнул мозг, пока понял в чем дело. Какую-то сумму, причем совершенно произвольную в зависимости от количества платежей, «кредитор» оставлял у себя и если вдруг сумма платежа оказывалась меньше необходимой, с этой «страховых» денежек доплачивалась разница.

Когда я понял в чем дело, то на пару минут потерял дар речи. Я тупо смотрел на своего помощника и как рыба на берегу, судорожно хватал ртом воздух, не в состоянии выдать из себя какое-нибудь слово.

Господин Охоткин налил в бокал немного воды из кувшина, стоящего в углу кабинета и подошел ко мне и со словами:

— Извините, ваша светлость, — выплеснул воду мне в лицо, чем вернул мне дар речи.

— Убил бы гада, — выдавил я из себя.

— Это, ваша светлость, уже сделали до вас, — Сергей Петрович широко развел руки и слегка наклонил голову.

— Вы сможете разыскать тех, кто это сделал? — спросил я после короткой паузы.

— Попробовать можно, ваша светлость, — с сомнением в голосе ответил господин Охоткин.

— Нет, вы не попробуйте, а обязательно разыщите.

Несколько минут в кабинете царил молчание.

— И на какую сумму тянет эта разница? — я показал на сундук.

— Я еще не всё разобрал, но думаю, что в итоге будет чуть ли не миллион, — Сергей Петрович окинул внимательным взором все еще не разобранные бумажные залежи и подвел итог, — завтра к вечеру я всё закончу.

Для того, что бы со спокойной совестью отправиться в поездку, мне оставалось решить дорешать кадровый вопрос. Наш «личный состав» в Петербурге был мне знаком очень слабо. До тринадцати лет я жил преимущественно в большом имении под Москвой и в столицах бывал очень редко, в Питер вообще был всего однажды. К учебе в университете я относился очень ответственно и последние три года занимался только одним — грыз гранит науки, при первой же возможности уезжая в любимое имение.

Конечно мне приходилось посещать уроки верховой езды, фехтования и учиться метко стрелять, тут мой родитель проявлял железную волю и был непреклонен. Но во всем остальном такую же волю проявлял я и уже примерно с восьми лет жил как хотел, а в понятиях 21-ого века юный князь был ботаником.

Круг моего общения был небольшой, нянюшка, её сыновья, сестрица Анна, дядька Иван,

и камердинер Петр. Это отнюдь не значило, что я не общался с другими людьми, просто общение с этой шестеркой было для меня комфортным и беспроблемным.

За последний год в этот круг постепенно вошел Матвей Иванович, но к сожалению и были две огромные потери. Летом умер любимый дядька Иван, который в моей жизни занимал такое же место как и нянюшка и пришлось в конце ноября отпустить Петра. Его брат служил на Кавказе, потерял там ногу и мой камердинер поехал в Тифлис, что бы привезти его домой.

В трех наших домах прислуги было немерено, но я совершенно не знал, кто есть кто. После беседы с нянюшкой у меня появилось некоторое представление о наших кадров. Но оставалось самое сложное — расставить людей по местам так, чтобы это устраивало меня. И если с женским персоналом было понятно, тут после матушкиного отъезда, которая всегда это дело держала под личным контролем, сестра сразу же всё взяла в свои руки, то как расставить по местам мужиков я еще не знал.

Близкий круг слуг родителя мне не внушал никакого доверия. Почему он сам не видел как этот негодяй его обворовывает было непонятно, почему этого не видели матушка и сестра было понятно, но в то, что всякие там камердинеры родителя не видели или не понимали, что их барина обирают как липку! Нет, в это я поверить не мог.

И первое что я сделал, это отправил эту публику в два других питерских особняка, на Лиговку и на Васильевский. Особняки я твердо решил продать и Анна должна сделать их предпродажную подготовку, вот пусть там и трудятся.

Нянюшкиных сыновей я решил не дергать, они должны как можно успешнее закончить университет, а потом пойти на учебу в Главном инженерном училище.

Нянюшка очень высоко отозвалась об одном из наших дворников, Степане. Ему было около сорока лет. Он когда-то служил еще деду Алексею, был дружен с покойным мужем нянюшки с которым близко познакомился в двенадцатом году.

После кончины деда несколько лет служил камердинером у родителя, а потом тот без объяснений изгнал его в дворники. Я даже не видел его толком и не сразу понял о ком идет речь. Степану всегда доставалась самая черная и не благодарная работа, он всегда был занят и редко попадал мне на глаза.

Я позвал его на беседу и в кабинет зашел среднего роста, крепкого телосложения, достаточно молодо выглядевший мужчина лет сорока. Идеально выбритый, свежая короткая стрижка и потрясающе умные голубые глаза. Но больше всего меня поразила его правильная грамотная речь и почти идеальный французский.

Степан Дмитриевич, я почти сразу спросил отчество и стал к нему обращаться именно так, чем немного его смутил, с семи лет служил старому князю, а затем моему родителю. Семейой обзавестись как-то не получилось. Старый князь обучил его грамоте и еще по молодости он пристрастился к чтению. Французский выучил общаясь с многочисленными носителями языка, этой публике в княжеском доме всегда было как грязи.

После непродолжительной беседы я решил задать ему контрольный вопрос.

— Степан Дмитриевич, почему вас князь Андрей Алексеевич прогнал в дворники? — я решил, что честный ответ самое главное в нашей беседе.

— Князь отправил девочку в нижегородское имение, а Анисью решил продать, ну я ему возразил. Он меня сильно избил и приказал вышвырнуть в дворницкую. Я две недели не мог подняться после этого. Когда отлежался стал дворником, — Степан Дмитриевич помолчал и закончил. — Анисья осталась.

— А она знает об этом, вашем заступничестве?

— Не знаю, ваша светлость, я ей об этом не говорил. Вашему батюшке после этого наверное даже мой голос был неприятен, поэтому я всё больше молчал, разговаривал только по необходимости со старшим дворником, да прохожими, когда улицу подметал.

— А почему заступился за Анисью?

— Она мне нравилась, ваша светлость.

— Нравилась или нравится? — дворник опустил голову и горестно вздохнул, потом вздернул её и посмотрел мне в глаза. В них стояли крупные слезы.

— Я хочу тебя назначить управляющим всеми питерскими домами, — при всех издержках мне был нужен именно управляющий всем хозяйством, не дворецкие на каждый дом или даже несколько в одном. Я не собирался давать больше такую волю слугам, что бы они могли воровать и собирался жестко их контролировать. — Подчиняться будешь только мне и Анне Андреевне в моё отсутствие. Согласен?

Кандидат в управляющие смахнул слезы и коротко ответил:

— Да.

— Через несколько дней я с господами Бакатиным и Охоткиным, — я посмотрел на назначенного управляющего понимает ли он о ком идет речь, — еду в поездку по имениям. Поездка займет больше месяца. Ты мне должен срочно подобрать четырех камердинеров и господам по камердинеру. Сегодня переговоры с Матвеем Ивановичем, как он планирует ехать, маршрут ему известен. Навести порядок с прислугой. В мое отсутствие особняки на Лиговке и Васильевском подготовить к продаже. Доклад дважды в сутки, утром и вечером и по необходимости. Вопросы есть?

— Пока нет.

— Тогда ступай.

Уже вечером Степан Дмитриевич привел мне четырех кандидатов в мои камердинеры. Все примерно одного возраста, 23–26 лет, крепкие, с выраженными следами интеллекта и живыми смысленными глазами. Звали их Архип, Герасим, Тимофей и Федор. Они меня вполне устроили, а там по ходу видно будет.

Вечером в пятницу третьего февраля Сергей Петрович доложил мне итоги своей работы. Общие долги составили больше восемь миллионов рублей. Честно говоря мне эта сумма ничего не говорила. Я знал, что в в финансовых системах 19-ого века всех европейских государств, а не только России, можно было не только ногу сломать, хотя и имел некоторые представления финансах Российской Империи. Поэтому решил включить дурака, послушать разъяснения знающего человека явно не будет лишним.

— Сергей Петрович, вам может быть это покажется странным, но я еще несколько дней назад был очень далек от таких вещей как деньги и даже ассигнации первый раз в руках держал, когда мы сундук с ними открыли, — в первом сундуке были не только ассигнации, но и серебряные рубли. Я видел в музеях деньги 19-ого века и однажды даже держал в руках сторублевую ассигнацию. — Объясните мне, насколько это много и какие перспективы.

Господин Охоткин ухмыльнулся и покачал головой.

— Наверное ваш батюшка тоже был немного далек от реального понимания цены денег. С одной стороны этому можно даже позавидовать, ваша светлость, — он еще раз покачал головой и очень грустно улыбнулся.

— В России имеют хождения два вида рубля: серебряный и бумажный, ассигнационный. Серебряный рубль стоит сейчас три с половиной ассигнационных. Восемь

миллионов это ассигнациями. Много это или мало, все зависит от ваших доходов. До девятнадцатого году ваш отец подавал декларации почему-то почти на полмиллиона серебром, но таких доходов не было и нет, поэтому чтобы заплатить подоходный налог, он постоянно занимал. И все платежи тоже уплачивались в долг. А еще много проигрывал в карты и бросал деньги направо и налево, не считая их. Любил он похоже покрасоваться. А абсолютно всё: дома, имения, все ценности, было заложено и перезаложено. У меня вообще сложилось впечатление, что ваш отец жил одним днем и ему было безразлично что он оставит детям.

— А шанс выпутаться из долгов есть?

— Конечно есть, ваша светлость, — господин Охоткин дернул плечами и развел руки. — Ваши имения теперь ни за какие долги не заберут. Поэтому кредиторы побесятся, а потом начнут с вами договариваться по-хорошему. Свои дома вы можете продать. Оставьте один этот дом, а остальные продайте. Я думаю в итоге останется только долг в Заемном банке, где-то миллиона два ассигнациями. Там все заложено конечно основательно, по максимуму, на двадцать лет под пять процентов годовых. Это ежегодно платить сто тысяч процентов и столько же погашение долга. Наведете порядок в своих имениях, выгоните всех воров управляющих. Начнете считать деньги и постепенно всё наладится.

То, что говорил господин Охоткин, подтверждало мои мысли, но я хотел не просто выпутаться из долгов. В моих планах было еще и начать быстро зарабатывать деньги, причем много.

— Сергей Петрович, я хочу вам предложить остаться служить мне. Но сразу же говорю, что это будет очень сложно, — я вопросительно посмотрел на собеседника. Он у меня стал вызывать большое доверие, когда через несколько дней совместной работы у него сменилось выражение глаз. Они стали добрыми и вызывающими доверие.

— Я служу у Александра Христофоровича, но если вы попросите его о такой услуги, отпустить меня, думаю он вам не откажет. Только напишите письмо прямо сейчас, а я отвезу. Вам лично к нему ездить не надо. Не будите лихо, пока тихо.

Легко сказать напишите, вот как раз что я не умел, так это писать. Нет писать я конечно умел, например карандашами. Но нормальные и приличные люди сейчас пишут перьями и чернилами. С чернилами я конечно быстро справился, в каких-то самых нижних подвалах подсознания проснулся навык начальных классов. Когда я пошел с первый класс, мы писали обычными перьевыми ручками и у нас были чернильницы-непроливайки.

А вот чем писать, это проблема. Писали еще в основном гусиными перьями. Господин Охоткин скорее всего верно подметил одну из черт характера покойного родителя, покрасоваться. Поэтому новомодные металлические перья для письма естественно были, но для меня что они, что гусиные — одна малина.

Как только я осознал эту проблему, то сразу же начал тренироваться в письме этими орудиями пыток и за три дня научился прилично ими писать. Параллельно я прочитал несколько книг и учебников, которые были в моем личном учебном кабинете и более менее разобрался с орфографией и прочими премудростями русского языка начала 19-ого века.

Поэтому я сел за стол и не без дрожи в душе, написал письмо Бенкендорфу. Промокнув написанное, я протянул лист Сергею Петровичу.

— Прочитайте, пожалуйста.

Господин Охоткин прочитал и с улыбкой слегка поклонился.

— Ваша светлость, вам надо быть дипломатом.

Через несколько минут он уехал. Несколько минут я сидел с закрытыми глазами и вспоминая слова Сергея Петровича, пытался понять как мои родители, в смысле князь и княгиня Новосильские, при таком богатстве и положении сумели залезть в такие долги. Мой помощник промолчал, но долгов достаточно понаделала и матушка. А сколько безумных покупок она сделала!

Еще раз просмотрев результат работы господина Охоткина, я позвонил в колокольчик. На мой зов быстро появился новоявленный камердинер Герасим.

— Герасим, пригласи их светлость княжну Анну Андреевну.

Княжна Анна пришла очень быстро, она видела, как господин Охоткин чуть ли не бегом покинул наш дом, встревожилась и сама направилась ко мне. Я, не ожидая еще её увидеть, вытирал измазанные чернилами пальцы и немного смутился.

— Тут, Анечка, такая вот проблема у меня образовалась, — я поймал её удивленный взгляд и решил, что он относится к моим измазанным пальцам. — После болезни писать немного разучился, пальцы как не мои и из-за этого ошибок море.

Анна в ответ рассмеялась.

— Вы и раньше этим талантом не блистали, Алексей, — она сделала ударение на моем имени.

«Понятно» — подумал я. Обращение «Анечка» явно было не привычным и удивительным. Анна, в отличие от меня, всегда была при родителях и у неё не было подруг, таких как мои братья Петровы. Хорошо, что хотя бы своего младшего брата она знала и любила. К русскому языку я всех уже приучил, потихоньку на «ты» переходим, а вот простые русские варианты имен: Алеша, Аня или Машенька еще никак. Надо обязательно Алексей или на иностранный манер Мари, Мэри.

— У тебя, Анечка, — я сделал вид, что её колкость пролетела мимо, — грамотность и почерк идеальные. Будешь со мной каждый день заниматься, обучать меня заново грамотно и красиво писать.

— А ваша поездка, что отменяется?

— А ты с нами поедешь, Матвей будет только за.

Сестра помолчала и внимательно оглядела кабинет. При жизни родителя её сюда не допускали, матушка тоже её доверием не баловала и здесь она была второй или третий раз.

— Садись, — я показал на свободное кресло подле стола. — Сергей Петрович всё закончил, ознакомься.

Анна взяла исписанный мелким убористым охоткинским почерком лист с итогами проведенной ревизии и стала читать. Я же стал читать лист с его подробными предложениями предполагаемых продаж. Третий лист был с его оценками доходности наших имений.

Сестра читала бумаги медленно и вдумчиво. Прочитав на раз, она взяла лист бумаги, перо и стала читать по-второму разу, что-то выписывая. Затем Анна также прочитала и две других бумаги.

— Алеша, — «о, вот так уже лучше», промелькнула мысль, быстрая как молния, — Матвеем можно будет со всем этим ознакомиться?

— А у нас с тобой, сестра, выбора нет. Наша матушка укатила в Европу. У неё своя секс-программа, — я употребил привычный термин и Анна похоже поняла значение незнакомого словосочетания и горько сложила свои губки. — Маша еще мала, кого еще мы можем позвать на помощь?

Риторический вопрос на который я не знал ответа. Не генерала же Бенкендорфа просить, он конечно помог и капитально, но в его бескорыстие и благородство я не верил. Скорее я поверю, что княгиня Елизавета Павловна имеет какие-то рычаги влияния на влиятельного царедворца.

— А насколько можно доверять этому господину от генерала Бенкендорфа? Не

пожалеешь, что доверился ему? — Анна Андреевна явно не глупая особа. Этот вопрос самому покоя не дает.

— Не знаю, Аня. Сам об этом постоянно думаю. Но твердо знаю одно, самому мне из всего этого не выпутаться. А Сергей Петрович за эти дни не дал повода усомниться а его порядочности и компетенции.

— Сколько у тебя, Алексей, незнакомых слов. Оторопь прямо берет.

— Анна Андреевна, я ведь в университете учусь. Книг много читаю, умные лекции слушаю, — первое, что я сделал после «выныривания» когда более-менее оклемался, это изучил свою спальню и личный кабинет. Везде было много книг и различных тетрадей, принадлежащих мне, князю Алексею Андреевичу Новосильскому. Тетради все были исписаны собственной рукой их светлости, то есть моей. В книгах было много карандашных отметок и получалось что круг моих интересов был широк и разнообразен. Поэтому я нисколько не расстроился, что сестра подловила меня на употреблении незнакомых слов, слова заимствованные и их значение я знал.

— В университете ты учишься не первый год, но такого раньше за тобой не замечалось, — с недоверием произнесла сестрица.

— Так я раньше таким умным и не был. Я кем был? — вопрос я усилил жестом руки. — Сыном их светлости, кня-жи-чем. А как стал владетельной светлостью, враз поумнел.

Анна махнула рукой и засмеялась.

— А твои друзья детства и однокурсники? Или ты в них сомневаешься?

— Василий и Иван? Нет, в них, как и в нянюшке, не сомневаюсь. Но они должны учиться, скоро выпускные испытания, а потом их ждут вступительные испытания в Главном инженерном училище. Да и я без их записей не сдам выпускные в университете, не бросать же, — как только я пришел в себя, то сразу же прогнал братьев учиться. — Тебе они естественно помогут, если что.

Мы с Анной оказались в каком-то вакууме, все круги нашего общения как-то рассосались.

Круг общения нашего родителя почти весь сидел по крепостям и гауптвахтам. Матушкины товарки тоже начали избегать общения, после императорского указа о майорате еще больше. У Анны своего круга общения еще не было, она в этом отношении следовала кильватером за родителями.

После 14-ого декабря, когда не понятно было падет ли гнев Государя на голову княгини, да еще и я лежал в беспомощности, это можно было понять. Но когда ситуация благополучно разрешилась, то ничего не изменилось. Столичный свет почему-то закрыл двери перед нами, к нам никто не пытался приезжать и даже более того Анне Андреевне демонстративно было отказано в двух домах матушкиных подруг, когда она попыталась нанести визиты после отъезда княгини.

Меня это абсолютно не тронуло, можно даже сказать, что было по барабану. Выслушав Анну, у которой дрожал голос и тряслись губы, я даже рассмеялся.

— Не волнуйся, Анна Андреевна, пройдет немного времени и все они будут толпиться в нашей передней, ожидая твоей милости, — в своих словах я был уверен на сто процентов.

Но сейчас мне было немного страшновато. Одно дело Санкт-Петербург пусть и первой половины 19-ого века. Нет почти ничего знакомого с детства, коммунальных удобств, света, радио, телевизора и прочих интернетов. Но все равно знакомые стены и более-менее привычные виды из окна.

А скоро я окажусь на просторах России позапрошлого века, где нет практически ничего знакомого, нет даже привычных дорог, люди даже еще не знают что такое асфальт. Да и Аня с Машей стали по настоящему родными для всего конфлюэнца, а не только для его части девятнадцатого века. Мне еще и поэтому немного страшновато, они впервые остаются по настоящему одни.

Господин Охоткин и Матвей приехали одновременно и очень неожиданно для меня. Я их ждал позже и мы не успели с Анной андреевной обсудить результаты ревизии, проведенной Сергеем Петровичем.

Увидев Матвея, Анна просияла улыбкой и без слов попросила разрешения отложить разговор. Я махнул им рукой и взяв у Сергея Петровича письмо генерала, отошел к столу.

Бенкендорф писал, что он не возражает если господин Охоткин изъявит желание перейти на службу ко мне и уверен, что мне он будет служить также плодотворно и верно как до этого семье генерала.

К письму прилагалось что-то типа послужного списка.

— Садитесь, Сергей Петрович. Я полагаю на необходимо немного побеседовать, — господин Охоткин сел на стул поставленный мною специально напротив стола, а я внимательно прочитал приложение к письму.

Господин Охоткин был из беспоместных московских дворян, православный, возраст сорок пять лет. Служил а армии вместе с Бенкендорфом и в 1807 году в чине капитана вышел в отставку после тяжелого ранения. Будущий царедворец определил своего сослуживца в помощники своему отцу, при котором он и состоял до его смерти два года назад. После чего перешел на службу к сыну, генералу Александру Христофоровичу Бенкендорфу. Вдовец, детей нет. Коротко и ясно.

Письмо было написано генералом собственноручно, а вот послужной список нет и у меня появилось ощущение, что он не дописан, по крайней мере внизу перед сегодняшним числом поставленном другой рукой было две свободных строчки. Да и Сергей Петрович как-то напрягся, когда я читал эту бумагу.

— Какие были ваши условия службы к генерала?

— Кров, стол, платье, тысяча рублей серебром, — всё перечисленное вполне нормально и для меня.

— Такие же условия, плюс камердинер вас устроят?

— Вполне, ваша светлость, — улыбнулся господин Охоткин. — Если вы не будете возражать, я возьму с собой своего человека.

Возражать я не стал и задал еще один интересующий меня вопрос.

— Скажите, Сергей Петрович, почему генерал Бенкендорф помогает мне?

— Я не знаю чем, но он очень обязан вашей матушке. Она после смерти мужа несколько раз приезжала к генералу. Не было ни каких амурных дел, деловые свидания. Последний раз княгиня была своим отъездом за границу, минут десять-пятнадцать. Генерал проводил ей до кареты. Оба очень довольно улыбались.

Почти до полуночи мы втроем: Анна, Матвей и я изучали отчет ревизии, составленный Сергеем Петровичем. Анна подтвердила моё предположение, что она умница. Получив стандартное домашнее воспитание великосветской дворянской дурочки, она несколько лет занималась самообразованием и для своего времени была уже хорошо и разносторонне образованной девушкой.

— Алексей, а в имениях ты собираешься не просто навести порядок и пресечь воровство

управляющих, но и еще что-то сделать, — вопрос-утверждение ответа на которое еще нет.

— Сначала надо на всё это посмотреть, а там видно будет.

Следующим утром Матвей проверил выполнение своих последних распоряжений и ближе к полудню доложил мне что всё готово к поездке.

Выезжать мы решили послезавтра, шестого февраля. У меня остался невыполненным последний пункт моего плана подготовки: беседа со своими друзьями детства, а сейчас однокурсниками университета, сыновьями нянюшки: Василием и Иваном.

Когда я находился в безпамятстве, они по очереди дежурили подле моей постели с нянюшкой и Матвеем. Но когда я пришел в себя, то первое что сделал, когда немного разобрался в ситуации, прогнал их в университет. Не гоже ставить под сомнение судьбу предстоящих выпускных испытаний. Я сразу же решил, что им надо будет делать после университета, да и самому надо будет его закончить в этом году.

Поэтому я еще раз повторил им свою просьбу — требование: учиться, учиться и учиться. Но и конечно держать руку на пульсе и быть готовыми придти в любую минуту на помощь княжне Анне Андреевне. Для братьев, как и для нянюшки. предстоящая разлука была огромным потрясением. Впервые мы расстаемся, да еще и возможно на несколько месяцев. Конечно мне было бы лучше если они поехали бы со мной, но от детских хотелок пора отвыкать.

В жизни в двадцать первом веке я был человеком к религии равнодушным, несколько раз конечно в храмах бывал, даже пару раз причащался. Атеистом естественно не были считал, что есть какая-то высшая сила. А вот князь Алексей первого издания, был человеком верующим и получившийся конфлюэнц естественно это унаследовал, хотя элемент критичности в вопросах веры у меня был ого-го какой.

Атеистов и богоборцев в моем окружении не было и поэтому утром в воскресенье было дружный поход на службу в нашу семейную церковь, такое серьезное дело требовало обязательного благословления.

В нашем храме служил старенький, семидесятилетний батюшка отец Иоанн. Родитель лет десять обещал ему построить новую церковь, но дальше обещаний дело не шло. Пару месяцев назад отцу Иоанну начал помогать его внук отец Серафим.

Сегодня отец Иоанн в конце службы уже с трудом стоял на ногах, но когда я подошел к нему, он встрепянулся, проникновенно посмотрел мне в глаза, что-то вложил мне в руку, неожиданно очень сильно сжал мою руку в кулак и только после этого благословил меня.

Отойдя от батюшки я разжал кулак. На ладони лежал небольшой замшевый мешочек с затянутой тесемкой. Я раскрыл его и увидел необыкновенной красоты золотой нательный крест. В чем была его необыкновенность я не мог сказать, но она была.

Вечером я зашел к нянюшке и показал ей полученный в подарок крест.

— Нянюшка, как мне правильно поступить?

— Конечно одеть этот крестик. Батюшка наш прозорливый, он тебе недаром такой подарок сделал. Крест, который мы на груди носим, это наша защита. А этот для тебя будет настоящей броней. Твой крестильный крестик у меня в сундучке лежит, ты как пошел я его тебя сразу поменяла. Ты же сорванец был, сколько ты их потерял, да поломал, пока в разум вошел. Так что смело одевай новый. А старый мне отдай, я его к крестильному положу.

На рассвете следующего дня мы выехали из ворот нашего дома. Первым на нашем маршруте было имение в окрестностях Петербурга — Пулковская мыза.

Когда мы проехали городскую заставу и еще сонный караульный опустил за нами

шлагбаум, у меня что-то кольнуло в груди. Несмотря ни на что, где-то в глубине души, жил червячок сомнений, вдруг это все не по настоящему, вдруг это сон или какой-то супер-пупер розыгрыш, ну не знаю даже что. Но по какому-то щелчку пальцев всё вдруг вернется на круги своя.

Я хорошо знал и любил окрестности Петербурга, но сейчас я ехал по совершенно не знакомой мне местности и только возле самой мызы мне удалось сориентироваться.

От Питера до Царского Села двадцать две версты, если ориентироваться на подробная карту Российской Империи Пядышева, издание 1822–1824 годов. Карта совсем свежая, «сочинена по новейшим и достоверным сведениям». Все надписи сделаны на двух языках, русском и французском и не печатным шрифтом, а прописью. Наша мыза западнее и южнее Пулковских высот, вдоль речек Койровок.

При Елизавете Петровне наши места были приписаны к императорской резиденции — Сарской мызе, Царскому Селу и тут были подсобное хозяйство и охотничьи угодья с соколиной охотой. При Екатерине Второй на Пулковской горе создали пейзажный парк и через Пулково был проложен тракт Санкт-Петербург — Царское Село.

После её смерти всё здесь пришло в запустение. Когда в 1817-ом году Александр Первый отдавал усадьбы в аренду пулковским крестьянам, мой родитель подсуетился и прикупил землицы рядом.

Всего тут у нас почти две тысячи десятин земли. Родитель вывел сюда из других имений две сотни крепостных и начал строить новую усадьбу, примерно в двух верстах от более-менее приличной дороги местного значения.

Каким образом он сумел купить эти земли и зачем мне было непонятно. В майорат эти земли не вошли и возможно их тоже удастся продать. Дохода с них никакого, а вот расходы не малые.

Сильных снегопадов последнее время не было и дороги были хорошо укатаны, а проселок к нашей усадьбе был еще и местами расчищен руками. В итоге через два часа мы были на месте.

Родитель строительству и благоустройству новой усадьбы придавал большое значение, все контролировал сам, особенно тщательно отобрал крепостных на вывод. Абсолютно все были семейные, молодых сразу же по достижении 18-ти лет женил и только его кончина остановила этот конвейер. В итоге к моему приезду появилось три холостяка.

Господский особняк имел вид дворца в стиле классицизма. Это было двухэтажное здание к фасаду которого примыкали выдающееся трёхэтажные центральная и боковые части. Центральную часть украшала высокая колонада с шестью колоннами. Выдающиеся боковые части были украшены арочными венецианскими окнами.

Перед входом был большой парадный двор. Он был совершенно пустым и ровным. К нашему приезду все было хорошо расчищено от снега.

Сзади дворца находился небольшой закрытый двор, его образовывали слева дом управляющего, справа дом прислуги, напротив амбар с арками и господская конюшня, с другой стороны которой был большой манеж. Рядом с конюшней был небольшой коровник с крытым выгульным двориком.

Между домом управляющего и господским домом был широкий четырехметровый проезд. А дом прислуги был соединен с дворцом небольшой крытой галереей.

Прислуги почти не было, только два истопника и четыре сторожа — дворника. Одна из дворницких жен предполагалось в кухарки, другие в буфетчицы и официантку. Мой

родитель тут был как говорится не в тренде, в 19-ом веке эти функции выполняли преимущественно мужчины.

За господской усадьбой была речка Большая Койровка, делающая поворот на запад. Расположенная сзади по берегам реки деревня была разделена на две равные части по сторонам господской усадьбы и между ними была широкая дорога, за которой был обгороженный и огороженный выпас для господских коров.

Кузница была на дальнем юго-восточном конце деревни. Здесь же были и большинство хозяйственных построек — хлевы, рабочие конюшни и прочее. Все орудия труда с которыми крестьяне отработывали барщину были на кузнице.

В деревне было сто восемьдесят два двора, в двух десятках из них с родителями еще жили и старшие женатые сыновья. Родитель это не приветствовал и требовал от бурмистра женатиков как можно быстрее отселять на отдельные дворы.

Управляющих наших имений называли бурмистрами. Все они были из наших крепостных.

Бурмистром этого имения был небольшого роста мужичок-боровичок сорокапятiletний Кондрат Иванович. Его с женой Матреной сюда вывели с подмосковного имения.

Осип, старший камердинер родителя, после того как выплыла история с Таней, мною был мною с пристрастием допрошен, а затем два дня расписывал все известные ему подвиги родителя на различных фронтах: заговорщицких, игральных, сексуальных и многих других. Я просто нутром почувствовал необходимость этого знания. Внезапно появилась уверенность, что из этих родительских делишек когда-нибудь придет опасность.

Родительский камердинер похоже был достаточно трусливый и своего покойного хозяина сдал с потрохами. А вот про матушкины делишки не сказал ничего. Упал в ноги и рыдая, начал умолять не пытаться его о княгине. Я прикрикнул на него и Осип замолчал.

— Тебе пригрозили вырвать язык если будешь болтать? — наугад спросил я. Осип молча затряс головой, подтверждая мои слова.

— Генерал Бенкендорф? — продолжилось моё гадание.

Осип мгновенно превратился в безмолвную статую, но в глазах промелькнул страх. Похоже сильно его напугали.

— А в её похождениях может быть опасность для меня и сестер?

Статуя сразу превратилась в человека и со снисходительной улыбкой отрицательно покачала головой, закрыв глаза. «И то хлеб», — подумалось мне. Я немного помолчал и подвел итог нашей «беседы по душам».

— Будешь жить в доме на Лиговке. Запомни. Шаг вправо, влево считается побег и расстрел на месте. И запомни, если ты дашь мне даже повод заподозрить тебя в предательстве, болтовне или нерадивости, я тебе не только язык вырву. Тебя будут на части рвать и собакам скармливать. А будешь хорошо и верно служить, глядишь и отработаешь свои грехи, может быть я тебе даже бабу разрешу завести, — Осип в числе прочего написал, что барин ему однажды в качестве наказания запретил жениться и даже интимно общаться с дамами.

Так вот про Матрену Осип написал, что она была одной из крепостных утех родителя и была выдана замуж за сороколетнего вдовца, помощника бургомистра Нарвской мызы. Детей у них поначалу не было, но год назад Матрена родила мальчика, вылитого Кондрата.

Когда появилась эта мыза, Ермолай, один из камердинеров князя, попросил барина вывести в новое имение Кодрата, своего старшего брата и тот стал здешним бурмистром. Уже меня Ермолай попросил отпустить его к брату.

Со своими обязанностями Кондрат справлялся отлично, а самое главное наверное не воровал. По крайней мере Сергей Петрович на него, единственного из бурмистров и управляющих домами, ничего не нарыл.

Вся деревня и дворня собрались на парадном дворе. Впереди стоял бурмистр с женой и дворня, деревенские немного поодаль.

Когда я вышел из возка все дружно начали кланяться в пояс и над двором раздался приветливый гул голосов.

— Ты бурмистр Кондрат? — я наставил трость на стоящего впереди всех мужика, чисто и аккуратно одетого.

— Я, ваша светлость.

— Жалобы, просьбы, предложения есть? — я знал, что жаловаться на своих помещиков крепостному крестьянину нельзя. Но никто не запрещает помещику, то бишь мне самому, спросить есть ли у них жалобы. Естественно крепостные промолчали.

— Пусть расходятся по дворам, а ты давай всё мне покажи.

До самого вечера мы осматривали имение. Претензий к бурмистру Кондрату у меня не оказалось. Господский дом был полностью готов, осталось только до конца его мебелировать, хотя провести ночь в нем или пообедать конечно уже можно и сейчас. Были закончены все основные работы и в других помещениях усадьбы.

А вот в деревне и хозяйственных постройках работ было еще невпроворот. Крепостные сюда были выведены не одномоментно, а в течении нескольких лет, по мере необходимости в рабочих руках на стройке усадьбы. И параллельно строилась деревня. Кроме усадьбы я осмотрел все хозяйственные постройки и несколько десятков крестьянских домов. До хорошего конечно еще было далеко, но в голоде и холоде никто из крестьян не был и все были добротнo одеты и обуты.

Больше всего мне понравилась кузница, где заправляли два брата Мефодий и Гаврила. Они были погодками, одному было сорок, другому сорок один год. На двоих у них было пятеро сыновей, которые им помогали. Рядом с кузницей они поставили два больших дома, в которых и жили своими большими семьями. Дома кузнецов были крайними на этом конце деревни, были единственными полностью достроенными и в обоих уже были русские печи.

Печником был дед братьев кузнецов — то же Мефодий. Деду было не меньше восьмидесяти лет, но он был еще крепкий старик и обучал печному делу одного из своих правнуков.

На речке бурмистр хотел поставить водяную мельницу и рядом с кузницей строилась небольшая плотина, предстоящим летом всё это должно заработать.

На Пулковской мызе я долго задерживаться не собирался. Планов на дальнейшую судьбу мызы у меня еще не было. То что я увидел меня вполне устроило, а подготовленные к весне поля навели на интересные мысли.

Нарвскую мызы я наметил посетить в последнюю очередь после поездки в другие имения. Поэтому следующим утром мы отправились в Москву.

Перед отъездом мы естественно пили чай. Буфетчица приболела и её заменила Матрена. Матвей решил посмотреть заболевшую и долго чаевничать не стал. Сергей Петрович почему-то пошел с ним и я с Матрёной остался один. Она пристально посмотрела в спину уходящим и когда за ними затворилась дверь, тихо спросила:

— Ваша светлость, дозволейте сказать, — от волнения по лицу её пошли багровые пятна.

— Говори, — я первую минуту мне подумалось, что Матрена сейчас заговорить о непристойном.

Матрена справилась с волнением и прерывающимся голосом медленно начала говорить:

— Когда к нам на мызу привезли Анисью, меня приставили помогать ей. Барин тут вскорости меня и приметил. Потом, когда девочку у матери забрали, её сначала мне отдали, а уж после увезли к бабке. Когда снег лёг, девочку сюда привезли и велели мне опять за ней смотреть. Она чего-то боялась, сильно плакала и всё бабку звала, — Матрена справилась с волнением, её голос окреп, перестал дрожать и она почти затараторила.

— Перед тем, как всё это случилось, — под словом всё подразумевалось по-видимому 14-ое декабря, — Ермолай приехал и забрал Таню. А барыня, ваша матушка, видать этого не знала. Присылала людей за ней и грозилась запороть меня до смерти. Когда она уезжала, то заезжала сюда, требовала меня. Кондрат спрятал нас с сыном. Так барыня ему все лицо разбила и укатила.

— Зачем ты мне все это рассказала?

— Ермолай велел, — Матрена покорно склонила голову.

— Речь у тебя, Матрена, какая правильная.

— Барин приказали меня с Анисьей грамоте обучить. А потом велел мне книжки читать.

— А как замуж вышла?

— Кондрат меня у барина на спор выиграл, — у меня от удивления глаза наверное на лоб полезли, по крайней мере было такое ощущение.

— Это как так? — буквально выдавил я из себя.

— Ваш батюшка охотником никогда не был, а тут с соседом почему-то поехал. Ну и после промаха соседа сказал, что никто не сумел бы попасть. А Кондрат с тем барином накануне повздорил из-за меткости стрельбы. Ну вот он и сболтнул, что хороший стрелок непременно попадет. Барин взбеленился и говорит ему, стреляй. Ежели не попадешь, на конюшне сегодня же выпороть прикажу.

Я засмеялся, дерзкий мужичишка наш бурмистр.

— А если попадет, тебя в жены попросил? — Матрена еще ниже наклонила голову и еле слышно ответила.

— Да, ваша светлость.

— Всё, ступай. Правильно сделала, что рассказала.

Рассказ Матрены настроение мне не прибавил. Более того появилась зарубочка в голове, зачем Ермолай велел Матрене всё рассказать.

Ничего страшного у приболевшей буфетчицы Матвей не нашел и мы не мешкая, отправились в путь.

Путешествие в Первопрестольную для меня оказалось сущей пыткой. И отнюдь не бытовыми неудобства. Какими бытовыми дорожными проблемами можно удивить водителя-дальнобойщика со стажем тридцать плюс? Правильно — ни какими? Но почти неделю ехать от Царского Села до Москвы — это песня.

До Новгорода мы доехали за двое суток. Вполне приемлемо, учитывая, что дилижанс ехал от Питера до Москвы четверо суток. Несколько лет уже шла реконструкция старой дороги и до Новгорода дотянули уже новую, вполне современную по меркам 19 века. Новую дорогу уже стали называть шоссе.

Не доезжая Новгорода, я увидел как мужики чистят снег широкими деревянными скребками, некоторые были отделаны металлом. Накануне нашего отъезда в Питере был небольшой снегопад, но ближе а Новгороду была снежная буря и из-за этого пришлось сделать внеплановую остановку.

Я вышел размять ноги и услышал как один из мужиков сказал, обращаясь скорее всего к станционному зрителю, надзирававшему за работой:

— Эх, жалко, Пантелеич, механизма твоя не работает, — эти слова вызвали неожиданно резкую реакцию одетой в огромный тулуп бабы, судя по всему жены зрителя:

— Молчи, дурак, тебе лишь бы языком помолоть, — замахала она своими ручищами,

оглянувшись на меня.

Слова про механизму меня заинтриговали и я решил выяснить в чем тут дело, тем более задержка в пути, почему бы не проявить интерес.

— Пантелеич, — обратился я к предполагаемому зрителю, — если я не ошибаюсь, вы здесь стационарный зритель и отвечаете за расчистку дороги?

— Так и есть, барин, — с поклоном, слабеньким блеющим голосочком ответил мне маленький мужичонка. Он похоже с трудом стоял на ногах и ему помогала его жена.

— И что за механизма у тебя есть? — слова мужика меня заинтриговали и мне захотелось узнать в чем дело.

— Полноте вам, барин, слушаете всяких дураков. Нет никакой механизмы, — торопливо ответила мне жена зрителя, явно пытаясь пресечь эту тему разговора.

Не тут-то было. Тема похоже была животрепещущая, так как все мужики дружно прекратили работу, а один из них разъяснил мне в чем дело.

— Сидор Пантелеич придумал две механизмы что бы дорогу от снега чистить. А ему за это плетей выписали, чуть богу душу не отдал. Сегодня первый день как поднялся. Насилу оклемался, — всё это было сказано в такой болью в голосе, что подумалось что плетей выписали не зрителю, а рассказчику.

— А где же эти механизмы? Посмотреть хотелось бы, — сказал я, обращаясь к зрителю. Но ответил опять не он, а на этот раз его жена. Услышав искренний интерес в моем голосе и решив видимо, что на этот раз бить не будут, она решила взять инициативу в свои руки.

— Так ведь приказали, барин, все сломать и сжечь.

— А работало всё? — продолжил я допрос.

— Еще как работало, муж думал за усердие наградят как других рублем, а его наградили плетью и сказали, вам бы подлецам всё не работать.

— И что ничего не осталось? — с большим сожалением в голосе спросил Матвей. Они с Сергеем Петровичем подошли ко мне и слышали весь разговор.

— Чертежи остались, — неожиданно вступил в разговор доселе молчавший герой обсуждаемой истории.

Он распахнул тулуп и из-за пазухи мятой грязной рубахи достал купу мятых листов, которые протянул мне.

— Вот, барин, смотри.

Чертежами назвать это было сложно, но я сумел понять, что он придумал две машины для уборки снега. Одна была на мускульной тяге, несколько мужиков толкали перед собой агрегат, который расчищал небольшую полосу. Не больше метра, а потом по ней шла лошадь и еще один механизм расчищал уже полосу шириной метра два.

— Он, барин, — самый первый мужик, начавший это разговор, печально подытожил, — все свое жалование на это пустил.

Зритель горестно кивнул, подтверждая сказанное. Краем глаза я увидел, как Сергей Петрович достает свою записную книжку, в которую он записывал всё замечания и «великие» мысли, мои и других. Я молча подтверждающе кивнул и повернулся к Матвею.

— Дай ему сто рублей серебром, — Матвей был у нас техническим руководителем и бухгалтером нашего предприятия.

— Я светлейший князь Новосильский. На обратной дороге я тебя с собой заберу, будешь мне служить.

Кто приказал сломать и наградил зрителя плетью я выяснять не стал, хотя понятно, что человек это был не малый, зритель как ни как имел четырнадцатый чин и бить его было не положено, все таки личный дворянин. В крайнем случае потягаемся, чинов у меня нет, но знатности выше крыши.

С каждым днем я все больше и больше становился человеком 19-го века. У меня конечно остались все мои знания и понятия прежней моей жизни, но в первую очередь я был русским князем 1810-ого рождения.

Но то, что есть во мне нынешнем из будущего века, было не просто знанием, а часто именно оно определяло мои действия. Например моё отношение к любовным похождениям родителей, князей Новосильских.

Юный князь до попадания уже имел опыт в этом деле и как всякий молодой человек был этим озабочен. А вот тухлеватый пень из 21-го века к этому уже относился равнодушно. В той молодости я зажигал конкретно, но потом встретил свою будущую жену и пропал. Карьера дон Гуана на этом закончилась без знакомства с Медным Всадником.

Когда жена умерла, я через некоторое время опять начал общаться с женщинами, но постоянной пассии себе не завел, а ближе к шестидесяти вообще стал жить один, не испытывая ни физической, ни психологической потребности в лямурных делах.

Здесь я, шестнадцатилетний юноша, хотел отношений с противоположным полом, против физиологии не попрешь, но в мозгах было и другое, а когда узнал еще и о «подвигах» своего биологического родителя, то свои чувства по этому поводу могу назвать двумя непопулярными словами будущего века — стыд и срам. И это на корню отрезало мелькнувшее желание попользоваться крепостных девок.

Вообще папенька похоже жил по принципу, после нас хоть потоп, ему было по барабану с чем останутся его дети.

Это то, что занимало мои мозги пока мы ехали до Новгорода. Случайная встреча с несчастным зрителем переключила мой мыслительный процесс на другое. И слава богу, иначе от таких мыслей может случиться какая-нибудь неприятность, например несварение желудка.

Аттракцион неожиданной щедрости проезжающего барина произвел ошеломляющее впечатление на зрителя с женой и работающих мужиков. Все они упали на колени, зритель впал в какое-то оцепенение, а его жена начала целовать руки Матвея, отсыпаящие серебряные рубли.

— Чертежи заберите, а то не ровен час налетит еще один ретивый и их то же спалит, — буркнул я, обращаясь к господину Охоткину. — И пока мы здесь загораем, помогите этому бедолаге составить прошение об отставке.

Через пару часов мы продолжили путь. Сергей Иванович подробно расспросил что и когда беспредельничал на этой почтовой станции и доложил мне.

— Здесь третьего дня был с инспекцией чиновник Министерства внутренних дел, проверял новую дорогу до Новгорода. Обрато не проезжал, видать там сидит.

— Прощение составили?

— Составили, я его забрал. Если встретимся с чиновником, можно будет ему и отдать, — всякая инициатива наказуема, но это было правильное решение и я молча кивнул в знак согласия.

До Новгорода мы кое-как добрались, а потом зависли в нем на двое суток. Снежные заносы полностью парализовали движение в Москву. Делать было совершенно нечего, не

было ни одной книг, прогуляться по Новгороду было не возможно, всё кругом было завалено снегом. А в путевом дворце публика подобралась совершенно серая и мне не интересная, по крайней мере те, кто попался на глаза. Да и дорога меня уже вымотала, всё-таки после болезни я еще не полностью восстановился.

Поэтому почти все время вынужденной остановки я спал. Правда перед тем как погрузиться в сладкую негу сна, пришлось пообщаться с чиновником, любителем распускать руки.

Когда я неторопливо выбирался из экипажа, ямщик успел всё узнать и подскочил ко мне с докладом:

— Барин, чиновник из Питера здесь сидит. Ждут-с пока дорогу расчистят, что бы обратно ехать.

Неопределенного возраста, жирный как откормленный боров, с лоснящейся от жира круглой физиономией, министерский чин пил чай в окружении местной чиновничьей мелкотни. Ямщик успел узнать и фамилию и чин, но эта информация как-то не задержалась в моей наполнившейся гневом голове. Осталось только общее впечатление, птица не высокого полета.

Я буквально подлетел к нему и схватил за грудки.

— Это кто тебе мерзавцу дал право дворянина бить и увечить? Ты кто такой будешь?

Чиновник похоже сразу понял в чем дело, побледнел и мне показалось от него пошел характерный запах. Гнев мой тут же улетучился и я отпустил его.

Сунув в трясущиеся руки чиновника прошение смотрителя, я медленно, почти по слогам прошипел:

— Передашь бумагу кому надо. Человек это мне будет служить, — подождав, пока испуганный толстяк переварить полученную информацию, я продолжил, — обратно буду ехать, заберу с собой.

К исходу вторых суток новгородского сидения дорога была расчищена и можно было двигаться дальше. Первыми ускакали фельдегеря, а за ними должны были отправиться рейсовые дилижансы. Их оказалось целых три и неожиданно на первом образовалось четыре мест, одно из них правда на запятках. Сказать что неожиданно можно было с большой натяжкой, два образовались из-за болезни семейной пары, а еще два места Сергей Петрович выкупил у пассажиров с большой переплатой.

В Москву ехал какой-то купец со своим приказчиком и от лишних двух сотен он естественно не отказался. Вдобавок мне показалось, что не последнюю роль сыграло и мое громкое имя.

В Москву мы ехали вчетвером, камердинер Архип и слуга господина Охоткина Ян, были посланы заранее и вероятно успели проехать до снегопада. Они должны были передать приказ встречать нас в Твери. Я решил, что в дороге мы обойдемся и услугами денщика Матвея, Анисима.

На предложенный вариант дальнейшего пути я сразу согласился. Багажа у нас было немного, а нашу карету согласился купить услужливый купец.

До Твери дилижанс добирался двое суток, дорога хотя и была расчищена, но двигались все равно с черепашьей скоростью и с большими остановками в пути.

В путевом дворце Твери светлейшего князя Алексея Андреевича ждали две комфортабельных кареты, запряженные четверками лошадей, а на двух почтовых станциях были приготовлены смены упряжек.

Отдыхать в Твери мы не стали, две кареты позволяли дальше ехать с комфортом, в них было тепло. Просторно и можно было лечь. Особенно мне, я ехал один.

Дорога от Твери была хорошо расчищена, да и состояние её было вполне приличным. Главной тверской проблемой была речная переправа, летом это был наплавной мост, зимой соответственно зимник, а вот во время ледохода это была беда.

Но сейчас зима и по расчищенному чистому льду можно вообще прокатиться с ветерком, все зависит от умения и лихости ямщика или кучера.

До Москвы мы ехали всего ничего, двенадцать часов, после вынимающей душу черепашьей скорости предыдущих дней, мне казалось что карета не едет, а мчится.

В Москве мы задерживаться не стали: ужин, сон, завтрак и вперед. Я твердо решил продать московские дома и желательно побыстрее, поэтому господин Охоткин поручил заняться этим своему слуге и компаньону Яну.

Ян был из обедневших остзейских дворян. Вдобавок его отец был еще и заядлым картежником и в конечном итоге проигрался в пух и прах. Играл он уже со всеми подряд и за долги ему скорее всего открутили бы голову, но рижский губернатор Христофор Бенкендорф спас бедолагу и взял к себе служить. Затем отставному генералу стал служить и его сын Ян. После смерти генерала Ян пошел служить его сыну, который и определил его к господину Охоткину.

Ян был скорее напарником или компаньоном господина Охоткина. Он был грамотен, достаточно хорошо образован и ему часто давались и деликатные ответственные поручения. Своего дворянства он не утратил, но при необходимости выполнял и обязанности слуги Сергея Петровича.

Поэтому Яну и поручили провести быструю предпродажную подготовку всей московской недвижимости князей Новосильских и если нарисуются выгодные предложения начать продажу.

В Москве я решил не задерживаться в буквальном смысле ни на минуту: небольшой перекус пока перезакладывают лошадей и вперед, в Коломну.

Подмосковные имения были не чисто подмосковными. Наши имения были расположены вдоль Оки в двух губерниях: Московской и Рязанской. Это были исконные вотчины князей Новосильских, дарованных нашим предкам первыми московскими князьями. Основной массив земель был на левом, московском берегу как и большинство деревень. Заокские земли были между двух рек: Окой и Осетром. Они были чрезвычайно живописные и очень ценились нашими предками.

Прадед, а особенно дед стремились сосредоточить что бы имения в одном месте и преуспели в этом. Поэтому он продал матушкино имение и купил ей соседское имение.

Когда мой дед умер, то было два больших имения: московско-рязанское, но его называли московским и нижегородское. Третье имение — Нарвская мыза, не шла ни в какое сравнение с двумя первыми. Потом родитель зачем-то обзавелся и Пулковской мызой.

Центром имения было большое село Новоселово, раскинувшееся вдоль более высокого берега Оки. Село было немаленьким: почти пятьсот дворов и больше двух тысяч жителей. Центром села была площадь на которой стояла большая Петропавловская Церковь. В селе было четыре улицы, все они начинались от площади, две шли вдоль Оки и две перпендикулярно реке.

На южной околице села стояла господская усадьба центром которой был большой трехэтажный столетний дом. Он своим фасадом смотрел на Оку и перед ним был разбит большой парк с двумя спусками к реке. За домом был сад и все хозяйственные постройки.

Всего в имении было почти тридцать тысяч десятин земли и почти сорок тысяч крепостных.

Новоселовское имение было можно сказать почти родным, здесь прошла большая часть детства юного князя Алексея и я быстро как бы узнавал знакомые места и лица дворни и крепостных. Возвращение в родные пенаты было приятно и очень не хотелось, чтобы старый бурмистр Потапыч оказался вором.

Всю дорогу из Питера Матвей и Сергей Иванович проводили для меня ликбез по жизни в Российской империи. У меня, в смысле у князя Алексея до моего попадания, была репутация ботаника, если использовать терминологию 21-ого века: с детства сторонился общества, особенно светского, до тринадцати лет жил в деревне, очень любил читать и сам пошел учиться в университет и в итоге последние три года только и грыз гранит науки. В итоге даже толком не было знакомых в свете, общался преимущественно с беспородными и беспортошными. Мне было совершенно не понятно почему родителю был так безразличен его отпрыск, практически все чему обучали молодых дворян прошло мимо.

Поэтому мои наставники не стали забивать себе голову выяснением чего я там знаю и умею и попытались мне все объяснить сплошняком. Первой скрипкой был Сергей Петрович, а Матвей был так сказать на подхвате. И надо сказать у них получился вполне приличный ликбез по России 19-ого века.

Еще в Питере у меня сложилось интересное впечатление о жизни князей Новосильских. Если отбросить в сторону все лямуры родителей, то я бы сказал, что эта семейка застряла где-то в прошлом веке.

И первые дни, проведенные в Новоселово, подтвердили мой вывод.

За три года, прошедшие после отъезда юного князя на учебу в столицу, в имении ничего не поменялось. Я без труда как бы «вспоминал» имение и легко ориентировался в окрестностях. К сожалению для окружающих, но на самом деле к моей внутренней радости, от того близкого круга, в котором я вращался в детстве, в имении никого не осталось, кроме нашего бурмистра Филиппа Потаповича и конюха Илюхи.

Родители своим вниманием большие имения последние годы не жаловали и в Новоселово были последний раз три года назад, когда увозили меня в столицу. За три года кого-то из дворни взяли в столичные дома, а кто-то просто разбежался и Потапычу пришлось в пожарном порядке укомплектовывать штат прислуги.

Днем 15-ого февраля Сергей Петрович сказал, что он готов доложить мне свои выводы.

Матвея еще не было, он с утра подался в одну из заокских деревень, где нужна была помощь какой-то родильнице. Я его ожидал ближе к ужину и решил охоткинский отчет отложить до вечера.

Мой расчет оправдался, Матвей успел к ужину и после традиционного в имении чая с вареньем, господин Охоткин начал свой доклад.

— Должен сначала, ваша светлость, признать свою ошибку. В этом имении было не в воровстве бурмистра, а в его нерадивости, человек просто не на своем месте. Воровать он не ворует, когда-то был хорош, но сейчас его надо менять, — я слушал и молча кивал головой, моё мнение было таким же.

— Я много видел последнее время больших имений, — продолжал тем временем господин Охоткин, — но такое первый раз. Это застрявшее во времени патриархальное поместье, времен Очакова и покорения Крыма примерно. Не знаю почему, но в вашем имении крестьянам фактически запрещено заниматься промыслами на стороне. Нищеты в деревнях нет, почти везде добротные деревянные дома. Но ваша светлость, вы бы видели шереметьевские деревни, где целые улицы застроены каменными домами и крестьяне выкупаются за многие тысячи. А в вашем имении и желающих выкупиться нет.

На эту волнующую меня тему, я сам уже успел поговорить с мужиками и поразился тому, что ни кому из них воля была не нужна. Конюх Илья прямо сказал:

— А зачем мне, барин, воля? Мне и так неплохо живется. Приставили меня к лошадам, я и доволен, сыт, обут, одет. За меня все решили, мое дело только выполнять. А стану вольным, своим умишком надо будет жить. А зачем мне это, барин? — своё мировоззренческое разглагольствование Илюха закончил теми же словами, что и начал.

Сергей Петрович закончил и ждал моей реакции. Я повернулся к Матвею, он соглашаясь развел руками и прикрыл глаза.

— Это ваши окончательные выводы или...? — на всякий случай уточнил я.

— Только какие-то детали, общей картины они не изменят. Во времена вашего деда здесь многое было, а потом стремительная деградация, особенно последние годы. Сейчас в имении нет даже господской винокурни, была пристань на реке, сейчас всё практически сгнило и развалилось, — дополнил Сергей Петрович.

— И что вы предлагаете?

— Сменить бурмистра и начать хоть что-то делать. Я бы посоветовал вам своего Яна, — Сергей Петрович помолчал и начал перечислять достоинства своего компаньона. — Он много где бывал, видел очень богатые имения. Год назад мы с ним ездили в Англию и там посещали процветающие фермы. Ян очень дотошно обо всем расспрашивал, я даже

подсмеивался над ним, спрашивал, не хочет ли он завести себе имение.

Господин Охоткин умолк и вопросительно посмотрел на меня. Я ничего не ответил, встал и подошел к окну.

— Опять снег и ветер. Вы, господа, любите зиму? Я теперь нет.

— Ты знаешь, Алексей, я с тобой согласен, — поддержал меня Матвей. — Мальцом был — обожал зиму, а сейчас с каждым годом она мне нравится все меньше и меньше.

Сергей Петрович наш разговор не поддержал и продолжал вопросительно смотреть на меня. Я подошел к нему и спросил о маленьком, но важном на мой взгляд качестве.

— Вы естественно поручитесь за него, а кто еще?

— Александр Христофорович, — такой короткий ответ меня удовлетворил и я улыбнулся.

— Вы очень убедительны, Сергей Петрович. Отзывайте Яна из Москвы, дела в имении поважнее.

Ян приехал на следующий день, в Москве он успел найти какого-то своего старого товарища и озадачить его полисками покупателей на мою недвижимость и на мое предложение ответил без раздумий.

— Я согласен, ваша светлость. Когда прикажете приступить?

— Сейчас. И так как теперь ты будешь служить мне запомни две вещи: верность и преданность, шаг вправо-влево считается побег с расстрелом на месте и всегда помни библейскую притчу о трех рабах получивших от господина по пять талантов.

Господин Охоткин очень внимательно посмотрел на меня и дернул себя за мочку левого уха. Я заметил что он всегда, когда удивлен или озадачен, делает этот жест. А Матвей просто изумленно посмотрел на меня, широко открыв глаза.

В произошедшей смене власти был один очень неприятный для меня момент: наш старый добрый бурмистр Филипп Потапович.

Потапыч начал служить еще моему деду и свою должность получил еще до женитьбы родителя. После слов господина Охоткина всплыли воспоминания юного князя как однажды в его присутствии бурмистра наказали плетью за воровство и нерадивость отхожих мужиков. Вот наверное с того момента все и начало сыпаться. А уж когда родитель перестал приезжать в имение, тут деградация просто понеслась галопом.

Анисим и Ян пошли собирать дворню, я решил не откладывать ничего даже на час, до первого апреля надо успеть вернуться в Петербург, а дел не невпроворот. Архип пошел звать Потапыча.

Вероятно старый слуга понял к чему идет дело и когда он зашел по его щекам текли слезы. В памяти тут же всплыли те добрые чувства, которые испытывал в раннем детстве юный князь к старику-бурмистру и я сразу же почувствовал, что тоже готов разрыдаться. Заранее заготовленные фразы куда-то испарились и в итоге получилось какое-то мямленье.

— Потапыч, я тебя не прогоняю. Но тебе уже тяжело, имение большое и дает мало дохода. Ян будет бурмистром, а ты останешься его помощником и будешь делать то, что тебе по силам. В мой кабинет вход тебе всегда будет открыт. Из твоего жилья тебя гнать ни кто не будет, но если захочешь куда-то перейти, то пожалуйста.

Как ни странно, но мои слова успокоили старика. Он вытер слезы и поклонился в пояс.

— Благодарственную, барин. Дозвольте к сестре перейти век доживать.

— Как тебе будет угодно.

Князя Новосильские, как и многие другие дворяне, редко кому из ближнего круга слуг

разрешали заводить семьи. Вот и Потапыч был из таких: в пятьдесят плюс ни жены, ни детей у него не было. Жил он в господском доме, рядом с которым во второй избе обитала большая семья его сестры: она сама и её младшая дочь с тремя детьми. Старшая дочь была горничной у княгини. Чести убыть за границу она не удостоилась и пока вместе с другими была «сослана» на Васильевский.

Потапыч ушел, Ян и Анисим собрали дворню и я коротко сказал, что теперь управлять имением будет Ян Карлович. Называть его велено теперь не бурмистром, а управляющим. Филипп Потапович остается его помощником.

Ян тут же попросил выделить ему кабинет рядом с моим и оперативно оборудовал его и тут же начал работать, несмотря на поздний час.

Утром я велел собрать новоселовских крестьян и представил нового управляющего имения. Ян с Потапычем тут же поехали по деревням, новый управляющий решил все осмотреть лично.

Новосёловские старики спрогнозировали на ближайшие дни хорошую погоду и я на 18-ое февраля запланировал поездку в Дворяниново — родовую усадьбу учёного, агронома, энциклопедиста и просветителя Андрея Тимофеевича Болотова. Усадьба была на противоположном берегу Оки под Серпуховом, до которого по реке было около ста верст. Знающие мужики утверждали, что по Оке до Серпухова идет хорошо накатанный зимник и сразу же после приезда в имение я послал гонца с вопросом, уместен ли будет мой визит.

Положительный ответ был через три дня.

Но поездку пришлось отложить на день, накануне нежданно в Новоселово вернулись два человека близких юному князю до моего попадания, камердинер Петр и родной брат нянюшки Серафим, который в в Новоселово был мельником и возил в Москву на продажу господское зерно.

В памяти мгновенно всплыли очень приятные воспоминания о них, особенно о Петре, самом верном и преданном слуге юного князя. Петр был из Новосёлово и привез своего брата — инвалида домой, передав которого в заботливые руки матери тут же явился пред мои светлые очи.

В Дворяниново я отправился с большой компанией, кроме Матвея и Сергея Петровича я взял с собой Яна, Архипа, Серафима и пятерых крепких мужиков выбранных новым управляющим.

Самым интересным и колоритным из них был Василий Иванович Осокин, заокский дробненький мужичок, но очень крепкий с большими натруженными руками. У него единственного в округе был каменный дом. Жил он на хуторе на самом края имения.

Ветер и мужики из прибрежных деревень сделали зимнюю дорогу по замерзшей Оке почти идеальной, ехать по ней было одно удовольствие и сто верст мы пролетели за пять часов. Затем еще верст пятнадцать по Тульской дороге и затем по какой-то местной дороге через небольшую деревню Русятино до Дворяниново. К моему удивлению нас ждали.

В прошлой жизни мне дважды пришлось побывать в Дворяниново — музее-усадьбе Болотова. И оказавшись сейчас в имении Андрея Тимофеевича, я был поражен насколько точно удалось её воссоздать, даже сожжённый болотовский дом. Всё здесь мне было знакомо.

Несмотря на поздний час, нас ждал обильный ужин изюминкой которого были блюда из картофеля и соленья с помидорами. Из письма хозяин знал о цели моего приезда и за стол усадил и моих крестьян.

Сергей Петрович и Ян картофель пробовали, а вот все остальные видели его в первый раз. Но как могут не понравится жареный на сливочном масле картофель и искусно приготовленные соленые и маринованные помидоры! Все были в восторге от угощения.

Несмотря на преклонные годы, а Болотову шел как никак восемьдесят восьмой год, Андрей Тимофеевич начал с юношеским задором увлеченно рассказывать о картофеле и помидорах и незаметно мы засиделись до глубокой ночи.

Накануне поездки я долго стоял перед зеркалом из которого на меня смотрел явно не шестнадцатилетний юноша. За месяц с небольшим, после попадания и «выныривания» из небытия, со мной произошли огромные внешние перемены: я просто сильно повзрослел и теперь выглядел даже не юношей, а молодым мужчиной, которому явно за двадцать. Юношеский пушок на щеках сменился жесткой взрослой растительностью, которую надо было брить ежедневно, на лбу наметилась первая складка и в глазах появилось знакомое жесткое выражение.

Вглядевшись в свое отражение я невольно ахнул, в лице юного князя явственно проступали черты другого человека, мои образца будущих веков. Это меня не расстроило и не порадовало, а всего лишь позабавило. А вот то, что я внешне так повзрослел мне очень сильно понравилось. Все-таки как не крути к шестнадцатилетнему безусому юноше отношение по-любому еще как к ребенку. Правда мелькнула тревожная мысль, а не произойдет ли моё стремительное старение до моих тех, двадцать первого века лет?

И тут же в голове прозвучало насмешливо:

«Не переживай, князь, жить ты будешь долго, а счастье от тебя зависит».

Голос я узнал сразу, не испугался и не удивился. Спасибо, как говорится и на этом.

Мне совершенно не спалось, визит к Болотову был на мой взгляд судьбоносным, я очень из-за этого волновался и поднялся с постели очень рано.

К моему удивлению Андрей Тимофеевич оказался еще более ранней пташкой и до завтрака я подробно рассказал ему о своих проблемах и ожиданиях от визита.

После завтрака Болотов продолжил начатую вчера лекцию, сопровождая её, насколько это было возможно в зимних условиях, показом в своем саду и огороде и парке.

Вторую ночь в гостях мне опять не спалось, я был потрясен услышанной лекцией. Не меньше меня поразила выдержка и самообладание хозяина: муж младшей дочери Екатерины был декабристом и был под арестом. Поэтому дома не было жены Болотова. Она, несмотря на преклонные годы, уехала к дочери за день до нашего визита вместе с сыном Павлом. Сам Андрей Тимофеевич об этом не обмолвился ни единым словом, просто ночью я явственно вспомнил рассказ экскурсовода во время посещения музея — усадьбы.

После завтрака мы отправились домой. Андрей Тимофеевич дал мне сотню клубней картофеля и семена томатов.

Перед самым отъездом я решил поговорить с Болотовым на эту щепетильную тему.

— Андрей Тимофеевич, ради бога, не сочтите за наглость и бестактность мой вопрос. Подпоручик Александр Семёнович Пестов, арестованный по делу 14-ого декабря ваш зять? — Болотова мой вопрос не удивил и мне даже показалось что ждал его. Вероятно ему было известно участие моего родителя в этом деле. Ответил он быстро и односложно.

— Да.

— Когда я вернусь в Петербург, то попробую поговорить с генералом Бенкендорфом. Он проявил участие в нашем горе.

Андрей Тимофеевич буквально пронзил меня взором и дрогнувшим голосом сказал:

— До свидания, князь. Если будет возможность, приезжайте летом. И присылайте ко мне кого-нибудь на обучение.

Что бы гарантированно сохранить драгоценные клубни я приказал их раздать всем и

спрятать под одежду. Себе я тоже взял десяток семенных картофелен.

Через несколько часов погода начала портиться, поднялся ветер, чистое с утра небо затянули тучи, потом резко потеплело и пошел сильный мокрый снег. Но мы успели к тому времени достичь небольшой деревни Озерки, от которой была дорога до нашего имения и вскоре были уже в Новосёлово.

И как во-время мы это сделали! Буквально через пару минут после того, как мы зашли в тепло дома, повалил страшный снежина, поднялся сильный ветер, да такой, что задрожали стекла и началась непредсказуемая февральская метель.

Снег валил почти сутки, когда он закончился всё оказалось завалено снегом, ни пройти не проехать. Некоторые избы оказались завалены так, что проблема была выйти. Случившееся ненастье больше всех расстроило Осокина, ему надо было домой, а сделать это было ну ни как.

Такого количества снега в Европейской России я не видел и расчистка имения от снега длилась целую неделю, до самой Масленицы. Вся сытная и весёлая неделя перед Великим постом прошла в трудах.

Всеми работами руководил Ян и я порадовался за себя, что последовал совету Сергея Петровича: новый управляющий оказался блестящим организатором и неутомимым тружеником. Он тоже чистил снег и казалось не знал усталости.

Я трудился вместе со всеми. Моя бригада из четырех человек: Осокин, Архип, Петр и я расчищала спуск к переправе через Оку. Пару лет назад здесь была еще пристань местного значения, но должного ухода за ней не было, причалы подгнили и остался только паром.

Натянутый поперек реки трос зимой и весной опускали ниже, чтобы человек переходящий реку по льду мог ухватиться за него, если проваливался под лед. Редкий год обходился, что бы весной кто-нибудь не оказывался в ледяной воде. Четверо паромщиков круглый год и днем и ночью строго бдили службу и несчастных случаев на переправе не было уже несколько десятков лет.

Такую переправу устроили почти пятьдесят лет назад и строго за ней следили. Несколько раз за день я вспоминал стационарного смотрителя и его механизму и твердо решил при первой же возможности довести его изобретение до ума.

Пока мы расчищали спуск к реке, паромщики чистили дорогу через Оку. Через несколько часов работы я в подзорную трубу увидел как несколько человек пробиваются к реке с другого берега. Осокин попросил разрешения то же посмотреть в трубу и возвращая её с гордостью сказал:

— Это мои сыновья с зятьями, барин, — у него уже было четверо взрослых детей, две дочери и два сына.

Расчистка снега закончилась первого марта, а на следующий день мы устремились в нижегородское имение, приближалась весна да и времени было в обрез, первого апреля Матвей должен быть на службе.

Нижегородское имение было расположено в самом южном и дальнем уезде губернии — Лукояновском, в северной части треугольника образованного тремя дорогами соединяющими уездные городки Лукоянов, Починки и село Печи.

На тринадцатой версте от Лукоянова дорога, ведущая в Починки, пересекала какой-то безвестный ручей, там надо повернуть вправо и через пару верст по проселочной дороге выезжаешь к нашей усадьбе.

В поволжских губерниях было несколько имений князей Новосильских. После

женитьбы родителей дед предложил им продать все имения кроме Новоселово, Нарвской мызы и небольшого имения в Лукояновском уезде. На вырученные деньги были скуплены все земли вокруг этого имения. Новое большое имение тоже стало принадлежать пополам родителям. С этих же денег были куплены дома в Лукоянове, Нижнем Новгороде и еще по одному в Питере Москве. Думаю, что дед это сделал из расчета двух наследников.

Вся эта покупочная эпопея была завершена как раз к двенадцатому году, когда уже на свет божий появились двое наследников, княжна Анна и князь Алексей. После вторых родов княгиня заявила, что больше детей у неё не будет. Но через пять лет, уже после смерти старого князя, появилась еще и Маша.

В истоке реки Арзинка была построена плотина и образовался достаточно большой пруд, скрывший исток речки. На восточном берегу пруда были построена господская усадьба и село вокруг неё. Крестьян дед не продавал, а выводил в создаваемое новое имение, Новосёлово и на Нарвскую мызу, а вот покупал и землю и крестьян. В итоге земли сталс поменьше, а вот крестьян намного больше.

Село и новое имение назвали Арзиново, в итоге в нем оказалось почти шесть тысяч жителей. Была построена деревянная церковь и заложена большая каменная, но это оказался долгострой. К моему приезду она всё еще была недостроена.

В нижегородском имении князя бывали редко и наездами, поэтому господский дом был внешне простым деревянным бараком и хорошим крытым крыльцом и несколькими балконами на втором этаже.

Почти за пятнадцать лет пруд с окрестностями и село можно сказать устаканились. Крестьяне обжились на новом месте, была построена господская усадьба. Пруд с окрестностями стал живописнейшим местом и украшением имения. К большому удивлению деда южнее оказалась еще одна река Арзинка и он, не мудрствуя лукаво, велe вторую речку называть Орзинкой.

Сергей Петрович простудился в поездке по Оке и в снегоуборочной эпопее не участвовал. С собой я распорядился захватить много документов и он еще раз проанализировал всё касающееся Арзинова.

Вывод повторного анализа был крайне неутешительный, воруют и воруют с размахом. Первые лет десять в новом имении все обустривалось, затем вроде бы началось неплохое развитие, даже появились первые успешные «капиталистские крестьяне», а мануфактурах речь пока не шла, несколько семей начали успешно торговать, появились в частности два трактира, в Лукоянове и Починках.

Но года два назад всё остановилось и даже начался регресс. Разговоры про мануфактуры заглохли, купцы-крестьяне стали терпеть большие убытки, а трактиры того и гляди закроются.

Дорога от Новосёлова до Арзинова заняла пять суток, летом возможно мы бы проехали быстрее, но сейчас и это было очень быстро. В Муроме мы сделали небольшую остановку и господин Охоткин доложил свои выводы.

— Должен вас разочаровать, Алексей Андреевич, в Арзиново точно воруют, последние три года без всякого сомнения.

За последние наши отношения немного изменились, думаю причиной этого была моя внешняя трансформация, но Сергей Петрович стал по мне обращаться чаще всего по имени-отчеству и отношение его стало каким-то более уважительным и серьёзным.

Да и сам он сильно изменился, глаза перестали быть злыми и колючими, в них

появилась доброта и теплота и как итог с господином Охоткиным стало даже приятно общаться.

В Лукоянове мы были поздним вечером и решили остановиться в трактире, который держал арзиновский мужик.

Трактир стоял на южной окраине города. На втором этаже достаточно большого здания были оборудованы номера в которых могли останавливаться проезжающие.

Здание было не старым, но обшарпанным. Было видно, что тут начался ремонт, но он почему-то застопорился. Постояльцев в трактире не было, а поздних посетителей хозяин сразу разогнал, когда понял кто такие его запоздалые гости.

Можно было остановиться на ночь и в лукояновском доме, но было совершенно не понятно что с ним и я остановил свой выбор на трактире.

Номера оказались вполне приличные, всё пусть не новое, но чистое и свежее. Сергею Петровичу не здоровалось от самого Мурома, где нам из-за этого пришлось даже задержаться, и он попросил разрешения сразу удалиться на отдых. А мы с Матвеем в своё удовольствие неспешно поужинали.

Кухня в трактире оказалась великолепной, на ум приходило только одно, пальчики оближешь.

Трактир держал мужик лет тридцати, высокий под два метра ростом с черными как смоль волосами и такой же черной, как лопатой бородой. Мне он кого-то неуловимо напоминал.

Мужика звали Савелий. Он старался улыбаться своему барину, по получалось у него это не очень. Невооруженным глазам было видно, что он в плохом расположении духа. Правда когда мы похвалили его кухню он расплылся в довольной улыбке. Матвей в этот момент очень внимательно посмотрел на него и наклонился ко мне.

— Могу биться об заклад, это брат Анисьи, — я ничего не ответил, но внимательно еще раз посмотрел на трактирщика.

— Что ты, Савелий, такой не веселый? С такой кухней ты процветать должен, а у тебя дела идут я смотрю не очень.

— Да как же, барин, они еще должны идти, когда тебя душат на корню? — с болью в голосе ответил Савелий. — У меня не только кухня хорошая, вино, — он показал на стоящий на столе графин, — разве плохое? Постояльцы не часто бывают, но еще не один не пожаловался. Да только барин, что проку от этого, концы с концами еле свожу.

— А в чем дело поведай, я все таки твой барин да и трактир по большому счету то же мой, — последнее, что сказал Сергей Петрович уходя почивать, было то, что трактир принадлежит мне.

— Не знал, ваша светлость, бурмистр Фрол другое говорил.

— Вот что, дружок, присаживайся и давай-ка мне всё рассказывай. Только сначала ответь на вопрос: кем ты доводишься Анисье и дочери её Татьяне?

Савелий ухмыльнулся и прищурившись ответил:

— Родной брат и дядя соответственно. Мы знаем, ваша светлость, что вы Таню родной сестрой признали и вольную дали ей и Анисьи.

— О как, — удивился я. Секрета из этого я делать не приказывал, но всё равно удивительно, что эта весть уже достигла этих краев. — И кто же вам эту весть принес?

— Сорока на хвосте принесла, ваша светлость, — Савелий хитро заулыбался.

— Хорошо, а теперь рассказывай.

Сергей Петрович оказался прав. Последний раз родитель был здесь три года назад. И через некоторое время после его отъезда все в имении переменилось. Пару раз из Питера приезжал управляющий князя, он о чем-то долго разговаривал с бурмистром Фролом.

И Фрол потихоньку переменился. Ссылаясь на князя, начал драть три шкуры с крепостных, чуть что распускать руки. «Капиталистым крестьянам» приходилось хуже всех, их он начал обдирать как липку. Семью Анисьи бурмистр поначалу не трогал, вероятно побаивался. Но когда Таню забрали в Питер, то как цепи сорвался и стал требовать с Савелия так, что хоть бросай дело.

Когда Савелий сказал об этом, бурмистр пригрозил выпороть его. А последнее время он еще и бабам молодым с девками прохода не дает.

Картина, крупными мазками нарисованная Савелием, была прямо скажем безрадостная. Рассказ он закончил совершенно неожиданно.

— Вы как приехали, я сразу полового к отцу послал. Думаю скоро батя с братьями тут будут.

— А в ночь не боишься человека посылать, да еще зимой? — засомневался я.

— Не, барин, он с любую погоду, и днем и ночью дорогу найдет.

За хорошим ужином и неспешной беседой незаметно прошло часа три. Мне стало интересно кто у Савелия шеф-повар и где он проходил кулинарные и кондитерские университеты.

Оказалось, что на кухне в трактире всем заправляет его жена, а секрет её мастерства был предельно прост. Марфа, так звали супругу Савелия, была грамотной и сначала отец, а потом свекор купили её с десятком кулинарных книг, которых оказывается в России к тому времени было уже издано не мало.

Вообще представления человека 21-ого века о нищей, дикой и отсталой России 19-ого века немного, мягко говоря, не соответствовали истине. Чего стоил например устоявшийся взгляд на генерала Бенкендорфа. Я в реальности увидел немного другое. А количество мелких и средних мануфактур и фабрик увиденных мною по дороге явно не вписывалось в представление о вековой отсталости России. Конечно это были не гиганты индустрии и не было предприятий тяжелой промышленности, но легкая и тем более пищевая были ого-го.

А полным разрывом шаблонов было то, что очень многие из них принадлежали крепостным, а то, что они имея возможность и капиталы, не стремились выкупаться на волю просто взорвало мне мозг.

О декабристах я и в 21-ом веке был, скажем так неоднозначного и больше негативного мнения, а близкое знакомство с ними его явно не улучшило.

Утверждать же, что в России всё было хорошо, было еще большей глупостью. Крепостное право в любом случае позор. А торговля людьми, крепостные гаремы или безнаказанные зверства отдельных помещиков? А бесславная Крымская война через тридцать лет? Что бы за три десятилетия громадная империя рухнула в бездну дикости и отсталости надо очень и очень стараться.

Савелию наше общение явно улучшило настроение, он по моей просьбе познакомил нас с женой. Я ожидал увидеть пышущую здоровьем краснощекую русскую красавицу. А перед нами предстала довольно худенькая, невысокая блондинка с размерами близкими к 90-60-90 с красиво уложенной длинной косой. Мне в голову сразу пришла мысль, что если ей сделать соответствующую прическу и одеть как положено, то вполне можно и на подиум какого-нибудь модного дома.

А когда Савелий с женой мне по полочкам разложили весь свой бизнес и Марфа с цифрами в руках показала, как их в буквальном смысле слова грабит бурмистр Фрол, моему возмущению не было предела. Особенно меня впечатлило что князя Новосильские весь 1825-ый год с трактира имели всего по рублю ассигнациями в месяц, а бурмистр не меньше десяти, причем серебром.

Бизнес-класс который продолжался уже за полночь был прерван конским ржанием за окном. Савелий остановился на полуслове и с радостью в голосе сказал:

— Батюшка мой с братьями прибыли.

Савелий был точной копией своего отца, только молодой да седины в волосах не было. Прибывшие степенно поклонились.

— Я, барин, Иван Саватеев Лаптев, отец Анисьи и Савелия. А это мои сыновья, — Иван, сын Саватеев показал на троицу стоящую у него за спиной. Все они были копиями своего отца. Только у двоих бороды были пожиже, а третий был еще юн и даже безусный.

Иван тем временем продолжил.

— Ты, барин, прости нашу дерзость, только дело не терпит. Бурмистр черное дело замыслил, по дороге напасть на тебя и убить.

От такого оборота я даже потерял дар речи.

— Вы когда в Муроме задержались из-за болезни твоего приказчика, человек Фрола все разузнал и перед вами в Арзиново помчался, — меня как током ударило. Я вспомнил как под Муромом в трактире, где мы задержались на полдня из-за болезни Сергея Петровича, вокруг нас вертелся какой-то мужичонка. У него постоянно дергался справа уголок рта.

— Дерганый такой. У него рот постоянно, — я пальцем изобразил дергающееся движение.

— Именно так, барин. Звать его Карпом, он еще днем в имение прискакал. Семка, — Иван показал на младшего, — подслушал его разговор с Фролом.

Иван толкнул вперед младшего о ткнул его в спину, говори, мол. Семен как красна девка зарумянился, откашлялся и неожиданно забасил.

— Карп говорит, нам или в бега сразу подаваться, или барину сначала голову открутить, а потом бежать. Фрол спрашивает, а ты как думаешь? Карп ему в ответ. Сначала голову открутить, пока разбираться будут, глядишь и утечь сможем. Фрол его спрашивает, и куда бежать будем? Карп ему отвечает, знамо куда, за границу. А Фрол так нехорошо засмеялся и говорит, как дружок наш. Карп ему о ответ, дурак он, умных людей надо слушать. Фрол ничего не ответил, походил туда-сюда и говорит, собери мол людей. Раньше завтрашнего утра они не поедут. Устроим засаду у старой ракиты.

Семен замолчал и обернулся к отцу. Тот кивнул ему. Я несколько минут молчал переваривая услышанное.

— Что это за старая ракита?

— Низинка такая, уже на нашей дороге, с полверсты от поворота. Место такое тихое, глухое. Очень для засады сподручное.

— И людей сколько у этого негодяя? — вступил в разговор безмолвствующий до сей поры Матвей. Иван быстро повернулся к нему.

— Человек пять всего их будет, не больше. На такое дело решаться пойти людей раз-два и обчелся.

— Алексей Андреевич, — слегка запнувшись на отчестве, обратился Матвей. — Давай ложись отдыхать, ты я вижу, на ногах уже еле стоишь. А я поговорю еще раз, — он кивнул на Ивана с сыновьями. — И решим, как раз к утру.

Матвей зло прищурился, он был не просто лекарем, а армейским и не раз брал в руки оружие.

Я кивнул головой, молча соглашаясь, перенесенная болезнь еще иногда сказывалась и сейчас я действительно чувствовал себя очень уставшим.

Иван показал своим, все на выход и обратился к Матвею, сразу признав его в данной ситуации за старшего.

— Дозволь, ваше благородие, с барином еще парой слов секретно перекинуться?

Когда мы остались одни, Иван достал из кармана пакет запечатанный княжеской печатью.

— Князь Андрей Алексеевич велел мне его передать когда Танечку в Петербург забирали. Что там я не знаю.

Гадать я не стал и без промедления вскрыл пакет. В нем был лист с коротким текстом.

— Анисья Ивановна Лаптева, крепостная девка князей Новосильских, родила дочь Татьяну от меня светлейшего князя Андрея Алексеевича Новосильского, — вслух прочитал я. Дата стояла первое сентября 1825-ого года и подпись. Почерк и подпись родителя я знал, поэтому в подлинности написанного на засомневался.

— Татьяне и её матери я вольную дал. Ты, Иван, твоя жена и вся твоя семья тоже получите вольную. Когда вернусь в Петербург подам прошение Государю, что бы девочку официально признали дочерью светлейшего князя Андрея Алексеевича.

Я вложил бумагу обратно в конверт и спрятал в карман.

— А теперь ступай, Иван Саватеевич, мне действительно надо отдохнуть.

Шесть часов сна вернули мне силы и бодрость. Когда я проснулся. Все уже были на ногах и ждали моего пробуждения. Сергей Петрович то же был в их числе, он хорошо выспался и похоже чувствовал себя хорошо, по крайней внешне был добр и здоров.

Матвей изложил мне свой план. Мы как ни в чем не бывало едем в имение. Нас шестеро, он, Сергей Петрович, я, Архип, Петр и Анисим. Все мы вооружены пистолетами саблями, а Матвей и Анисим еще и ружьями. Иван Саватеевич едет и сыновьями сзади, они огнестрельного оружия не имеют, только ножи и топоры. Половой Тихон незаметно подбирается с предполагаемому месту засады и условным сигналом сообщает нам. На этом месте Сергей Петрович перебил Матвея.

— А дальше план Матвея Ивановича полнейшая глупость. Цель бандитов убить князя. Как я понял, в том месте незаметно, так что бы подпустить цель на расстояние верного выстрела, могут спрятаться от силы два человека. Значит будет всего два первых неожиданных выстрела. Они будут предназначены князю Алексею Андреевичу, — Сергей Петрович извиняясь за свои слова, развел слегка руки. — Расчет негодяев я думаю простой, если они убивают князя, остальные в растерянности не смогут оказать им сопротивление и обратятся в бегство.

Рассуждения Сергея Петровича были логичными и никаких возражений не вызвали.

— Поэтому Матвей Иванович предлагает, что вы, ваша светлость, меняетесь с ним платьем и со стороны князем будет выглядеть он. Когда бандиты выстрелят, остальные, не мешкая, нападают на них. А уж как у него сложится, неизвестно. Я с этим предложением не согласен.

— Я то же, — поддержал я Сергея Петровича. Воодушевленный моей поддержкой, он продолжил.

— Во-первых, Алексею Андреевичу мундир несколько великоват, да и выправка не та. Во-вторых, рисковать жизнью Матвея Ивановича то же не вариант, в-третьих, если рисковать, то моей персоной, потому что мы примерно одних габаритов и у меня есть шанс остаться в живых в случае удачных выстрелов этих негодяев. Целиться они будут в грудь, — с этими словами Сергей Петрович распахнул свой сюртук и продемонстрировал одетую под

него кирасу. Аргумент был железнейший и возражений не вызвал.

Как бы мне это не было неприятно, Сергей Петрович оказался абсолютно прав. Когда мы переоделись, оказалось, что уже метров с десяти совершенно не возможно определить кто есть кто. Поэтому мы поехали в том порядке как мы ехали от Мурома. Впереди верхом Анисим, следом «я», то есть Сергей Петрович, с Петром, затем в карете больной «Сергей Петрович» с лекарем и Архип в роли кучера.

Мы решили ехать одной каретой и до Мурома в карете ехали господа и один из наших камердинеров. Другой был кучером, а третий ехал на запятках. Болезнь Сергея Ивановича заставила нас ехать по-другому. Я решил, что в карете два места, для больного и господина лекаря, а я буду ехать верхом. Идея нанять вторую карету была мною отвергнута.

В том, что наш план сработает у меня были большие сомнения и я только из ложного чувства показной храбрости не отменил нашу глупую затею. Но к моему изумлению, наша уловка сработала.

Через два мы подъезжали к месту предполагаемой засады. Половой Тихон оказался действительно супер следопытом и незаметно подобрался к засаде негодяев. Криком какой-то птицы он сообщил что бандитов четверо, их диспозиция именно такая как мы и предполагали, вот только ружей у них оказалось не два, а четыре.

Всё это мне сообщил наклонившийся в окно кареты Архип. Он хорошо разбирался в птичьих языках и прочитал сообщение полового. Иван Саватеевич тоже услышал Тихона и известил об этом Архипа.

Матвей вопросительно посмотрел на меня, все таки четыре выстрела, это не два. Вполне возможно, что бандиты сумеют кого-нибудь подстрелить. Но Архип неожиданно что-то пропел на птичьем языке, остановил карету и соскочил на землю. Подбежав к Петру, он что-то ему сказал и тут же вернулся к нам.

— Не сомневайтесь, ваша светлость, всё получится по-нашему.

Описание места засады, данное Иваном Саватеевичем и компанией было очень точное и я метров с пятидесяти понял, где ждать нападение. И всё пошло по нашему плану, а не по бандитскому.

Два выстрела они сделать смогли, но более-менее прицельным был только один. Правда пуля попала в Сергея Петровича и кираса действительно защитила его. А вот второй выстрел был в молоко, еще два выстрела бандиты сделать просто не смогли. Лежа в засаде могли стрелять только двое, другим двоим надо для стрельбы подняться. Но сделать это у них не получилось.

Первоклассным стрелком оказался Анисим. Он сумел выстрелить раньше поднимающегося бандита и сразил его наповал. Но главным действующим лицом оказался половой Тихон. У него оказался еще один талант, навык быстро, точно и далеко метать ножи. Благодаря ему второй выстрел был в молоко. Он не мог попасть в лежащего стрелка, но воткнувшийся в дерево над самой головой нож оказал деморализующее действие и рука стреляющего дрогнула.

А вторым броском Тихон ранил в руку четвертого поднимающегося стрелка. Обезоружить и схватить потрясенных происшедшим негодяев труда не составило.

Когда всё было кончено, ко мне подъехал Сергей Петрович. Пуля не пробил кирасу, но ушиб был похоже не шуточный и было видно как ему больно.

— Ваша светлость, я надеюсь вы не будете передавать властям этих подлых воров, поднявших руку на своего господина? — по его интонации я понял, что слово вор он

употребил в его старорусском значении — преступник. — И накажите их своей властью?

Я промолчал и он расценил это правильно, молчание знак согласия.

— Тогда разрешите мне сразу же провести следствие. А вы не спеша езжайте дальше.

Я опять промолчал и Сергей Петрович сделав знак рукой Архипу и подъехавшим Ивану Саватеевичу и Савелию пошел, слегка прихрамывая, к лежащим на снегу около ракиты связанным пленникам.

Следствие с ним остались проводить Архип и Иван Саватеевич с Савелеем. Остальные не спеша тронулись дальше. Тихон пошел за спрятанными недалеко санями.

На подъезде к Арзиново «следователи» догнали нас. Я поймал немного испуганный взгляд Савелия, когда он по приказу Сергея Петровича остановил сани.

— Воры, ваша светлость, испытали чувства глубочайшего раскаяния в содеянном и облегчили свои души, честно ответив на мои вопросы, — помолчав, он показал на сани, где из под рагожки торчали три пары ног. — Двое из них правда от глубины своего раскаяния, отошли в мир иной, присоединившись к своему, — еще одна пауза для подбора слова, — товарищу.

Я не сомневался, что эти двое бурмистр и его подручный Карп, но для верности решил уточнить.

— Фрол и Карп?

— Настоящих преступников по сути было трое, еще троих Фрол запугал и заставил участвовать в своих темных делишках. Двое из них похоже от Фрола просто убежали, когда он решил привлечь их к нападению на вас, а этот, — Сергей Петрович показал на жалкую фигуру, примостившуюся сзади на санях, связанную несмотря на раненую руку, — все равно пошел.

— Идите в карету, Сергей Петрович, вам нужна помощь, я вам благодарен за верную службу.

Сергей Петрович вымученно улыбнулся и попытался изобразить легкий поклон, но силы его оставили и он начал оседать на снег. Подскочившие Петр и Анисим подхватили и отнесли в карету.

Я написал письмо о случившемся лукояновскому капитану-исправнику и отправил с ним Савелия и Тихона. Это сказки про белого бычка, что помещики могли убивать своих крепостных безнаказанно. Убийство везде, во все времена было преступлением и Российская Империя не была исключением. По любому должно быть проведено расследование.

Обстоятельства дела я изложил так. Вор-бурмистр решил убить своего господина. Об этом узнали верные люди и предупредили меня. Поэтому мы ехали с опаской настороже. Но бандиты успели сделать два выстрела и ранили дворянина, моего служащего. Мои люди то же стали стрелять и убили одного из нападавших на месте, двух других когда они убегали. Про четвертого раненого бандита я писать не стал.

Вскоре мы были в Арзиново. Поскакавшие вперед младшие Лаптевы к моему приезду собрали всё взрослых села на площади перед строящимся храмом. Двух подручных Фрола, уклонившихся от нападения повязали и поставили на колени впереди толпы крестьян.

В подвале господского дома бурмистр устроил маленькую тюрьму. Туда он сажал на правож строптивых крестьян. К моему появлению там томилось семеро мужиков. О темнице рассказал пленный бандит и я приказал братьям освободить их, не дожидаясь моего приезда.

На подъезде к селу я спросил Ивана Саватеевича:

— Человек ты теперь вольный, пойдешь ко мне управляющим?

Иван остановил лошадь, два раза огладил свою бороду, снял шапку и степенно перекрестился.

— От чего же не пойти? Пойду. Мы тебе, барин, со всех наших предприятий будем по гроб десятину платить и жалования мне без надобности. А за имение не переживай, наведу порядок и денежки рекой потекут.

— Мужиков не притесняй и не препятствуй ежели кто свое дело желает завести.

— А платежи с этого в твою пользу какие прикажешь брать? — я засмеялся, надо же Иван сразу задал вопрос по делу.

— Да ты, только что сам его установил, десятина и не копейки больше.

Известия о смене власти крепостные восприняли с одобрением. Вникать с подробности беспредела творимого Фролом я не стал. У меня была твердая уверенность, что новый управляющий это то, что надо.

Положение дел в имении Иван знал и без раскачки принялся за работу. Я дал ему десяток привезенных клубней картошки на развод, предварительно угостив его жареной и пюре.

Иван внимательно выслушал мои ценные указания по выращиванию, аккуратно убрал клубни и после короткого раздумья сказал:

— Я их, барин, никому давать не буду. Сам для начала займусь.

В Арзиново мы пробыли три дня и до нашего отъезда Иван объехал всё имение и везде вступил в свои права. Конечно это надо было сделать и мне, но мое состояние духа желало лучшего. Мне пришлось выступить в роли судьи и лишить других людей жизни. Я конечно не сам это сделал, но решающее слово было за мной. И если бы не самочувствие Сергея Петровича, мы бы покинули Арзиново на следующий день.

На кирасе пуля оставила вмятину, а синяк на груди был впечатляющий. В помощь Матвея новый управляющий сразу же прислал местных специалистов-знахарей, двух мужиков преклонных лет и одну древнюю старуху с клюкой, ну вылитую бабу Ягу, только очень чистенькую и аккуратную. Она принесла какую-то настойку, которая сразу же сняла боль, синяк на глазах стал рассасываться и Сергей Петрович резко пошел на поправку.

Бабу Ягу местного разлива звали теткой Анфисой, другого обращения она не признавала. Матвей ей чем-то очень приглянулся и она дала ему рецепт своего эликсира. Но предупредила, что травы надо собирать только в одном месте, на каких-то полянах в устье Арзинки, где она впадает в реку Алатырь. В качестве награды она попросила запретить там пасти скот и косить траву.

У Карпа и убитого подручного Фрола детей не было, а Карп даже и женой не обзавелся. Фрол был вдовцом, а единственную дочь после смерти матери выкупил и увез в Сибирь какой-то купец. Мне это было очень удивительно. Насколько такое было не характерно для нынешнего века.

А вот трое других подручных Фрола были в этом отношении нормальными мужиками, как положено жены и дети. Сор из избы я решил пока не выносить и властям о случившемся сообщать не стал, поэтому их решено было пока отселить на хутор рядом с одной из дальних деревень имения, в местную глушь.

В первый же вечер нашего появления я нанес визит настоятелю нашей церкви отцу Василию. Мне хотелось узнать почему он молчал, видя беспредел бурмистра. Но увидев не мощного больного старика, я передумал и поступил по-другому.

Побеседовав минут пять о погоде и природе, я сказал:

— Вам, отец Василий пора уходить на покой, подавайте, пожалуйста прошение и я вам назначу достойную пенсию.

11-ого марта мы покинули имение и отправились в Петербург. Отпуск Матвея заканчивался и пора было возвращаться, да и впереди были как минимум две переправы, по которым во время ледохода полностью прерывалось движение, через Оку в Муроме и в Твери через Волгу. Мы двумя каретами, Сергей Петрович, несмотря на суперлечение местной бабы Яги, тетки Анфисы, чувствовал себя не совсем здоровым. До Муромы решено было обойтись своими лошадьми, Иван загодя выслал вперед сменных лошадей.

В Лукоянове первым делом мне надо было нанести визит уездному капитану-исправнику. Как я и предполагал, он удовлетворился моим объяснением и допросом Савелия и Тихона. Они естественно показали так, как было мною и с чистой совестью закрыл это дело, радостно известив меня об этом.

Мне осталось только пообщаться с благочинным, я решил не пускать на самотек смену настоятеля в арзиновском храме. Естественно вопрос решился почти мгновенно, как только я завел разговор об этом, то мне сразу же пообещали решить его в самое ближайшее время.

Но стоило мне сказать, что от этого будут зависеть темпы строительства нового храма, то как из под земли появился новый настоятель нашего храма — отец Сергей, иеромонах одного из нижегородских монастырей, получивший благословение отца-настоятеля служить в каком-нибудь отдаленном храме губернии. Ему было предоставлено право выбора прихода и он как раз за этим приехал в Лукоянов.

В наш дом в Лукоянове я даже не стал заходить. Несколько лет он стоял пустым и необитаемым. Двое мужиков, истопник и сторож присматривали за ним. Ивану Саватеевичу было велено продать его как можно быстрее.

Проведя ночь в уже знакомом и гостеприимном трактире, ранним утром 12-ого мы выехали на Муромскую дорогу.

Больше всего меня тревожили переправы через реки. Если Матвей опоздает из отпуска, то у него будут большие проблемы, в нынешнем веке с этим очень строго, особенно у простых беспородных офицеров. Поэтому когда мы достигли Коломны, господин лекарь отправился напрямик в Москву, а мы в Новосёлово.

За две недели нашего отсутствия имение преобразилось. Если в наш первый приезд это было настоящее сонное царство, то теперь это был растревоженный муравейник. Жизнь в имении кипела и бурлила.

На берегу Оки стучали топоры и визжали пилы, а паромщики как ужаленные бегали по берегам, Бригада плотников ремонтировала пристань, а вот что делали бегающие господа-товарищи я понять не смог.

Ян решил не откладывать хорошее дело в долгий ящик и начать три больших дела: введение четырехполя, возделывание картофеля и сахарной свеклы. За две недели он сделал совершенно невозможную на мой взгляд вещь: выписал и получил из Москвы кучу сельхозлитературы, изучил её и начал творчески применять. Под свои эксперименты мой управляющий запланировал пятую часть господской земли.

Для меня Ян составил целый список необходимого и на первом месте там были английские сельхозорудия: сеялки и молотилки.

Но самым грандиозным его замыслом была настоящая революция в оплате труда в имении.

Ян предложил всех поголовно перевести на оброк. Но тогда получалось, что не кому будет работать на господской земле. Что бы избежать этого он решил привлекать наемных работников и платить им деньги за конкретно сделанную работу.

Идея у него была как говорить сырая, но для меня это было очень важным. Я теперь, как бы осмысливая его предложение, выскажу кучу замечаний.

— И как ты, батенька, собираешься это делать? — изобразив некоторую задумчивость, спросил я.

— За каждую работу назначить определенную цену, сделал — получил, — я тут же оценил это предложение и пошел дальше.

— Хорошо, но у тебя два работника, один из них делает работу за час, другой за два. Как тут быть? — решил я подтолкнуть Яна к идеи установления нормы выработки.

Он тут же не задумываясь, выдал ответ.

— Надо будет установить не только объем работы, но и время её выполнения, — почти горячо, господин управляющий похоже основательно продумал этот вопрос. Собственно это не удивительно, велосипед тут изобретать нечего. В той же Англии уже есть система оплаты наемного труда, когда хороший труд поощряется звонкой монетой.

— Надо будет установить время, которое работник обязан отработать за неделю. — продолжил Ян излагать свою идею. — И обязательно ввести штрафы за нерадивость. Только вот не знаю как это назвать, слово жалование тут не подходит.

— Давай назовем это зарплатой, — предложил я.

Вскоре к нам присоединился Сергей Петрович. Просидев два дня мы «разработали» знакомую мне сдельно-премиальную систему оплаты труда. А ряду «ответственных» работников решили назначать твердое жалование с поощрительными премиями за хорошую

работу.

Подводя итоги нашего мозгового штурма, я быстро составил таблицы должностных окладов, таблицы нормы выработки и под мою диктовку Сергей Петрович написал должностные инструкции, внося в них творческие дополнения соответствующие реалиям 19-ого века.

Большого труда мне это не составило, в своё время я несколько лет был профсоюзным активистом и много раз участвовал в разработке коллективных договоров.

Не откладывая в долгий ящик, я приказал Яну еще до начала полевых работ провести эксперименты с внедрением нашей задумки. Всё таки на дворе 19-ый век и такая правильная и умная система оплаты труда может взять и не сработать. И может получиться так, что переведя всех на оброк я останусь без рабочих рук для обработки своей земли.

До июня Ян должен будет прислать мне человека с отчетом каждую неделю, а затем посылать отчет ежемесячно. А при возникновении каких-нибудь проблем присылать гонца с печалькой немедленно.

Закончив это неотложное дело я тут же уехал из имения, тем более что в этом была огромная необходимость: нашлись покупатели на дома в Москве и Коломне.

Сделки к моему удивлению прошли как по маслу, сначала были проданы московские дома, а потом и коломенский. Совершенно неожиданно нашелся покупатель и на нижегородскую недвижимость.

В наших московских домах было много всякой всячины, имеющей немалую ценность, в частности были достаточно ценные картины европейских мастеров, дорогая редкая мебель. Я решил продавать всё как есть и в итоге распродажа княжеской недвижимости принесла мне дензнаков больше запланированного.

Сергей Петрович остался в Москве завершать оформление продаж и погашение имеющихся долгов в Первопрестольной, а я направил свои стопы в Петербург.

Снег уже почти везде сошел, реки стремительно возвращались в свои берега и везде было величие пробуждения природы после зимней спячки.

Настроение у меня было великолепное. Первые отчеты Яна были полны восторженных фраз, всё получалось намного лучше ожидаемого. Для меня в этом не было ничего удивительного, еще в Новосёлово Петр и Серафим сказали мне, что Ян Карлович после снежной эпопеи пользуется в имении большим уважением и авторитетом, который с каждым днем укрепляется.

До массовых полевых работ дело еще не дошло, шла только подготовка к ним, внедрение новой системы шло успешно и Ян уже не беспокоился о возможном дефиците рабочих рук. Мало того к Осокину, которого назначили помощником управляющего на заокских землях, пришлось наниматься несколько мужиков из соседних имений.

Ян переслал мне и первый отчет из Арзинова, там конечно было не так как в Новосёлово, но вполне приемливо для меня. Дома у Лукоянове и Починках были быстро проданы и Иван спрашивал разрешения вложить часть вырученных денег в реконструкцию трактира. Марфа подробно расписала что и как они планируют сделать. Я тут же написал им о своем согласии.

Еще Иван прислал письмо отца Сергия, который извещал меня, что он принял приход нашего храма. Это меня очень порадовало и я послал Ивану распоряжение о выделение средств на возобновление строительства каменного храма.

Матвей во время прибыл в полк и успел мне то же прислать письмо. В Питере все тоже

было без неожиданностей и все мои распоряжения выполнялись. Покупатели на наши дома на Лиговке и Васильевском уже нашлись и только требовалось мое присутствие. Станционный смотритель Сидор Пантелеевич получил увольнение со службы, Матвей захватил его с собой и временно поселил его на Пулковской мызе, где тот сразу же начал что-то мастерить.

Одним словом всё у меня пока получалось. В Твери уже закончили сооружение наплавного моста, я без проблем переправился через Волгу и вечером семнадцатого апреля был в Петербурге.

Абсолютно все в нашем доме собирались на пасхальную службу и мне было очень приятно, что мы так во-время вернулись. Я видел как нервничают мои камердинеры из-за опасения не успеть, да и самому очень хотелось успеть и пойти в храм вместе со всеми.

В детстве и юности я как большинство в Советском Союзе был далек от церкви. Но как многие был крещеным и знал, что на Пасху едят крашеные яйца и говорят что какой-то Христос воскрес. Но это все у меня не вызывало ни какого интереса и я сознательно избегал даже разговоров на эту тему.

Совершенно неожиданно для меня жена перед смертью попросила отпеть её. Попросила и попросила, ничего у меня в душе не ёкнуло. Но во время панихиды со мной что-то произошло, я оказался как бы в другом мире и перестал понимать происходящее. В этот момент ко мне подошла какая-то старушка и тихонько сказала:

— Милок, ты завтра вечером приходи на службу, а потом с батюшкой побеседуй.

Так начался мой процесс воцерковления. Я по-прежнему избегал разговоров на эту тему, но уже по другой причине. А вот однажды пришлось не только разговаривать, но и пустить в ход кулаки, что бы пресечь хулу на Господа.

Это была еще одна причина охлаждения отношений с зятьями, скорее всего самая веская. Они молчали, но их прямо корежило, когда я шел в храм, особенно в пасхальные ночи.

После своего воцерковления я не пропустил ни одной пасхальной службы и надеялся что и здесь будет так же.

Пасхальная служба мне очень понравилась, все было чинно и благородно, как и подобает быть в домовом храме светлейшего князя. Особенно великолепен был хор, на это дело родитель денег не жалел.

После службы была праздничная трапеза. Организовывал её Степан Дмитриевич и она получилась наверное очень даже ничего. Но я уже был не в состоянии что либо адекватно оценивать. Дорога от Твери была тяжелой, мы спешили, спали урывками, я очень устал и начал засыпать прямо за праздничным столом.

В понедельник, девятнадцатого апреля, я без раскочки принялся за дела и первым делом оценил ситуацию в доме.

Анна Андреевна не подвела меня и оказалась молодцом. Она перешерстила нашу дворню и в нашем доме в итоге оказались только вызывающие у неё доверие. Никаких замечаний на её решения у меня не было. Со всеми хозяйственными делами сестрица замечательно справилась. В доме был идеальный порядок. Покупатели никак не могли дождаться моего возвращения, особенно те, кто желал купить особняк на Лиговке. Желающих купить его было хоть отбавляй и предложенная за него цена оказалась намного выше предполагаемой.

Революция в обеденной зале и на кухне поразила меня больше всего. Родитель держал

двух поваров, он был поклонник русской кухни, а матушка предпочитала европейскую, преимущественно французскую, разбавленную английской. Поэтому поваров было двое, француз Анри по найму, специально выписанный из Парижу города и Никанор обладатель редчайшего для крепостного мужика отчества — Аполлонович. Его отец был куплен нашим дедом из-за редкого имени, которым наградил его помещик-самодур.

Время приема пищи, говоря по-армейски, Анна Андреевна установила достаточно строго. Завтрак свободный, кто как встает, при необходимости в десять-одиннадцать перекус напитками и бутербродами. Обед строго в четырнадцать. Затем в семнадцать еще один перекус. И строго в девятнадцать часов ужин. На ночь, с подачи Матвея, не обязательно, но желательно что-нибудь кисло-молочное: простокваша, ряженка, варенец и в редкую стежку кумыс. Полезность этого было его эмпирическим наблюдением.

На Нарвской мызе жили несколько семей крепостных татар. Крепостное право как таковое у татар отсутствовало, но в середине прошлого, восемнадцатого, века в тех краях было башкирско-татарское восстание и и часть пленных стали крепостными у татарских помещиков. Дед был в тех краях, попробовал кумыс и решил завести его и у себя.

Для этого он купил три татарские семьи и поселил их на Нарвской мызе. Кумыс был не каждый день, а только когда была какая-либо оказия.

Кухня у нас была преимущественно русская, но что-нибудь европейское было всегда на столе, особенно в перекусах.

Дисциплину обедов и ужинов Анна Андреевна установила то же армейскую, явка была строго обязательна. Отсутствовать можно было только по уважительной причине, поставив об этом в известность меня. Практика открытых дворянских обедов была в прошлом, но приглашать гостей не возбранялось, опять же только с моего согласия.

В обеденной зале у нас был большой п-образный стол и Анна Андреевна каждому отвела строго определенное место. Посещение обеда и ужина было обязательно для меня, сестер, в их число входила и Таня, Матвея, нянюшки с сыновьями, Анисьи и Степана Дмитриевича.

Всё, что сделала Анна, конечно еще ожидало моего утверждения, но я ничего менять не стал, только сказал, что бы за столом она нашла место и Сергею Петровичу.

Вечером приехал офицер от генерала Бенкендорфа. Я утром послал ему весточку о своем возвращении и попросил принять меня.

Но Александр Христофорович решил по-другому. Офицер передал мне его письмо, в котором генерал любезно извещал меня, что он сам завтра в восемь часов утра навестит меня. Если я конечно буду не против.

Бенкендорф приехал точно в восемь, минута в минуту. Я пригласил его позавтракать вместе со мной и мы прошли в кабинет, куда и подали завтрак. Была большая вероятность что кто-то уже окажется за столом, а мне даже присутствие сестры и её жениха было не желательно при разговоре с генералом.

Позавтракав, я сразу же перешел к делу.

— Александр Христофорович, я хочу просить аудиенции у Государя Императора и подать ему два прошения, Это первое, — я протянул генералу свое прошение о признании Татьяны, дочери Анисьи, родной дочерью князя Андрея Алексеевича и его письменное признание этого факта.

Бенкендорф внимательно прочитал поданные мною бумаги и аккуратненько вернул их.

— А второе прошение?

— Я хочу просить Государя о смягчении участи подпоручика Александра Семёновича Пестова, арестованного по делу 14-ого декабря. Он доводится зятем Андрею Тимофеевичу Болотову, одному из величайших умов России, — при последних словах генерал встал и сделал несколько нервных шагов по кабинету.

— Государь справлялся о вас и сегодня в шесть вечера примет вас. Если вам необходимо официальное признание девочки вашей сестрой, то никто вам не в праве отказать в этом. А вот касательно ходатайства за государственного преступника, — Бенкендорф с сомнением покачал головой. — Не советую, князь, этим вы можете навредить и себе и ему. А уж поверьте мне, я то знаю, что говорю.

Деятельность Следственного Комитета по делам 14-ого декабря не была тайной и я знал, что мой собеседник в нем один из главных действующих лиц. Генерал несколько минут молчал, задумчиво глядя в окно.

— Дело подпоручика Пестова находится в моем рассмотрении. Вина его неоспорима и нет ничего, что бы свидетельствовало в его пользу, — но в последних словах Бенкендорфа я уловил нотку сомнения. Похоже ему запали куда надо мои слова про Андрея Тимофеевича.

Я подумал, что наш разговор окончен, но ошибся.

— Насколько я знаю, вам князь, удалось разобраться в своих запутанных делах и навести порядок в имениях. Нет-нет, — будущий шеф жандармов изобразил улыбку, такие улыбки я всегда называл змеиными, — эта информация не от вашего нового сотрудника, у меня для этого есть другие надежные источники. Какой род занятий вы решили выбрать для себя? Мне кажется, князь, вы не собираетесь служить ни по военной, ни по статской части?

Я внимательно посмотрел на генерала и решил немного наступить ему на любимый мозоль.

— Я, Александр Христофорович, собираюсь стать самым богатым человеком России, а затем и мира.

Насколько я знал историю, Бенкендорфу всегда не хватало денег, большая семья: три дочери и две падчерицы требовали больших расходов. А многочисленные любовницы были вообще финансовым бедствием. Поэтому я забросил удочку на будущее, он скоро получит моё интересное коммерческое предложение.

Сильно озадаченный моими словами, императорский сановник уехал, а я занялся своими делами. Известие о предстоящей аудиенции у императора меня почему-то оставило равнодушным. Моя голова была занята другим, мне хотелось поскорее продать питерские особняки и подвести дебит с кредитом. Сергей Петрович должен был вот-вот подъехать с окончательным результатом в Москве.

От предстоящей аудиенции я ничего особенного не ждал. В моей просьбе император естественно не откажет, а вот ходатайствовать за арестованного декабриста я передумал.

Во-вторых, господа декабристы были еще те товарищи. Насколько я знаю, ни один из них своих крестьян не освободил, моральный облик у многих был так себе и придя к власти они на всё сто переплюнули бы господ якобинцев. На практике эта публика была, за редким исключением, сплошь слюнтяи и соплежуи, так бездарно просрать свой реальный шанс. А то, что они почти все офицеры и пошли на такое дело, тут вообще нет слов.

А самое главное и это во-первых, Бенкендорф прав. Я поразмышлял, взвесил все за и против и согласился с ним. Тем более есть еще и другой аспект всего этого.

Николай Первый фрукт еще тот, я уверен, что мне предстоит очень трудная задача изменить что-то в известной мне истории. И главная проблема упертость и твердолобость

императора. А поэтому зачем сразу же портить с ним отношения, он и так, я думаю, негативно отнесется к моему нежеланию служить.

И последнее, за подпоручика, «узника царских застенков», я уже собственно походатайствовал. Не перед Государем Императором правда, но может быть от разговора с Бенкендорфом проку будет больше. Царь голова, а сановники шея, среди которых этот генерал становится номер один.

Как я и предполагал аудиенция у императора длилась не больше пяти минут. Пара дежурных фраз, положенных в этой ситуации, сразу же положительный ответ на моё прошение и уточняющий вопрос: действительно ли я не желаю служить по военной или статской части?

Утверждать, что мое решение было окончательным и бесповоротным было несколько опрометчиво, пути Господни не исповедимы. Поэтому, не кривя душой, я ответил, что еще юн и пока не собираюсь.

Государь иронично ухмыльнулся и подойдя к столу, а аудиенция проходила в его рабочем кабинете, указал на свернутую в свиток бумаги.

— Здесь капитан-исправник докладывает о делах мужа, а не юноши.

На этом аудиенция закончилась. Когда я покинул императорский кабинет, в приемной меня окликнул один из флигель-адъютантов и вручил мне указ о признании Татьяны княжеской дочерью.

Дома меня с нетерпением ждали Анна и Матвей.

— Алеша, ну как? — я молча протянул ей императорский указ.

— Алексей, как тебе Государь? — спросил Матвей.

Я ответил не сразу. А действительно, как мне Государь?

— Ты знаешь, Матвей, никак. Бравый гвардейский офицер. Не более того, — я в раздумье покачал головой. — Не более.

После императорской аудиенции мне не спалось. Я много раз видел портреты Николая Первого, перечитал горы литературы про его эпоху и считал, трагедия Крымской войны исключительно заслуга Государя Императора. И мое первое личное знакомство подтвердило это давно сложившееся мнение.

У каждого бывают ситуации, когда ты внезапно возникшее мнение ну никак не можешь обосновать, кроме как сигналами чувствительных рецепторов твоей пятой точки и это истина в последней инстанции. Не знаю почему, но я подумал, что Николай Павлович принадлежит к людям считающим что есть два мнения: его и не правильное. И мало того у него настолько уже сложившиеся железобетоннейшие взгляды, что изменить их практически невозможно.

Для меня лично этот вывод не сулил ничего хорошего. Скорее всего при этом императоре мне ничего по настоящему путного в России сделать не получится. И этого какой вывод?

Правильно. Моя шутка про желание стать самым богатым человеком России, а затем и мира скорее всего и должна стать целью моей жизни на ближайшие лет тридцать.

Нет тридцать много, позора и катастрофы Крымской войны быть не должно, значит двадцать пять лет.

Закончив своё умничание на заданную тему, я всё равно не заснул. Мне пришла в голову другая интересная мысль, а почему все-таки я образца 21-ого века ничего не знал о таких князьях в чьей шкурке я оказался.

Первый вариант. Я попал не в прошлое, а в параллельную реальность, очень похожую на знакомую мне. Но опять же известная точка послала сигнал, что это не так. Да и нет ни каких расхождений происходящих событий с историей России, которую я знал.

Ларчик скорее всего открывается намного проще. Князь Андрей Алексеевич отошел в мир иной, его сынок, юный Алексей Андреевич, отправился следом и род пресекался. Всё имущество движимое и недвижимое за долги ушло с молотка, а обе княжны скорее всего даже и замуж не вышли. Попадание каким-то образом ситуацию изменило, единственный наследник знатного рода выжил.

А почему следов от такого рода в известной мне истории не осталось тоже легко объяснимо. Во-первых, а ты, сударь, их искал, следы имеются в виду. Во-вторых, вспомни свою молодость, забылось многое, что тогда было. А как весь многомиллионный народ открывал для себя «неведомые» страницы советской истории во времена перестройки? С этими мыслями я заснул.

Ожидая возвращения Сергея Петровича, я провел занимаясь тремя вещами.

Грыз гранит науки, то есть просматривал университетские записи своих товарищей и слушал их рассказы. Лекциями это называть было сложно, я всё равно знал практически по всем предметам больше.

Второе важное дело было написание инструкций для нарвского и пулковского бурмистров по ведению хозяйства. В ближайшее время я поеду в Новосёлово и если у Яна всё более-менее получится, то для них организую стажировку.

Третьим «важным» делом были светские визиты. Дальше отгораживаться от общества было невозможно, нецелесообразно, да и в какой-то степени опасно.

Князя Новосильские, по своему происхождению и богатству, принадлежали к высшим слоям российской знати, были на короткой ноге со всеми знатными и богатыми фамилиями и вхожи в императорский дворец. Хочешь, не хочешь, а надо соответствовать. И самое печальное, что рядом не было ни кого, кто мог помочь в этом деле.

Крестные, анин и мой, полегли на Бородинском поле, а машин плавал где-то в морях на востоке. Анина крестная потерю мужа и разорения имения под Смоленском не пережила, а машина проживала в своем имении под Воронежем.

Моей крестная была матушкиной подругой. Она второй раз вышла замуж за английского «пера», уехала из России и жила в Европе на два дома: Англию и Францию. Мужу ей сосватала тетюшка моего родителя, покинувшая родные берега еще при матушке Екатерине. Я предполагал, что скоро придет известие и о помолвке матушки с каким-нибудь британским «пером» или «сером», хотя возможно что и с французским «де».

После 14-ого декабря матушка не выезжала и никого не принимала, а когда свалила в Европу, то сделала это «по-английски», то есть ни с кем не попрощалась.

До семейной катастрофы княжну Анну в свет вывозили, она даже два раза танцевала с будущим Самодержцем Всероссийским, о чем-то с ним даже беседовала и какое-то время считалась видной и перспективной невестой, но её «репутация» быстро оказалась испорченной, когда неожиданно для сводниц всех мастей в резких выражениях отшила пару раз предложенных кандидатов.

Подруг особых у неё в свете не образовалось, княжна хотя и «не училась в академиях», но глупым книгам и журналам, популярным у девиц своего круга, предпочитала книги по современной, для 19-ого века, биологии и медицине. На этой почве она и познакомилась с Матвеем года лет пять назад. Отношения у них долго были чисто дружеские, но сплетни появились сразу же как княжна отшила претендентов.

В отсутствие брата Анна Андреевна совершила несколько визитов, но встречена была

очень холодно. Княгиня Елизавета Павловна отбыла из России не просто внезапно, она еще вдобавок ко всему ни с кем не посоветовалась и не попрощалась, и матушкины великосветские кумушки были на неё очень обижены. А тут еще и Матвей зачастил гости в княжеский дом и уехал вместе со молодым князем. Вывод был сделан однозначный и высший свет встретил княжну Анну подчеркнуто холодно.

Правда как всегда из любого правила оказались исключения. Неожиданно в свет начала выезжать древняя старуха, семидесятилетняя графиня Евдокия Семеновна Комарова, вдова первого командира, а потом и друга, деда — князя Алексея Андреевича. Её все уже считали давно почившей, а она спокойно доживала свой век в одном из имений под Вологдой.

Ту же пошли слухи, что в оживший от многолетней спячки графский дом дважды зачем-то тайно приезжал Государь и к старухе зачастили гости.

В очередной раз получив щелчок по носу, причем там где она никак не ожидала, в салоне княгине Авдотье Ивановны Голицыной, расстроенная княжна Анна решила ехать домой. Но неожиданно её остановила незнакомая девушка. Поздоровавшись и учтиво извинившись, она спросила:

— Вы княжна Анна Андреевна Новосильская? — Анна видела эту девушка стоящую рядом с какой-то древней старухой и только из уважения к сединам ответила, хотя первое желание было молча пройти мимо.

— Да, — девушка очень мило улыбнулась и сделала приглашающий жест.

— Их сиятельство графиня Евдокия Семеновна просит вас присоединиться к ней.

Старая графиня похоже политесы уже соблюдать не считала нужным, поэтому сразу сказала.

— Ты, голубушка, на этих светских дураков и дур не обращай внимание. У курицы ума больше, чем у них. Они ведь и правда решили, что самые умные, красивые, талантливые, что без них тут никуда, — старая графиня засмеялась, но её смех быстро перешел в кашель, справившись с которым она продолжила.

— Им сначала твоя матушка по носу щелкнула, когда внезапно в Европу укатила, а уж когда слух пошел что ты замуж собралась за безродного лекаря! — старуха всплеснула руками. Княжна Анна не ожидала такого поворота в речах старой графине и почувствовала как у неё загорелось лицо и шея.

— Ишь ты, прямо как огонь вся стала, значит не сплетня, — старая графиня от удовольствия даже потеряла свои дряблые морщинистые ладошки. — Вот они и бесятся, особенно графиня Мария Дмитриевна Зотова, ты же и её сыночка отшила. А Матвей Иванович достойный человек и лучше за него выйти.

Графиня закрыла глаза и казалось перестала дышать, княжна Анна даже растерялась, не зная как ей правильно поступить. Но после длинной паузы старуха открыла глаза и очень добро опять заговорила.

— У Матвея Ивановича не только твой дед под Бородином на руках умер, но и мой муж, — голос графини Евдокии Семеновны дрогнул. — Ты завтра, часика в три, приезжай обедать, мне старой приятно будет, а я тебе много чего интересного расскажу.

Княжну Анну старая графиня приняла очень сердечно и еще раз расспросила обо всех её светских неурядицах.

— Я Матвея и твоего брата в путевом дворце в Твери видела, он меня старую не узнал, хотела окликнуть, да они как ветер умчались. А брат твой вылитый дед, я как увидела прямо ахнула, мы ведь с ним познакомились когда ему то же шестнадцать было. Богатырь был,

умница, а красавец, по нему все с ума сходили, красивее его только мой муж был.

Евдокия Семеновна улыбнулась и смахнула набежавшую слезу.

— А жена его, твоя бабка, дура была. Но он её любил. Она молодая после родов умерла, так Алексей второй раз жениться не стал. А ты на его матушку, на прабабку, похожа. Он и умом в неё пошел и способностью любить. У неё в молодости подруга была, Ксения Григорьевна Петрова, вот наверное у неё она и научилась мужа так любить, — поймав недоуменный взгляд княжны, старая графиня посоветовала.

— Блаженная она была, Ксения. Её могила на Смоленском кладбище, сходи туда поклонись.

Старая графиня устала, у неё начался кашель и буфетчик быстро подал горячий чай с какими-то травами. Горячий чай успокоил кашель и предал ей силы.

— Ты в эти салоны не выезжай, у тебя и повод есть, траур по батюшке, и никого не принимай. А ко мне приезжай, до лета я в Питере буду. Имена у вас за долги не отберут, а Алексей умница, он быстро ваши дела поправит. Эти глупцы за это время перебесятся и начнут сами тебя звать и напрашиваться к вам. А то, что Матвей безродный, не беда. Дед моего мужа холопом был когда в потешные убежал, а умер графом. Петр Алексеевич его послал с караулом арестовать боярина-изменника, чьим холопом он был.

Провожая княжну, старая графиня велела передать Матвею Ивановичу, что ждет его сразу же, как вернется в Петербург. Она знала, что первого апреля он должен быть на службе.

Княжна Анна последовала совету и выезжать стала только к графине, два-три раза в неделю. Когда Матвей вернулся в Петербург, он сразу же нанес визит графине и то же два-три раза бывал к ней.

Выполнение поручений брата требовало много времени и княжна не страдала из-за отсутствия полноценной светской жизни. Когда же у неё появлялось свободное время, то она с большим удовольствием читала и перечитывала свои любимые книги и те новые, которые она заказала по рекомендации господина лекаря.

**

Анна Андреевна сразу же рассказала мне о своих великосветских проблемах и при первой же возможности мы нанесли визит графини Евдокии Семеновны, а затем уже я один посетил несколько великосветских салонов. Но мои великосветские похождения закончились на посещении салона княгини Голицыной, когда на ровном месте произошла ссора с будущим нашим всё, Пушкиным. Я не понял почему вдруг он начал цеплять меня и всё понеслось к дуэли, но хозяйка сумела ссору погасить и попросила меня уехать.

Утром «ночная княгиня» приехала к нам с извинениями, в итоге инцидент был окончательно исчерпан, а с Авдотьей Ивановной у нас в итоге установились замечательные отношения.

Голицына похоже чувствовала какую-то вину перед Анной Андреевной и была сама любезность с ней и расставались они как лучшие подруги.

Проводив княгиню, сестра зашла ко мне в кабинет.

— Угадай, Алексей, что мне сказала княгиня о причине твоей ссоры с господином поэтом? — эта тема была мне неприятна и я не горел желанием её обсуждать, но обижать Анну тоже не хотелось.

— У господина Пушкина конечно очень бойкое перо, но от этого он не перестает быть сумасбродом и скандалистом. И ему в голову могло прийти что угодно. Например он мог

приревновать меня к княгине, — я хотя и не хотел обижать сестру, но не сдержался и ответил ей с раздражением.

Но она не обиделась, а только рассмеялась в ответ.

— Как это не удивительно, но именно так и есть.

— Эта история подтверждает правоту графини Евдокии Семеновны, нечего делать на этих великосветских, — у меня чуть не сорвалось слово «тусовках». Я проглотил его и решительно закрыл эту тему. — Надо прекратить бездарно убивать время, делом надо заниматься.

Вечером приехал Сергей Петрович. Он завершил все намеченные продажи в Москве, Коломне и Нижнем, погасил все долги в Первопрестольной и был очень доволен результатом.

Надо было действительно делать дело и вопрос о продолжении светской жизни закрылся сам собой.

До начала лета я каждый день занимался окончательным наведением порядка в своих финансах и завершением своего образования. Это оказалось самым простым. Моих знаний 21-ого века оказалось более чем достаточно что бы успешно вместе с Василием и Иваном выдержать выпускные испытания и получить диплом университета. Я конечно просмотрел их записи лекций и ни каких проблем у меня не возникло.

А вот продажи столичной недвижимости забуксовали, приемлемых вариантов не было, а продавать дешевле намеченного не хотелось. Но покупатели в конце концов нашлись и в конце мая были подведены окончательные итоги.

Они были по-моему блестящие. После всех продаж и погашения долгов и меня остались четыре имения, дом в Питере и пятьсот тысяч свободных денег. Это плюс. А минус, долг целый миллион в Государственном заемном банке. Но это было намного лучше, чем предполагалось.

Сергей Петрович после завершения оздоровления моих финансов попросил две недели отпуска и уехал в Ригу.

Пока мы занимались финансами, я съездил в Нарву. Ничего криминального на тамошней мызе я не нашел, причина плохой отдачи от неё была простой, крестьяне занимались там в основном выращиванием ржи и почти все были на барщине.

Я не стал разбираться в причинах такого глупого ведения хозяйства и просто сказал бурмистру мызы, что если он до первого сентября не перестроит хозяйство, то я его выгоню.

Побывал я и на Пулковской мызе. Положение дел на ней меня пока вполне устраивало, быстрыми темпами заканчивалась одна стройка и начиналась большая другая. Пулковский бурмистр предложил построить большие теплицы. Я решил сделать специализацией мызы животноводство, а он предложил добавить еще и тепличное хозяйство.

Друзья детства успешно закончили курс университета. В демократию я решил не играть и сразу же заявил им, что они будут учиться дальше в Главном инженерном училище, три года на кондукторском отделении, которое готовило инженерных прапорщиков со средним образованием, а затем на двухгодичном офицерском, где давалось высшее образование.

Моё решение потрясло братьев, Вася даже заплакал, а Ваня хотя и сдержался, но с обидой спросил:

— За что, обижаете нас, ваша светлость, — от обиды он перешел на «вы» и впервые назвал меня светлостью, но видать понял, что это перебор и дальше продолжил обращаться как обычно.

— Мы, Алеша, мечтали закончить поскорее учебу и начать тебе помогать, служить кем-нибудь.

— И кем же вы собирались пойти служить? Наверное бурмистрами, — я так разозлился на братьев, что решил поиздеваться над ними. — Хотя нет, в бурмистры вы не годитесь, я же сдуру вам вольную дал, вот вы теперь и носами воротите. Тогда наверное пойдете в управляющие.

Увидев округлившиеся от удивления глаза братьев я перестал поясничать и уже серьёзно закончил.

— Да я сплю и вижу, что бы вы мне служили. Но только не абы как, а грамотными образованными инженерами. А в России лучшие инженеры готовятся а Главном инженерном. Закончите его, выпустят вас в армию офицерами, сразу подадите в отставку и будите мне служить. Я вас еще и в Англию на стажировку пошлю.

На этом наша беседа закончилась.

После долгих размышлений я решил не откладывать одно важное дело, попробовать подтолкнуть внедрение в России картофеля. До его массового распространения после очередного большого голода было еще пятнадцать лет.

В успехе этого дела в Новосёлово я почти не сомневался. Ян его знал и немного разбирался в агротехнике этой пока мало распространенной в России культуры и все мои и болотовские советы внимательно выслушал.

Но я решил картофель внедрить и в имениях под Питером. Для Пулковской мызы семенами я обзавелся с помощью Вольного экономического общества, где мою просьбу встретили на ура. Тут я рассчитывал всё держать под своим контролем, но помятуя всё рассказы о перипетиях картошки в России приказал клубни резать перед посадкой.

А на Нарвской мызе всё оказалось проще простого. Какими-то неведомыми путями моих планах прознал один из помещиков из-под Ревеля, Федор фон Бок, родственник правдоискателя и вольнодумца, посаженного за это в Шлиссельбургскую крепость.

Фон Бок привез мне два мешка своего семенного картофеля и тройку своих бывших крепостных, уже много лет выращивающих этот будущий второй русский хлеб. Я с благодарностью принял его помощь.

Сразу же после инцидента с Пушкиным я задумался, а если бы дело закончилось вызовом на дуэль? Шансов у меня против господина поэта не было никаких.

Своими сомнениями я поделился с Матвеем и он тут же предложил мне интересный вариант.

У них в полку вышел в отставку один офицер, Иван Васильевич Тимофеев. Он был из обер-офицерских детей, потом и кровью дослужился до капитана. Жена его умерла много лет назад и двоих дочерей воспитывал сам и сумел выдать их замуж. Но если старшая вышла замуж за офицера по любви, то с младшей оказалось сложнее, необходимо было дать десять тысяч приданного.

Таких денег у капитана не было и он взял их в долг. Начальник дивизии закрывал глаза на еще более крупные карточные долги своих офицеров, но здесь углядел что-то порочащее честь офицера.

Капитан сам средненько стрелял из пистолета, но из других за пару месяцев делал отличных стрелков.

Вот этого отставника мне Матвей и предложил взять в качестве инструктора по стрельбе, поручившись за его честность и порядочность.

Так у меня появился инструктор по стрельбе. Я расплатился с его долгом, положил ему для начала двойное офицерское жалование, дал ему кровь и стол.

Через неделю экс-капитан привел ко мне учителя фехтования, француза Анри Ланжерона. С Великой Армией Наполеона он пришел в Россию, был ранен, взят в плен, а потом по доброй воле остался. Анри преподавал фехтование в знаменитой школе майора Александра Вальвиля. Он не раз в спаринге дрался и с Пушкиным. Помимо школы он успешно подвизался в той же роли и в паре армейских полков.

Но полгода назад у него произошла жизненная катастрофа — господин Лонжерон женился. Дамы сердца у него были и раньше, но до венца дело не доходило.

Избранницей господина учителя была двадцатилетняя дочь одного из офицеров полка,

где служил капитан Тимофеев, такого-же обер-офицерского сына, подполковника Васильева.

Дарья, так звали дочь подполковника была умна, образована и очень красивая. За несколько месяцев до свадьбы за ней очень настойчиво начал ухаживать начальник дивизии, генерал-майор Михайлов, отправивший в отставку моего инструктора по стрельбе. И Дарья, что бы избавиться от преследований старого ловеласа, приняла предложение учителя фехтования.

Но их превосходительство человеком был мстительным и учителя фехтования с позором изгнали сначала из полков, а потом и из фехтовальной школы, а тесть был переведен служить за Урал.

Матвей аккуратно навел справки и посоветовал мне взять Лонжерона учителем фехтования. Анна Андреевна побеседовала с его женой и взяла её учительницей младших сестер.

Пробелы в верховой езде и великосветском этикете я решил компенсировать своими силами, в имениях было у кого поучиться, а сестра была большим знатоком всяких политесов.

Пятого июня, после поведения всех дебитов и кредитов, началось моё второе турне по имениям. Я поставил себе задачу к началу следующего лета навести полный порядок в имениях. Они должны по всем моим расчетам приносить большой доход.

В середине лета должна начаться очередная русско-персидская война. Начало её будет немного неудачным, но осенью русская армия переломит ход войны. Персы будут разгромлены и в начале 1828-ого года будет заключен мир, по которому к России отойдут Эриванское и Нахичеванское ханства, новой границей станет река Аракс и персы выплатят большую контрибуцию, больше десяти миллионов рублей.

Персов против России подзуживала Англия, она послали в Тегеран своих инструкторов и дала шаху денег.

Зная, как будут развиваться события на Кавказе я решил на этом заработать денег и Сергей Петрович поехал после отпуска в Лондон. Он должен будет сыграть на бирже, поставив на победу русских. Я был уверен, что после тяжелой компании лета 1826-ого года, наше осеннее наступление и его успех будет полной неожиданностью для всех.

Всё лето я был в разъездах: Нарва, Пулково, Новоселово, Арзиново, снова Нарва и далее по списку.

Фоном моих поездок было назначение генерала Бенкендорфа шефом жандармов, а затем и главным начальником Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и командующим Главной Его Императорского Величества квартирой. Он стал в Российской империи человеком номер два, после Государя естественно. И я не удивился когда через несколько дней в императорском указе зятю Болотова была назначена не сибирская каторга, а разжалование в солдаты и отправка в Кавказскую армию.

Бенкендорф за лето приезжал ко мне однажды 14-ого июня, на следующий день после казни пяти декабристов. Я был еще в Питере и собирался ехать в Москву. От него я и узнал о смягчении приговора болотовскому зятю. Поэтому я поехал сначала в Серпухов и Дворяниново и лишь затем по Оке в Новосёлово.

Везде со мной кроме камердинеров постоянно были господа Тимофеев и Ланжерон. Где-то в середине июля они перестали меня ругать и начали хвалить, за мои успехи.

Состоявшаяся в августе в Москве коронация императора Николая Первого прошла без моего участия, быть в толпе зрителей и наблюдать это действие за версту мне совершенно не хотелось, а среди приглашенных особ меня естественно не было.

Двадцатого сентября я возвращаясь из Новосёлова в Петербург, задержался в Москве. Настроение у меня было прекрасное. В Арзиново был наведен элементарный порядок, прекратилось воровство и имение обещало дать неплохой доход. Трактир в Лукоянове процветал, Савелий заканчивал ремонт, кухня уже гремела по всей округе, о ней уже начали поговаривать даже в Нижнем и Москве.

Я лично не понимал, как такое заведение можно называть трактиром, все-таки в моем понимании трактир это что-то типа забегаловки. А тут была уже почти фешенебельная гостиница: великолепная, недорогая кухня, первоклассные номера, вышколенный персонал. Савелий со своей женой просто гении своего дела. У меня стали появляться смутные планы как использовать их таланты для своей и их выгоды.

В Москве я решил задержаться на пару дней. Необходимости в этом не было, просто я решил выполнить данное мною Андрею Тимофеевичу обещание. Он просил меня по возможности посетить салон княгине Зинаиды Волконской и рассказать ей о своих успехах в картофелеводстве. О причине интереса великосветской дамы к такому вопросу я выяснять не стал, решив, что это она делает зачем-то в пику княгине Авдотье Голицыной, которая была яркой противницей картошки.

А у меня уже начала появляться специфическая известность, еще бы такая голубая кровь, а мотается по имениям, да еще как мужик в земле копается. Мне конечно на это было наплевать, даже смешно было. Они пусть сколько угодно носами воротят, а за лето в моем кармане уже появились денюжки от имений и немалые. По крайней мере изъятие полумиллиона для спекуляций на Лондонской бирже уже не чувствовалось.

В салоне Волконской я уже бывал дважды во время своих предыдущих поездок. Но после казни декабристов я тут не был и чуть ли не с первых минут пожалел о своем визите. В отличие от прошлых визитов меня встретили очень холодно.

Шила в мешке не утаишь. Подробностей моих отношений с теперь уже шефом жандармов никто не знал, но тайной они не были. Тем более секретом Полишенеля были пашни матушки с генералом. И императорские милости нашей семье все связывали с протекцией Бенкендорфа. И думается мне не без оснований.

Княгиня Волконская и завсегдатаи её салона были в оппозиции правительству, открыто сочувствовали декабристам, на дух не переносили шефа жандармов и естественно перенесли отношение к нему на меня.

Своё намерение пообщаться с хозяйкой на картофельную тему я сразу же оставил и решил при первой же возможности ретироваться, но тут появился новый гость которого моя светлость ни как не ожидали тут увидеть, генерал-майор Михайлов.

Генерал тоже подозревался в сочувствии заговорщикам, но под следствием не был, но крайней мере мне это было неизвестно. Он знал, что я взял на службу его врага месье Ланжерона и увидев меня, даже сжал кулаки от ярости.

Скандал мне явно был ни к чему и я решил, плюнув на приличия и весь дурацкий этикет, развернуться и просто уйти. Но не тут-то было.

Генеральское бешенство закипало видимо по секундам, он как разъяренный бык попер напролом и громко выкрикнул мне в спину:

— Картофелевод! — я остановился и резко развернулся.

Увидев мою реакцию, генерал медленно, громко и очень внятно начал говорить обращаясь к вошедшим вместе с ним офицерам, рассчитывая что его услышат все присутствующие, а не только те, кто находился рядом.

— У этого господина нет ни совести, ни чести, что и не удивительно. Его отец еще с юности запомнился своими подлостями, но хотя бы в бою был храбрым и честным офицером. А этот опозорил свой славный род, променяв военную карьеру на копание в земле и стал подлинным Иудой Искаротом. Если бы этот сопляк не был бы таким трусом, что он продемонстрировал когда устранился от выяснения отношений с господином Пушкиным, приняв посредничество женщины, я бы вызвал его на дуэль.

Это было конечно слишком, дураку понятно, что уклонятся от дуэли в подобном случае, значит обесчестить себя так, что потом никогда не отмоешься. Поэтому в зале наступила гробовая тишина, взоры всех устремились на меня.

— Хорошо, господин генерал-майор, — я медленно подошел к нему и его офицерам. — Мне конечно не камильфо драться с дедушкой, а вы по возрасту мне доводитеесь дедом, но если вам угодно, то пожалуйста, я готов драться с вами.

Подобного поворота событий генерал явно не ожидал, особенно его похоже потряс мой пассаж про дедушку, он как рыба на берегу раскрыл рот и пару раз громко хлопнул губами. Тогда один из его офицеров, незнакомый мне майор, достаточно молодой, но судя по всему борзый до ужаса, сделал шаг навстречу и громко сказал, почти прокричал.

— Я, сударь, готов драться с вами. Надеюсь наша разница в возрасте вас не смущает? — майор, как и его шеф, то же возбудился и это меня сильно позабавило и совершенно успокоило, а самое главное у меня появилась уверенность, что с моей головы даже волос не упадет.

Я с улыбкой наклонился и внимательно оглядев генерала со свитой, а затем всех присутствующих и мне в глаза бросилась, побледневшая как полотно хозяйка. В этот момент я вспомнил что когда-то читал, что летом 1826-ого над ней был установлен тайный надзор полиции и уже в августе 1826-ого года шеф жандармов получил телегу на неё и вдову генерала Коновницына.

— Я так полагаю, что на дуэль вызвали меня, поэтому право выбора оружия за мной. Не так ли?

— Да, — одновременно и синхронно выкрикнули майор и обретший дар речи генерал. Меня это очень позабавило и я язвительно скривившись, сказал.

— Успокойтесь, господа, не надо так волноваться, это очень вредно. Драться мы будем через несколько минут и вы, сударь, — я слегка наклонил голову, обращаясь к майору, — можете не успеть успокоиться, а вас, — я сделал такой же наклон в сторону генерала, — может хватить удар, возраст все-таки.

От такой наглости мои оппоненты похоже потеряли дар речи, а в салоне раздались негромкие редкие смешки.

— Право выбора оружия я уступаю вам, — свои слова я сопроводил жестом в сторону майора. — Это я делаю для того, что бы никто не сказал, что у меня будет преимущество, так как известный вам месье Ланжерон дает мне уже три месяца уроки фехтования и не думаю, что у вас будут шансы против меня.

Это был удар не в бровь, а в глаз. Майор немного побледнел и медлил с ответом. Это была его большая ошибка. Сейчас я продолжу его публичную порку.

— Если вы, сударь, выбираете пистолеты, то право первого выстрела за мной. Я буду

стрелять с тридцати шагов, а вы можете стрелять как положено, с десяти. Стреляться мы будем немедленно, — я огляделся. — Прямо в этой зале, место позволяет. Если у вас нет оружия, мой человек принесет нам пистолеты, сабли, шпаги. Как вам угодно.

— Я буду секундантом майора, — прорычал окончательно пришедший в себя генерал. — Мы выбираем пистолеты. Несите.

— Господа, — обратился я к присутствующим. — Кто окажет мне честь быть моим секундантом?

— Я, ваша светлость, — тут же отозвался один из присутствующих. Услышав его голос, я вспомнил кто это и где я его видел. Это был скорее всего какой-то профессор Московского университета. Я его видел во время экзамена и его даже представляли, но вот хоть убей — не помню.

— Отлично. Но это еще не всё. Вы, сударь, позвольте спросить какой титул носите? Князь? Граф? Барон? Или еще что-нибудь? — обратился я к майору. Он похоже понял куда я клоню и опять помедлил с ответом.

— У меня нет титула, ваша светлость, — ответ мне понравился и я улыбнулся.

— Вы, сударь, поняли свою ошибку и я вас прощаю. Но на будущее не забывайте, к титулованным особам вы должны обращаться ни в коем случае не опуская их титул.

Я повернулся к еще присутствующим гостям салона.

— Уважаемые господа. Генерал Михайлов назвал меня Иудой, по видимому он имел в виду моё отношение к тому, что произошло 14-ого декабря и то, что мой отец, участник этого выступления, был убит и уже мертвым прощен Государем. Так вот, господа, я хочу заявить, офицеры, вышедшие на Сенатскую площадь совершили преступление, они хотели принести на нашу землю революционную заразу, наподобие той, которая еще недавно терзала Францию. Они обманом вывели на площадь нижние чины и кровь погибших на их совести. Дворянин и офицер должен быть опорой престолу, а не его шатателем. Это грех, господа. Тяжкий грех.

В зале наступила звенящая тишина. Подождав несколько секунд, я продолжил, обращаясь к присутствующим.

— А теперь, господа гости, прошу освободить залу. Господ офицеров прошу отойти к дверям и пожалуйста не вмешивайтесь, иначе я буду вынужден по очереди драться с каждым из вас и уверяя, пока вы меня убьете, кто-то из вас успеет отойти в мир оной передо мной. Вас, господин профессор, попрошу с моим человеком принести из кареты пистолеты и найти положенного на дуэли лекаря, наверняка среди присутствующих он есть.

Через несколько минут оставшиеся гости быстро покинули залу, первой кстати выбежала хозяйка, наверное в надежде найти какого-нибудь представителя полиции. Офицеры, пришедшие с генералом, выстроились в шеренгу около дверей.

Убедившись, что нас никто не слышит, я наклонился к майору.

— Не ссы майор, я тебя не буду убивать, твоей крови мне будет более чем достаточно. А тебя, — я повернулся к генералу, — старого козла пристрелил бы с удовольствием. Нет, тебе лучше отстрелить твои паршивые яйца. Если бы не твои седины, сделал бы это с удовольствием.

У меня в карете были отличные английские пистолеты с замечательным боем. Петр быстро их принес, а профессор также быстро нашел среди гостей своего коллегу с медицинского факультета.

Профессор с двумя офицерами быстро разместили место дуэли и взяв коробку с

оружием, подошли ко мне. Я жестом показал на майора. Он резким движением выхватил пистолет и начал его лихорадочно проверять. Я взял свой и неторопливо сделал то же.

Командовать дуэлью взялся генерал, он сумел немного взять себя в руки и сдавленным голосом негромко скомандовал.

— Господа, к барьеру!

Я подошел в лежащему на полу шарфу, это был мой барьер, ровно тридцать шагов до противника и повернулся к нему. На расстоянии десяти шагов от меня лежал еще один шарф, с этого расстояния будет стрелять майор, если дело дойдет до его выстрела. Но сейчас он стоит в тридцати шагах от меня.

Улыбнувшись, я взвел курок и начал поднимать пистолет. Майор резко повернулся ко мне правым боком, правила дуэли это разрешали, можно еще попробовать немного закрыться пистолетом, но он этого не стал делать.

Я прицелился и выстрелил. Пистолет не подвел, пуля попала точно в цель — правую кисть майора. Он вскрикнул, зашатался, но не упал. Перехватил пистолет левой рукой и медленно пошел к своему барьеру, шарфу лежащему в десяти шагах от меня. Глядя ему в лицо, я видел как заостряются черты его лица. На полу за ним начал тянуться кровавый след.

Не доходя пары шагов до шарфа, майор остановился и начал мелко дрожать. Он попытался поднять пистолет и уже падая, выстрелил от бедра. Пуля просвистела у меня прямо над головой и за спиной зазвенело разбитое стекло.

La comédie est finie, rideau — комедия окончена, занавес.

Я повернулся и посмотрел на разбитое окно, разбитым оказалось стекло не большой форточки. Я оценил траекторию полета пули и понял, что только что сыграл в прятки со смертью.

Пуля пролетела точно у меня над головой и скорее всего очень даже не высоко. Почти одновременно офицеры бросились к лежащему на полу майору, к которому уже подбежал университетский лекарь. Петр подошел и стал у меня сзади и сбоку. Я отдал ему пистолет и остался стоять на месте.

Один из офицеров поднял пистолет майора, внимательно посмотрел в мою сторону и подойдя ко мне, молча протянул пистолет.

— Петр, забери оружие, а вас, сударь, прошу задержаться, — я достал из внутреннего кармана сюртука бумажник и достал из него стопку ассигнаций, перевязанную широкой лентой и протянул её офицеру.

Для меня специально пошили несколько сюртуков с большими внутренними карманами. В них я незаметно мог носить нужные мне вещи, в частности бумажник. В бумажнике постоянно лежали три пачки по десять тысяч каждая. Это на настоящий момент были все мои свободные денежные средства.

— Будьте любезны, передайте деньги своему товарищу, — в первый момент мне показалось, что он оттолкнет мою руку, но я ошибся. Офицер молча взял деньги и козырнув головой, молча отошел.

Подождав, когда унесут раненого, я подошел к генералу.

— Всегда к вашим услугам, господин генерал, — коротко и резко наклонив голову и щелкнув каблуками, я отошел от стоящего столбом генерала.

Два лакея подхватили раненого и чуть ли бегом в окружение офицеров покинули залу вместе с генералом и лекарем, а профессор подошел ко мне.

— Вы пулей раздробили кисть несчастному, — профессорский тон был немного странный, в нем были нотки осуждения. Я ухмыльнулся, у этой публики всегда хоть чуть-чуть, но стандарты двойные.

— Вы, если я не ошибаюсь, профессор физики Московского университета Радионов.

— Да, вы не ошибаетесь.

— Я перед выстрелом пообещал майору, что не убью его и специально целился ему в руку. Он, если вы заметили господин профессор, несмотря на кровотечение и болевой шок подошел на десять шагов, а мой выстрел был с тридцати, и выстрелил. Пуля пролетела у меня над головой и разбила стекло, — я повернулся и показал профессору на разбитое окно. Профессор промолчал, я решил, что тема исчерпана и достал из бумажника вторую пачку ассигнаций.

— Очень благодарен за помощь, примите пополам вам и господину лекарю.

Выйдя из залы, я направился к одиноко стоящей хозяйке и когда подошел, она повернулась ко мне. В её широко открытых глазах стоял ужас.

— Приношу свои извинения, Зинаида Александровна, но видит бог, я этого не хотел, — откланявшись, я вышел на улицу.

Испуганные гости княгини уже разъехались и перед особняком была чуть ли не пустыня, только моя карета и профессорская коляска, а метрах в десяти маячили фигуры

квартирных надзирателя и поручика. Я позвал Петра и распорядился.

— Скажи Архипу, пусть едет в гостиницу и собирается. Я хочу прогуляться. Как только придем, сразу выезд.

Архип уехал и я медленно пошел по Тверской к площади Тверской Заставы. Москва, по которой я шел совершенно была другой. От неё в привычной мне 21-ом веке мало что осталось, но я все равно понимал, где я шел.

Голова моя занята была конечно другим, будут ли последствия у этой дурацкой дуэли, избежать её я ни как не мог, палку особо не перегнул. Особо я не волновался и не переживал, ну в крайнем случае порекомендуют мне пожить какое-то время в деревни, это на мой взгляд будет максимум наказания. Особенно после открытого обозначения своей позиции по отношению к декабристам.

В Питер я поехал не спеша, гнать лошадей не имело ни какого смысла, стояла сухая теплая осень и несколько раз мы останавливались на природе.

Мои инструкторы, господин Тимофеев и месье Ланжерон, ни каких вопросов мне естественно не задавали, а у меня желания самому рассказывать об этом не было.

В моих планах было заехать на Пулковскую мызу, проверить как обстоит дело с картошкой. В Новосёлово новые веяния проходили на «ура», успешно внедрялось четырехполье и новые сельхозкультуры, главной среди которых была картошка.

Уборка урожая была завершена и результаты были очень неплохие. Бригада работающая на картофеле собрала неплохой урожай с посаженных трех ведер, по моему мнению разобрались в основных вопросах его выращивания, а самое главное распробовали вкус картошки. Я показал им как её варить, жарить и делать пюре.

Ключик от успеха был в новой системе оплаты труда. Господскую землю Ян обработал в половину меньшим количеством людей и всем, кто хотел заняться отхожими ремеслом, он не препятствовал. По его подсчетам на следующий год в имении могут появиться лишние рабочие руки. И это при том, что строилась большая новая пристань, основной путь вывоза хлеба на продажу по моим расчетам будет через Оку, сахарный завод и большая винокурня.

На Пулковской мызе я решил не мудрить и попросил одного из фонбоковских мужиков переехать в Пулково и контролировать тамошних картофелеводов.

Заехать в Пулково я заехал, но вот задержаться там не получилось. У бурмистра меня ждало письмо, доставленное сюда несколько часов назад.

Естественно о дуэли в Питере уже известно и шеф жандармов требует моего скорейшего появления пред его светлыми очами.

Генералу уже доложили о дуэли и он хотел пообщаться со мной как можно скорее. Поэтому пока перезакладывали лошадей, я спросил только собрали ли картофель, каков урожай и пробовали ли в Пулково картофель на вкус.

Через несколько часов я был дома. Встревоженная Анна Андреевна рассказала, что рано утром приехал офицер от генерала и привез письмо с рекомендацией срочно мне приехать к нему для объяснения обстоятельств дуэли в любое время с восьми утра до нуля.

На часах было всего девять вечера и я поехал к Бенкендорфу. Ждать приема мне не пришлось, как только обо мне доложили, генерал велел пригласить меня в кабинет.

Шефу жандармов нездоровилось, у него болело горло, оно было завязано каким-то шарфом, а на столе дымился какой-то напиток. Говорить ему явно рекомендовали поменьше, на мое приветствие он ответил жестом и предложил сесть.

После чего протянул рапорт о моей дуэли, написанный одним из московских

полицмейстеров.

Рапорт был составлен очень толково и поразительно правдиво. Я сам не смог бы описать случившееся правдивее. Единственное чего там не было, так это моих слов один на один, но этот факт был подмечен.

Вернув рапорт генералу, я сказал:

— Все так и было, ваши люди молодцы, Александр Христофорович.

Бенкендорф сделал плоток своего горячего питья и тихо и хрипло начал говорить, делая большие паузы.

— Государь в бешенстве. Генерала Михайлова через пару часов после вашей дуэли хватил апоплексический удар у него не работают правая рука и нога и он не говорит, — сделал еще пару глотков, напиток ему явно помогал. — Он ехал в армию на Кавказ. Вы, князь, по-прежнему не желаете служить по военной части?

— Даже еще больше.

— Вот это Государя и взбесило. Вы как-то говорили, что собираетесь съездить за границу. Мой вам совет, сделайте это не мешкая, желательнее завтра утром вам уехать из Петербурга.

В середине лета я оформил заграничный паспорт. Вот что для меня оказалось большим откровением, так это паспортная система Российской Империи. Был бы я простым дворянином, не видать мне за границы еще несколько лет. Но царский указ о признании меня совершеннолетним и дееспособным и естественно протекция Бенкендорфа позволили мне обойти все бюрократические препоны.

Мысль о поездке за границу у меня появилась когда я, после начала войны с Персией, получил первое письмо Сергея Петровича. Он писал, что в Англии многие надеются на поражение России и настроения на Лондонской бирже соответствующие, а отступление нашей армии только все это стимулирует.

Мне были нужны большие деньги, вернее даже не большие, а огромные. И я, хорошо зная как и что будет происходить в России и мире в царствование Николая Первого, планировал свой поход в олигархи начать с биржевой игры.

К середине лета у меня появилась уверенность, что мои начинания в имениях сработают. И я стал подумывать о поездке в Европу, в первую очередь в Лондон, что бы самому посмотреть, как всё это работает, а не уповать полностью на господина Охоткина. Своими планами я поделился с Бенкендорфом и вот сейчас он их и вспомнил.

Пренебрегать советами шефа жандармов явно не стоило и я, вернувшись домой, рассказал всё Анне и Матвею и начал сборы в дорогу. Сам я в этих сборах не участвовал, а всю ночь писал инструкцию сестре, что и как делать в моё отсутствие. Она во время моих разъездов великолепно справлялась с делами в Питере и я не сомневался, что справится и с делами в имениях.

Все необходимые для этого бумаги, их сейчас называют крепостные акты и оформляются они в палатах гражданского суда, были составлены заранее. Я не совсем понимал некоторые нюансы и поэтому например написал бумагу, что не возражаю против брака Анны Андреевны с Матвеем Ивановичем. На всякий случай, вдруг моя «командировка» затянется.

Со мной ехали мои камердинеры и господин Тимофеев. Месье Ланжерона Анна попросила оставить в Петербурге, его супруга готовилась стать матерью и я скрепя сердцем, согласился. Мой фехтовальное мастерство еще требовало тщательного шлифования и мне не

хотелось лишаться такого опытного учителя.

Счастливым будущим отцом не ожидал такого подарка не ожидал, но в ситуации сориентировался и быстро предложил устраивающий меня вариант. Он имел хорошие связи в Европе и написал мне несколько рекомендательных писем в фехтовальные школы Берлина, Парижа и Лондона, где учителями были его боевые товарищи наполеоновских времен.

На рассвете я уехал. До Нарвской мызы я решил ехать верхами и провести там день или два, пока не подвезут багаж. Со мной поехало шесть человек: пять камердинеров и господин Тимофеев. Дорога у нас задалась и около трех часов дня мы были на мызе.

Нарвским бурмистром был мужик по имени Василий, хитрый и угодливый, но очень умный. На мызе был порядок, все аккуратно и чистенько. Господский дом изначально был большим пятистенком. Затем к нему пристроили хорошие теплые сени и поделили обе половины. Князя здесь бывали достаточно часто, но наездами, день-два не более.

В этом имении была своя винокурня, хорошая конюшня и почему-то большой и хороший каретный двор, на котором было целых шесть карет, все они были в очень хорошем состоянии.

Вообще наши имения производили немного странное впечатление. Родители были людьми сугубо городскими и выезжать в деревню не любили. Князь Андрей Алексеевич просто не перебарывал охоту и в имениях не было ни одной господской собаки. Но среди мужиков охотники были. Которые и поставляли барину дичь и птицу.

На Нарвской мызе много мужиков уходило на промыслы в Нарву, были и такие, кто занимаясь ремеслом, практически там постоянно жили, платя хороший оброк. Несколько семей в Нарве профессионально занимались рыбной ловлей.

Пока ждали багаж и готовили две кареты, я решил еще раз ознакомиться с мызой и остаток дня ходил по своей усадьбе и окрестностям.

Уже практически в ночи привезли багаж и можно было утром трогаться в дальнейший путь, но я свой план поближе познакомиться с деревней Краколье, расположенной почти в устье реки Луга, менять не стал. В деревне было три владельца.

Большая часть деревни еще недавно была вотчиной императора Александра, две других примерно равных принадлежали какому-то питерскому чиновнику и мне.

В деревня было чуть больше тридцать дворов, одиннадцать из них мои. Они стояли очень компактно на берегу Луги, почти напротив деревни Остова на другом берегу.

Мне она была интересна по двум причинам. Из этой деревни на княжеский стол привозили разнообразную балтийскую рыбу: свежую, соленую и вяленую. В деревне была своя небольшая пристань, на которой хозяйничали рыболовецкая артель, в которой работали и и мужики других владельцев.

Но мне больше было интересно другое. Из деревни иногда привозили чудесный сыр, какого-то необыкновенного вкуса. Его делала одна семья на небольшой сыроварне. Своих коров было немного, не больше десятка и молоко они скупали во всей окрестности.

Всё там принадлежало мне, вся деревня была на оброке и почти все предыдущее царствование рыбаки и сыровары арендовали необходимые им средства производства.

В моей части деревни был староста, который всем там заправлял. Как и в Новосёлово он сидел на своем посту много лет и никакое развитие ему было не нужно. У просто руки не дошли до него.

Но недели две назад ситуация разрешилась сама собой, староста умер и необходимо было поставить другого человека. Василию я решил это дело не доверять и сделать это

самому.

Еще на подъезде к деревне я услышал шум, крики и отборный мат. Кому-то кричали, чтобы не доводил до греха и отошел в сторону, иначе придется и его порешить. Я пришпорил коня и буквально влетел на скотный двор.

Посреди двора два мужика стояли в боевой стойке: один с вилами, другой с топором. Тот что с вилами был еще безбородым и безусым парнем, по его грязным и окровавленным щекам текли слёзы, разорванная рубаха была в крови и грязи. За спиной у него был лежал спуганный веревками бык.

Напротив него стоял ухмыляющийся здоровый черноволосый мужичина с бородой лопатой, поигрывая топором. Вокруг стояла плотная толпа мужиков и баб.

Следом за мной залетели Архип с Петром и бурмистр. Он закричал, перекрывая шум толпы:

— Вы что негодники замыслили? Барин приехал, а вы!

Шум толпы стих. Мужичина опустил топор и повернулся ко мне. Я услышал сзади щелчок взведенного курка и спокойный голос господина Тимофеева.

— Мужик, топор на землю брось, — я обернулся. Невозмутимый отставной капитан прицелился в мужика из пистолета. Тот не стал испытывать судьбу и быстро бросил топор.

Иван Васильевич тут же перевел прицел на парня с вилами.

— А теперь твоя очередь, — но тут он не угадал, парень только сильнее сжал вилы и прерывисто, но очень громко выкрикнул:

— Не дам Буяна резать, пока жив — не дам.

Я спрыгнул с седла, бросив поводья какому-то подбежавшему мужику. Мужичина тут же обратился ко мне:

— Вот, барин, смотри сам, малохольный что творит. Мы по-хорошему, а он за вилы, — услышав это, парень еще крепче сжал вилы и отчаянно со слезами в голосе закричал.

— Не дам, меня сначала убейте, не дам!

— Это называется по-хорошему, ну-ну, — усмехнулся я, подошел к парню и глядя в глаза тихо сказал.

— Вилы отдай и спокойно объясни в чем дело.

Парень разжал руки и без сопротивления отдал вилы. Сзади раздался чей-то вздох облегчения.

— Прощка, говори давай, чего молчишь, барин тебя спрашивает, — раздался из толпы возглас.

Прощка судорожно вздохнул, растер на щеках кровь и слезы и выдавил из себя.

— Буян золотой бык, ему цены нет, а его под нож, вот они, — парень показал на своего бывшего противника. Я махнул рукой и повернулся к толпе.

— Всё понятно, что не понятно. Кто мне объяснит, что тут у вас происходит?

Из толпы вышел степенный мужичок, ростом по плечо мужичине, в чистом добротном кафтане. В глаза бросились начищенные сапоги. Он стянул с головы картуз и поклонился в пояс.

— Дозволь, барин, я скажу.

— Только сначала скажи, кто такой.

— Я, барин, сыр для тебя варю. Звать меня Емелей. Так вот барин, это бык у нас коров крыл. Он телком игривый был, поэтому Буяном его и прозвали, потом остепенился, но слушался только Прощку, меня, да старосту нашего, царствия ему небесное, — мужичонка

степенно перекрестился, сделал поясной поклон на восток, потряс потом головой и затем продолжил рассказ.

— А как Илюха помер, Буян опять хулиганить начал. А сегодня с утра брат этого, — Емеля показал на мужичину, — полез зачем-то к Буяну. Тот его немного и погонял. А у этого силище много, а умишко то скудненький. Вот он и давай орать, что быка надо зарезать, пока он тут всех не порешит. Собрал кучу таких же, они как-то Буяна сумели повязать. А тут Прошка выскочил, ну и

— Понятно. Спасибо, Емельян. А теперь ты, Прохор, объясни, — я еще раз обратился к парню, — почему ты быка золотым назвал?

Прохор посмотрел на быка и еще раз всхлипнул. Животина как поняла, что речь идет о его судьбе и жалобно смотрела на своего защитника.

— От него, барин, знаешь какие коровы получаются, у них удои в четверть, а то и на треть больше, — в толпе раздались подтверждающие женские голоса. — Он, барин, ласку и хлебушек любит, а гришкин брат еще и пьяный полез. А Гришка, — добрый, ты, барин, его не наказывай. Он за брательника испугался.

Я подошел к быку. Он теперь также жалобно смотрел на меня.

— А чего кольцо не вставили? Бык то вон какой здоровый, — спросил я в пространство.

.— Староста не давал. Говорил, я и так с ним справлюсь.

— Вот я и думаю, — неожиданно заговорил Григорий, — пока бычара связанный лежит, надо ему кольцо вставить. А с брательником я, барин, прямо сейчас разберусь.

Все заулыбались, а я рассмеялся. Как говорится на ходу подметки рвет.

— Дайте-ка мне хлеба и давайте быстренько кольцо ставьте.

Я развязал морду быка и дал ему краюху хлеба. Он доверчиво взял её и спокойно съел.

Легко сказать, быстренько ставьте. Как протекает этот процесс я знал и видел. Но это всегда делали ветеринары и максимум годовалым бычкам, лишь однажды был полуторогодовалый бык. А здесь был пятилетний великан. Он правда был связан, но ...

На царской мызе тоже были коровы и моему удивлению среди государственных крестьян нашелся нужный специалист. А Буян настолько оказался утомленным, что даже не сопротивлялся. Когда «экзекуция» закончилась его осторожно развязали, предварительно одев на шею крепкий ошейник с цепью.

Но бык оказался не только хорошим производителем, но и редкого ума. Было такое впечатление, что он как человек всё понял.

Когда его развязали, Буян встал не сразу, а только когда с ним «побеседовал» Прохор. В конце концов он встал. Очень жалобно помычал, как бы жалуясь и покорно пошел за своим спасителем.

Я всё это время наблюдал эту картину со стороны. Прохор скоро вышел из коровника и довольно доложил мне.

— Он, барин почти успокоился, лежит спокойно в стойле.

— У тебя хлеб для него есть? — вопрос явно был неуместен. Мне даже показалось, что Прохор на него обиделся.

— А как же, барин, у меня завсегда пара-тройка краюх в запасе есть. Я лучше сам не доем, а бычка или коровку угощу. Они, барин, знаешь какие благодарные.

— Пошли к Буяну сходим, только дай мне краюху.

Бык как будто понял зачем я пришел, встал и потянулся ко мне. Когда краюха была съедена он начал лизать мне руки и тихонько жалобно мычать. Как бы жалуясь.

— Вот, барин, видишь, какой он ласковый и умный, — довольный Прохор сиял как луна.

— Вижу, — засмеялся я. — У тебя чистая целая рубаха есть?

— Я, барин, сейчас эту зашью и постираю. А пока зипун сверху надену.

— Пойдем со мной.

Пока Прохор со специалистом занимались с Буяном, бурмистр Василий и сыровар Емельян всё мне рассказали.

Прохор был круглой сиротой, лет с десяти жил со своей старой бабушкой. А когда и она умерла остался на белом свет один как перст. Был он добрым и не унывающим, долго грустить не умел и на деревне его почти все считали не в себе.

Тем более, что у него была в жизни только одна радость и забота, уход за животными. Любил он всех животных и домашних и диких, со всеми находил общий язык, но главной его любовью были быки и коровы.

Когда Прохор остался один, то через какое-то время даже перестал ходить домой, а все время проводил на коровнике. Своего хозяйства у него не было, он даже не просил дать ему землю и оброк за него решили платить всем миром.

То, что потомство Буяна более продуктивное, заметил именно Прохор и вообще когда он вырос, а сейчас ему было ровно двадцать, то заметили насколько ценными бывают его советы и как он хорошо разбирается в скотине.

Выйдя из коровника, я спросил у Василия:

— Ты на дорожку мне баню обещал. Она готова?

— Рано еще, барин. Надо протопить как положено.

— А вода там горячая есть?

— Вода горячая у нас всегда есть, без неё никак. Сколько всего мыть надо.

— Отправь Прохора в усадьбу, пусть помоеся и переоденется. Архип, — исполнительный камердинер был тут как тут. — Езжай с ним, проследи, чтобы все исполнили, да не обижали.

Моему распоряжению Прохор удивился, но молча подчинился. Когда они удалились, я спросил:

— Честно отвечать, задницами не крутить. Как у него с головой?

Первым ответил Емельян, предварительно перекрестившись и поклонившись в пояс.

— Хорошо у него все с головой, добрый очень и руки золотые, а глаз какой. Вот его за это и обговаривают, те кого зависть гложет, — бурмистр не добавил ни слова, только что-то пробурчал и закивал головой, соглашаясь.

Мой учитель снайперской стрельбы всё это время был рядом со мной и молча зорко наблюдал за происходящим. Я подметил, что он очень наблюдательный и его суждения о людях очень правильные.

— А вы, Иван Васильевич, что скажите?

— Ума у него, ваша светлость, поболее чем у многих будет. Особенно у тех, кто его дурачком и малохольным числит.

— Согласен с вами, сударь, целиком и полностью. А теперь вот у меня какой вопрос. Кто будет в деревне старостой? — я знал, что у князей Новосильских давно было заведено играть в сельскую демократию и старост они назначали только из тех, кого предлагали сами крестьяне. И обычно для этого собирался сельский сход.

Но сейчас сход было не собрать, большая часть моих мужиков была в отлучках на промыслах, а толпа наблюдателей была почти из соседских крестьян.

— Тут, барин, и думать не надо, — сразу же решительно заявил бурмистр и показал на сыровара, — только Емельян Матвеич. А ежели я не прав окажусь, то пусть, пока вас не будет, Анна Андреевна прикажет меня пороть каждый день.

Я рассмеялся, предложение мне понравилось, особенно про ежедневную порку.

— Хорошо, будь по-твоему. А ежели есть желание, так я напишу и Анна Андреевна десятка два-три плетей и так будет тебе выписывать.

Часа через два, походив по деревне с бурмистром и новым старостой, я спросил:

— А без Прохора с Буяном справишься? — Емельян Матвеевич понял, что вопрос относится к нему и хитро посмотрел на меня, да так будто насквозь просветил.

— Справлюсь. Ты барин, не сомневайся. А как ты его беспартошного с собой возьмёшь?

— Ты, Емельян ежели не знаешь, лучше помолчи. Есть у Прохора паспорт. Помнишь его в прошлом годе царский управляющий хотел с собой взять, когда к немцам за коровами ездил? — новоиспеченный староста что-то подтверждающе пробурчал. — Так вот их светлость Андрей Алексеевич разрешили и паспорт Прохору выправили. Но когда Государь умер, поездка отменилась, а паспорт остался на царской мызе. Их управляющий уехал с Питер и за него остался Аким Федотыч. Он из мужиков и мы с ним подруживали. Так вот он мне прошкин паспорт отдал.

Бурмистр замолчал, но я видел, что он хочет еще что-то сказать. Я фамильярно подмигнул ему.

— Договаривай давай, обещаю убивать не буду.

— Вот, барин, Аким Федотыч об этом и говорил. Суров твоё новый барин и рука у него тяжелая.

— «Понятно», — подумал я. — «Земля, как говорится, слухами полнится. Ну что же это даже и неплохо.»

Вслух я конечно сказал другое.

— Отлично. Это всё упрощает. Хотя, — я усмехнулся, — не думаю, что в России кто-то будет проверять есть ли паспорт у лакея светлейшего князя.

Я еще немного помолчал, глядя как молодые бабы поят двух телят.

— Ты, Емельян, вот что сделай. От Буяна есть взрослые коровы?

— А как же, барин, есть. И два бычка есть. Их оставили на племя, с царской мызы очень просили. Они уже годятся коров крыть.

— Пока не продавайте. А кройте ими телок и коров, которые от Буяна. И Буян пусть их тоже кроет, — я много раз возил всякую всячину по разным агрохолдингам и в силу природной любопытности многим интересовался. Некоторые мне много показывали и рассказывали. Поэтому, что такое инбридинг я знал.

Емельян повернулся к бурмистру и с обидой сказал:

— Вот, слышишь, что барин говорит. А вы все парня давай дурачить когда он сказал, что такие коровы молока больше дают. Прохор, ваша светлость, — староста почему-то решил перейти на официальные рельсы, — иногда ходил помогать на царскую мызы и там то же такую шутку подметил. А его на смех подняли.

— А учет надоев ведется? — ответ я почти наверняка знал. Но всё равно решил спросить.

— Да какой учет, барин, во всей деревне грамотных всего ничего. Десятник у рыбаков, да Емельян с сыном, — махнул рукой бурмистр.

— А сам-то грамотный? — спросил я и тут же вспомнил его собственноручные письма-отчеты. — Хотя да, я вспомнил твои письменные отчеты. Так вот, Василий, такое положение дел никуда не годится. Учет что бы наладил везде. Удои. Уловы. Когда и кем какую корову крыли, сколько посеяли и другое. Я Анне Андреевне напишу, а она тебе бумагу пришлёт. Дальше, — я зачем-то повернулся и посмотрел на солнце, оглядел окрестности, зачем-то потряс плетень, как бы проверяя его прочность. И только после этого продолжил давать свои ЦУ.

— На мызе всех обучить грамоте, письму и счету. Если нет учителей, напишешь Анне Андреевне. И не дело, что у вас храма нет. Помощь нужна будет — не откажу, но начинайте сами.

Больше говорить мне не хотелось и до дома нового старосты, где меня ожидал Иван Васильевич я шел молча.

Молодой кобыле, выбранной для меня опытными татарскими конюхами, явно хотелось движения и она радостно заржала, увидев меня.

— Инспекция закончена, пора собираться в дорогу. Прохора я беру с собой. Пусть посмотрит за границу, глядишь, чтонибудь дельное узрит.

Прохор известие о своей «командировке» воспринял совершенно спокойно, даже можно сказать равнодушно. Я посмотрел его паспорт, извлеченный бурмистром из своего «секретного» сундука, где он хранил всё нужные ему документы и бумаги.

Прохор Филиппов Крючков, двадцать лет ему исполнилось несколько дней назад,

больше ни какой полезной для меня информации там не было.

Архип доложил, что всё готово к поезду, я распорядился насчет Прохора и мы с Иваном Васильевичем отправились в баню. Затем был скромный ужин. Разговаривать мне почему-то не хотелось.

Никакого волнения перед очередной поездкой в Европу у меня не было. Старушку я знал как свои пять, всё-таки в дальнее я начал работать еще при махровом «совке» и быстро попал по благу «Совтрансавто», где по сути и проработал все свои десятки лет до «попадания». Был небольшой фактический перерыв, когда я пару лет ездил два-три раза в год, совмещая приятное с полезным, свой бизнес с работой по найму, но официально я не увольнялся.

Бывший СССР и Европу за эти годы я исколесил вдоль и поперек, бывал во многих Азиях и Африках. А в Америках, Австралии и Океании просто бывал в качестве туриста.

Поэтому чего мне волноваться. У меня даже не было особого интереса к Европе доиндустриальной эры. Единственное, что мне очень хотелось посмотреть, так это девственный домигрантский Париж, когда он был еще настоящим французским городом.

А всё остальное так, увижу хорошо, не увижу тоже неплохо. Иван Васильевич в Европе то же бывал, немного правда по-другому, с ружьем на плече, но волнения от предстоящего вояжа он не испытывал.

А вот мои камердинеры явно волновались, особенно самый молодой, Герасим. Он и краснел, и бледнел, а пару раз казалось, что вот-вот упадет в обморок.

За ужином Иван Тимофеевич попросил на время дороги отдать ему на обучение Прохора, естественно я такое «щедрое» предложение принял.

Угомонились всё ближе к полуночи. А мне предстояла еще одна почти бессонная ночь, надо было все возникшие на мызе мысли собрать и кучу и внятно изложить на бумаге.

Прохор поделился со мной еще одним наблюдением. На царской мызе иногда бывали большие хлебные отходы и их отдавали коровам. Так вот он заметил, что от этого повышались удои, особенно когда был белый пшеничный хлеб.

У нас в доме то же были хлебные отходы и то же было много пшеничных. Все они резались. Сушились и кому-то продавались за очень умеренную, можно сказать смешную, цену. Просто это был один из семейных «тараканов», один из представителей княжеского рода когда-то в ссылке выжил только благодаря заготовленным с осени сухарям. И своим детям завещал хлеб ни когда не выбрасывать, а сушить на сухари.

Я распорядился что бы хлебные сухари привозились на мызу, а Емельяну велел размачивать их и кормить дойных коров, четко все фиксируя.

Вообще на Нарвской мызе я решил развивать производство молока, племенное дело в этой области и пока коневодство. Со своими татарами я не успел толком, но велел бурмистру это дело то же развивать.

Совершенно отдельной песней были рыбные промыслы, которые велись моими мужиками на Балтике. Лужская и Нарвская губа, где они промышляли в 19-ом веке были богаты лососем, сигом, форелью, камбалой, корюшкой и салакой. Эти места поистине кормили столицу империи. Я решил это дело потихоньку подгрести под себя. Но для этого надо создать соответствующую инфраструктуру и начать надо было с расширения своих владений. Написав об этом сестре, я попросил её провести разведку боем и попытаться провести переговоры с окрестными помещиками.

Свою писанину я закончил опять под утро и сразу же заснул как только сел в карету,

даже не слышал команды «трогай!»).

Ехали мы через Нарву, Дерпт, Ригу, Митаву и Поланген на прусский Мемель, без малого семьсот верст.

Первая большая остановка была в Дерпте, затем в Риге и финишный бросок до Мемеля, первого города Прусского королевства.

Прибалтика 19-ого века близко не лежала ни к советской, ни к постсоветской. По большому счету ничего интересного, достаточно нищая и забитая окраина империи. Представляю, что здесь было во времена Петра Алексеевича, когда все эти места хорошо потрепали во времена Северной войны. Недаром русские местных презрительно называли чухонцами.

Одно правда сразу бросалось в глаза, тут было все-таки почище чем в России, особенно в маленьких городках.

Пруссию мы пролетели практически без остановок только в Берлине переночевали. А так летели почти как русские фельдегеря. Германское чудо еще в будущем и пока здесь смотреть нечего. Вернее в Европе с моей точки зрения есть места поинтереснее. Конечно будущий знаменитый немецкий ордунг явственно просматривался везде и уже была видна нарождающаяся германская мощь, особенно в Рейнской провинции.

Мое равнодушие к Европе и удивительное её знание произвело похоже сильное впечатление на отставного капитана. Он даже пару раз не смог скрыть своего удивления.

Виды северо-восточной Франции были великолепны, здесь еще не было видимых признаков надвигающейся индустриализации, которые в той же Рейнской провинции уже кое-где существенно портили пейзаж, раны революции и войн за десять лет с небольшим почти затянулись, а сохранившаяся средневековая архитектура была местами потрясающе изумительной.

А потом мы приехали в Париж. Вот это было разочарование.

Я в Париже был много раз, перед своей первой поездкой перечитал много книг и пересмотрел много фильмов о французской столице, в том числе "Письма русского путешественника" Николая Карамзина, конца 18-ого века и хорошо запомнил его восторги. Самое интересное что многие парижские чмоки-чмоки сохранились и через двести лет.

Но сейчас я увидел именно тот Париж, который был описан этим великим русским историком.

Как и Карамзин мы въехали в Париж по Версальской дороге, предварительно посетив сам Версаль, который меня не впечатлил. Он в 21-ом веке будет смотреться намного лучше, чище и ухоженнее.

А вот въезд в Париж был именно таким как описал его Карамзин: «Париж покажется вам великолепнейшим городом, когда вы въедете...», ну и дальше по списку. «Через обширный бархатный луг въезжаете в поля Елисейские...».

Елисейские поля очень даже ничего, Лувр после будущих реконструкций Парижа будет смотреться куда лучше, естественно нет Эйфелевой башни, но зато еще есть Тюильри, — дворец французских королей в центре Парижа, составлявший единое целое с Лувром. Его сожгут почти через пятьдесят лет, а может не сожгут. В принципе я должен дожить и узнать его судьбу.

Красоты Парижа на этом естественно не закончились, но я уже не хотел на них смотреть. Я уже увидел описанный Карамзиным ужас Парижа, тот который начнет уничтожать будущий Наполеон Третий. Вот бы критиков его реконструкции перенести

сюда, что бы они это увидели.

Теснота, особенно на улочках острова Сити и квартала Арси, где люди почти в буквальном смысле ходят и живут на головах друг у друга, грязь, некоторые улочки чуть ли метр шириной, есть большие районы, где кругом один камень. А вонь!

И мне сразу вспомнились эпитеты Карамзина: Париж самый великолепный и самый гадкий, самый благовонный и самый вонючий город.

Засилия лиц определенного происхождения и вида пока еще нет, но их уже много, реально много. И это конечно все равно Париж! Но лично мне такое не надо.

В итоге в Париже мы задержались всего на день, при том не в самом, а в какой-то маленькой деревеньке в стороне от Версальской дороги, где было чисто, уютно, просторно и пахло какими-то цветами.

Оказалось, что в Париже делать мне было нечего. Матушка неделю назад укатила на туманный остров. Рекомендации месье Ланжерона пока не потребовались, во время коротких остановок мы устраивали спарринги между собой и нанимать учителя фехтования на несколько часов было совершенно бессмысленным.

Я в обеих своих ипостасях неплохо владел языками, можно даже сказать почти в совершенстве. Молодой князь естественно говорил на французском не хуже чем на русском и прилично говорил и читал на немецком. В России сейчас язык науки еще немецкий.

А у господина-товарища дальнобойщика еще со школьной скамьи были неплохие отношения с английским. Так что я надеялся, что проблем с языками у меня не будет, что и подтвердилось, с немцами я свободно разговаривал и не один француз не заподозрил во мне иностранца.

Иван Васильевич неплохо владел французским и немецким и всю дорогу обучал Прохора грамоте, счету и языкам. А камердинер Петр немного говорил на французском.

5-ого октября я был в Лондоне. Пятое это по нашему календарю, но мы теперь в Европе и здесь не пятое, а семнадцатое.

Лондон 1826-ого года то же не сильно похож на знакомый мне город 21-ого века. Но это уже намного ближе, хотя из очень знакомого и знакового почти ничего еще нет. Кроме пожалуй Собора Святого Павла, Тауэра, Букингемского дворца и Трафальгарской площади. Да и то дворец будут достраивать и перестраивать, площадь только-только появилась, на ней еще нет колонны Нельсона. Вестминстерский дворец еще не сгорел и соответственно нет знаменитого Биг-Бена, нет мостов, которые вот-вот начнут перестраивать и строить новые весь 19-ый век, нет еще и Альберт-холла.

Но уже есть широкие улицы с площадями и общественные парки, главный из которых Гайд-парк, есть формирующийся Вест-Энд и элитные районы Лондона.

Восточные районы и вдоль Темзы, это промышленность и порт. Темза главная транспортная магистраль, на которой постоянные пробки, притом иногда такие, что через реку можно перейти не замочив обувь, прыгая с борта на борт.

В Лондоне еще нет канализации как и во всех крупных городах мира, но это уже крупнейший город планеты, его население давно превышает миллион и он больше того же Пекина. И сейчас это по факту главный город мира, самый большой, самый богатый, самый влиятельный и самый развитый.

И это центр того, что называют демократией, и в нем много рабочих домов, где люди находятся на положении рабов и мрут как мухи. В Лондоне, как и во всей Англии практически нет ограничений на детский и женский труд, город кишит преступниками, но полиции еще нет.

Дамы из высшего общества утонченные мули с безупречной репутацией, их ограждают даже от газет с плохими новостями. Если такая дама вдруг посмеет остаться на минуту наедине с мужчиной, не являющимся её родственником, она может на всю жизнь получить клеймо шлюхи и погубить свою жизнь дамы высшего общества. И в Лондоне огромное количество домов терпимости, но там на жизнь зарабатывают женщины из других слоев общества.

Удивляться появляющемуся атеизму лондонцев может только наивный человек. Так же как и тому, почему там скоро совьют гнездо всякие революционеры.

Меня всегда удивляло, как можно ставить Лондон на первое место перед тем же Питером. Петр Великий взял и построил Петропавловскую крепость и на века и Петергоф тот же. Екатерина Великая Зимний дворец и что бы осмотреть в него сейчас имеет право прийти практически любой мужчина.

Но я стремился в этот город для того, что бы заработать в нем кучу денег, что бы с их помощью заработать еще большую кучу денег, а потом еще, еще и еще.

Самым легким и быстрым способ я счел игру на бирже и в букмекерских конторах. Как это выглядит на практике я еще не знал и поэтому решил сам ехать в Лондон, а не полностью поручать это дело другому человеку.

Я перестраховался и ни каких реальных денег у Сергея Петровича не было, так же как и в Москве. Там схема была простой: покупатель отдавал деньги и они тут же уходили кредиторам и абсолютно все операции проводились через банкирский дом «Штиглиц и К°»

барона Людвиг фон Штиглица. Поэтому я не переживал, что Сергей Петрович может меня обворовать.

В Петербурге я также все операции провел с помощью этого же банкирского дома. Это кстати было мне не совсем выгодно, в итоге я потратил на погашение долгов тысяч на пятьдесят больше, заплатив эти деньги банкирскому дому за услуги.

Но я это сделал сознательно. Барон был придворным банкиром русских императоров и ворочал десятками миллионов и воровать мои достаточно скромные для него средства резонов не было.

Но как частный клиент я был очень даже ничего. Когда я закончил все операции с продажей недвижимости и погашением долгов, барон пригласил меня на обед. Там где большие деньги, там нет разницы в возрасте и барон разговаривал со мной на равных, хотя был по моему старше моего родителя.

Барон возможно состояние моих финансов знал даже подробнее меня, я был уверен, что после проведения таких огромных для частного лица платежей он внимательно следит за моей деятельностью. В моих планах было привлечение его средств для моих операций.

Гостей у барона кроме меня не было и за столом были еще его жена и двое сыновей, старший сын Николай был немного постарше, а младший Александр наоборот младше меня.

Когда мы остались одни, барон задал мне прямой вопрос.

— Скажите, князь, почему вы оставили часть вырученных средств и не направили их на погашение долгов, ведь логика ваших действий была совершенно другая. Вы стремились максимально расплатиться с долгами и вдруг останавливаетесь. Хотя у вас в итоге долгов осталось бы всего ничего. Вы навели порядок в имениях и смело можете рассчитывать на значительные доходы, два-три года и долгов нет.

К чему-то подобному я был готов, но столь прямого и откровенного вопроса не ожидал. Ну что же это даже лучше, можно без всяких политесов и недомолвок обсудить возможность нашего сотрудничества.

Я улыбнулся как можно очаровательней и начал свою речь.

— Уважаемый барон, сейчас я вам все объясню, разложу по полочкам. За ваши услуги при продаже домов и погашение долгов я заплатил около пятидесяти тысяч, — моя фраза была намного странноватой, полувопрос, полуутверждение. Но барон кивнул соглашаясь и это был добрый знак.

— Согласитесь, особой необходимости так делать у меня не было, я бы мог спокойно сделать это и сам. Для этого нужно было задержаться в Москве и потратить несколько дней в Петербурге. Но я это сделал сознательно и специально. А не по глупости или не пониманию.

Барон слушал меня так внимательно, что на ум пришло сравнение, весь обратившись в слух. Воробей он был стрелянный и запах денег наверное чувствовал за несколько верст.

— Я хочу заработать много денег и рассчитываю на вашу помощь и поддержку.

Барон изобразил улыбку и легкий поклон головы, типа спасибо за доверие.

— Англия, Франция и Россия помогают грекам в их борьбе с османами, мы вроде как союзники. В тоже время британцы натравливают на Кавказе на нас персов. Они дали шаху денег и послали своих инструкторов, чтобы подготовить к новой войне персидскую армию. Война начнется через несколько недель и будет по началу для нас не удачной. Акции банков, выдавших персам кредит, резко поднимутся, но в начале осени всё измениться и персы начнут проигрывать и акции заинтересованных игроков пойдут вниз. Но так как

выделенные суммы не столь велики и их потеря для банков не смертельна, это падение будет временное. Согласитесь, Людвиг Иванович, на этом можно хорошо заработать.

— Соглашусь, Алексей Андреевич, но почему вы так уверены, что события будут развиваться именно так?

— Уважаемый Людвиг Иванович, если вы подумаете, то частично сами ответите на этот вопрос. Я могу честно объяснить логику своих умозаключений, но вы тогда то же честно ответите на пару моих вопросов, — барон откинулся на спинку стула и пристально посмотрел на меня.

— Вам, князь всего шестнадцать, а разговариваете как человек, умудренный жизненным опытом и глубоким знанием. Я вас слушаю.

— Подписанный после последней войны Гюлистанский мирный договор не дает спокойно жить ни персам, ни британцам. Мы еще вместе воевали с Наполеоном, а они уже подписали договор направленный против России. Английские офицеры начали готовить новую персидскую армию, британцы дали денег персам и пообещали еще около миллиона рублей в случае начала войны.

Всё, что я говорил были общие фразы и езда по ушам, не мог же я сказать, что просто знаю ход будущей войны. Но мне надо было как-то склонить барона к сотрудничеству.

— События на Сенатской площади внушили персам надежду на внутреннюю слабость России и возможную оппозицию Государю в армии и высших кругах империи. Ведь не секрет фамилии бунтовщиков, симпатии к ним например генерала Ермолова. Скоро будет суд и его приговор будет суровым. Несколько человек взойдут на эшафот, впервые кстати с пугачевской казни и это будет удобный момент нанести удар по России. Князь Меншиков, посланный в Тегеран, ничего не добьется и в середине июля персы нападут на наши войска на Кавказе.

Барон долго молчал, я на самом деле никакую логику своих умозаключений не объяснил, но точная сумма обещанная англичанами персам и названное мною время начала военных действий похоже убедили барона.

— Хорошо, что вы хотите от меня услышать?

— Первое, согласны ли вы с моим предположением, что в Англии больше всех вложилась в это дело Ост-Индская компания, понесшая большие потери в последней войне персов с османами, — барон заулыбался, в моем вопросе был и ответ о моих планах.

— Дальше, князь, можете ничего не объяснять, ваш план понятен. Но сейчас меня больше интересует другое. Вы сказали первое, значит есть второе и возможно третье, — фон Штиглиц перестал улыбаться и не мигая, узрился на меня.

— Да барон, есть второе и оно для меня очень существенно. Мне хотелось бы знать ваше мнение о господине Охоткине, насколько ему можно доверять?

Банкир отвернулся от меня, налил себе вина и несколько минут пил его, смакуя. Понятно было, что он размышляет, стоит ли ему, придворному банкиру русских императоров, так сблизиться с каким-то молодым выскочкой, пусть и из первого российского десятка.

Приняв какое-то решение, он поставил бокал и резко отодвинул его от себя.

— Я был в курсе перипетий отношений княгини Елизаветы Павловны с генералом Бенкендорфом. Среди заговорщиков племянник господина Охоткина, его единственный родственник. Надо полагать вы знаете, что все дела в основном рассматривают двое: Бенкендорф и Чернышов? — я кивнул: да, знаю. — Так вот, дело поручика Охоткина уже

рассмотрено и он переведен в Кавказскую армию. Его дядя поклялся до гробовой доски служить своему благодетелю.

Откровенность барона меня поразила. О таких вещах просто так не рассказывают. Похоже я от этой встречи получу даже больше ожидаемого.

Подождав пока я переварил услышанное, барон продолжил.

— Насколько вы можете доверять этому господину, решать вам. А теперь вернемся к вашему первому вопросу. В своем предположении мы правы и я готов составить вам компанию в этой игре, если ваши предположения подтвердятся.

К середине августа все мои предположения подтвердились. Пятеро декабристов были казнены. Миссия князя Меншикова провалилась, персы начали войну и она пока была неудачной для России.

Барон написал мне рекомендательное письмо в банкирский дом Ротшильдов и я стал их клиентом. Пока мои интересы представлял господин Охоткин.

Следуя моим инструкциям Сергей Петрович купил акции Ост-Индской компании накануне начала войны используя мои средства и барона. Как только пришли известия об успехах персов и отступлении русской армии акции сразу начали расти в цене. И даже первые известия о неудачах персов не изменили настроения на бирже.

25-ого сентября, по европейскому календарю, состоялось сражение под Елизаветполем в котором русская армия под командованием генерала Паскевича численностью восемь тысяч человек разгромила тридцатитысячную армию персов. Этот день мною был намечен для начала продажи акций Ост-Индской компании. Они котировались высоко и с середины лета, когда Сергей Петрович начал их скупать подросли процентов на десять. Так что, если даже из моей затеи ничего не получилось бы, все равно в итоге есть маленькая прибыль.

Но всё сработало как я и задумал.

Рекомендации Штиглица сработали и Сергею Петровичу удалось наскрести достаточно крупную сумму для этой биржевой игры — почти двести тысяч фунтов стерлингов. Моих средств там было примерно четверть, четверть деньги самого барона, а остальное заемные средства. На эти деньги и были куплены акции.

Это конечно была биржевая игра достаточно мелкого масштаба. Но все таки заметная и она внесла нотку нервозности. А когда стали приходить известия о разгроме персов курс просто рухнул.

Ост-Индская компания была еще монстром и ей это было как слону дробинка, но несколько дней шла небольшая распродажа и её акции упали в цене чуть ли на четверть. Здесь надо было угадать когда они прекратят падать и начать их покупку. Сергей Петрович здесь ошибся всего на один день.

Когда я появился в Лондоне, небольшая биржевая паника закончилась, все биржевые спекулянты наконец-то задались вопросом, а что собственно случилось и стоимость акций даже стабилизировалась на тех же уровнях что были летом, когда началась моя игра.

Мне же оставалось только снять сливки.

Сергей Петрович снимал небольшой домик в северном предместье Лондона. Когда он вышел встречать нас, я поразился произошедшей в нем перемене, оказывается господин Охоткин умеет довольно улыбаться.

— Я вижу вам, Сергей Петрович, не терпится скорее дать отчет о своей деятельности? — сразу же спросил я, решив не томить его. — Я думаю, что вы жаждете это сделать немедленно, но хотя бы с дороги дадите воды напиться?

— Нет, ваша светлость, сначала отчёт.

— Ну что же, как скажите. Я правда предчувствовал такой расклад и напился когда Иван Васильевич спрашивал дорогу.

У Сергея Петровича всё было готово к отчету и он занял буквально несколько минут. Результат был просто великолепный, если сейчас продать все акции, то после возвращения взятого у Ротшильдов кредита и расчета со Штиглицом мой свободный капитал существенно увеличился и составил без малого миллион рублей.

Но это было не всё. Сергею Петровичу удалась задуманная нами небольшая авантюра. Он начал посещать лондонские клубы, где собирались любители играть на скачках. Ему удалось познакомиться с небольшой компанией лондонских повес, в которой спорили по мелочам абсолютно на всё. Когда приблизился час X, он предложил своим новым знакомым пари, что в предстоящем сражении победят русские.

Его предложение вызвало просто дикий восторг и желающих поучаствовать оказалось предостаточно.

Сергей Петрович поставил пять тысяч фунтов, а против него поставили пятьдесят. Какого же было потрясение участников спора когда он выиграл.

Но всем участникам это очень понравилось и они договорились продолжить заключать такие пари.

Заканчивая свой рассказ о оказавшемся таком выгодном пари, Сергей Петрович с лукавой ухмылкой спросил:

— Ваша светлость, на ваш взгляд стоит ли развивать дальше отношения с этой публикой?

— Конечно стоит. И мало того надо помочь им организовать в клуб, назовем его биржей ставок, где его участники будут заключать пари между собой на военные, политические и прочие события. Условие одно: спорщики не нарушают писанных законов и норм морали и нравственности, — я сделал вид что задумался и выдал идею на гора.

— Например, в продолжение вашего спора открываете подписку на исход русско-персидской войны: кто победит, как скоро и будут ли территориальные потери у проигравшей стороны. Тут я думаю никто уже не сомневается в победе русского оружия. Но вопрос когда и что потеряет Персия на этот раз.

Я никак не мог придумать, как же преподнести свои знания идущей войны в Греции. Но когда я заговорил о подписке на исход персидской войны, мне в голову пришла неплохая идея.

— Или вот такая тема. Сейчас в Греции идет война. Для подписки предложить такие темы. Когда она закончится? Вмешаются ли державы напрямую в неё например силами флота? — как то надо обыграть будущее Наваринское сражение. Оно будет через год, вполне можно успеть раскрутить мою идею.

Дальше я стал двигать идею организовать на этой основе вообще английский клуб в моем понимании: достаточно демократичный, но со строгими правилами, со временем обязательные членские взносы и рекомендации. Чтобы в клубе можно было хорошо и выгодно обедать и ужинать, при необходимости переночевать или даже пожить несколько дней, устроить вечеринку или дать обед.

Всё это я представлял достаточно смутно. У меня были какие-то представления об этом а-ля Шерлок Холмс, да обед данный в честь Багратиона в московском Английском клубе в описании Льва Николаевича. Мне он хорошо запомнился со школы, на нем состоялась ссора

Безухова с Долоховым.

Я несмотря на свою знатность его членом пока не состоял, в отличие от родителя и что бы не получить обидного щелчка по носу пока и не рыпался. Всему своё время.

Моя идея Сергею Петровичу понравилась и он даже хотел начать её развивать. Но у меня были другие планы.

— У вас Сергей Петрович, будет уйма времени для претворения этих мечтаний в жизнь. Но меня сейчас интересуют три персоны: моя матушка, княгиня Елизавета Павловна, тетушка моего родителя, достопочтенная баронесса Екатерина Андреевна и моя крестная.

Сергей Петрович тут же переключился и начал отчет о своей околосветской лондонской жизни.

— Визит баронессе я нанес сразу же по прибытию в Лондон. Меня приняли очень сердечно и я дважды в неделю бываю у Екатерины Андреевны. Ваша крестная уехала в Индию, её муж там получил какой-то важный пост, а матушка приехала третьего дня и остановилась естественно у тетушки.

— Сергей Петрович, вы как-то странно сказали о княгине, выкладывайте в чем дело.

По всему было видно, что разговора на эту тему Сергей Петрович хотел бы избежать, но как говорится не судьба.

— Ваша матушка, светлейшая княгиня Елизавета Павловна, собирается выйти замуж за гражданина Соединенных Штатов Америки и уехать за океан. Бракосочетание состоится в ближайшее время. Так как она не планирует оставаться жить в Европе соответственно некоторые вопросы приличия её не волнуют.

Вот это новость, так новость. Хотя в том, что матушка найдет себе нового спутника жизни я не сомневался. Но не так скоро и не такого.

— И кто таков избранник пока еще светлейшей княгине?

— Он представляется как Джо Мюррей-младший. Сорок пять лет. Овдовел два года назад. Трое взрослых детей, двое сыновей и дочь. Житель Нью-Йорка. Торговец мясом. Владеет несколькими скотобойнями в своем штате. Джо Мюррей-старший его покойный отец.

— А что он в Европе делает? — Сергей Петрович скривился в ухмылке.

— Как вы, ваша светлость, любите говорить: совмещает приятное с полезным. Ждет свою даму сердца и ищет деньги, он хочет заняться в Америке строительством железных дорог.

— А с чего это владелец скотобоен решил строить железные дороги?

— Его старший сын талантливый инженер, но не умеет считать деньги, вот он и решил этим заняться сам.

— Понятно. А где и когда они познакомились?

— Два года назад в Италии, когда он привез туда свою жену. Она из Милана и пожелала умереть на родине. Свою жену господин Мюррей очень любил и выполнил её просьбу. Он даже итальянский язык выучил.

— Интересно, а как у него с русским?

— Учит и уже достаточно прилично говорит.

— Что на это всё говорит тетушка? — Сергей Петрович развел руками.

— А что она может сказать, она же их и познакомила. Господин Мюррей какой-то родственник её покойного мужа. Ваша матушка ждет вас, она надеется, что вы её поймете и не будете держать на неё обиды, все-таки повторно выходить замуж когда не прошло и года

со смерти первого мужа не прилично. Господин Мюррей также ждет вас, он рассчитывает с вашей помощью получить кредит у Ротшильдов.

— Сергей Петрович, я потрясен. Задав один вопрос, я получил ответ на десять. Осталось два вопроса, вернее три.

— Я думаю, вас интересует насколько этот господин заслуживает доверие, чтобы рисковать какими-нибудь средствами, о какой сумме идет речь и каковы источники моей информации.

— Да, — ответил я после небольшой паузы.

— Господина Мюррея интересует сумма в сто тысяч фунтов. Два месяца назад я решил, что вся информация об этом господине требует проверки и послал в Нью-Йорк трех человек. Они независимо друг от друга собрали всю необходимую информацию. Кое-что я узнал здесь. Затраты на это составили три тысячи фунтов. Деловая репутация господина Мюррея можно сказать безупречна. А вот сыну, несмотря на его гениальность гроша ломаного давать не стоит.

Баронесса Екатерина Андреевна была сестрой деда светлейшего князя Алексея Андреевича. В шестнадцать лет её выдали замуж за английского барона и она уехала на туманный Альбион. Трое сыновей погибли в войнах с Наполеоном, потом умер муж.

Остаток жизни она доживала в небольшом фешенебельном особняке Лондона на северной стороне Пикадилли. Богатство и знатность позволяли ей жить так как она считала для себя нужным. К высшему свету английской столицы она относилась с большой иронией и в грош не ставила, особенно его женскую половину.

Екатерина Андреевна мне показалась сошедшей с картины копией своей тезки, российской императрицы, только очень старой. А матушкин избранник был высокий широколицый мужчина с пшеничными буденовскими усами.

Некоторую неловкость первых минут быстро сгладила старая тетушка, она как коршун налетела на меня и пару минут крутила меня как куклу. Затем очень довольная изрекла:

— Точная копия деда, прямо один в один.

За столом она почему-то больше всего говорила о глупых обычаях английских клубов. Особое возмущение у неё вызывала история, когда победителю Наполеона было отказано в одном из клубов из-за того, что он пришел в брюках, а не в положенных у них панталонах.

Матушка явно была не в своей тарелке, она то краснела, то бледнела и все никак не могла начать разговор со мной. Улучив момент, я решил придти ей на помощь.

— Сергей Петрович доложил мне что вы, сударыня, выходите замуж за господине Мюррея, — я кивком головы показал на американца о чем-то оживленно беседующего с Иваном Васильевичем у камина.

— Да, Алексей, это так и я..., — княгиня начала говорить таким извиняющимся тоном, что я не захотел её слушать и перебил.

— Если вы хотите мне что-то объяснить или извиниться, то это совершенно ни к чему. Если вы помните, то я вам сказал, что вы свободная женщина и вольны поступать как вам угодно. Никаких претензий у меня нет. Какие у нас сложатся дальнейшие отношения целиком зависит от вашего будущего супруга.

От моих слов княгиня вся аж просияла.

— Алексей, Джо обеспеченный человек и я не буду нуждаться ни в каких средствах с твоей стороны. Но ты не мог бы оказать нам небольшую услугу? — делать вид, что не понимаю о чем идет речь я не стал и прямо спросил.

— А какой сумме и на каких условиях идет речь? — матушка явно не ожидала такого поворота нашего разговора, смутилась и пролепетала:

— Наверное лучше с Джо поговорить.

— Думаю, что да.

С будущим родственником я беседовал почти два часа и в конце концов решил рискнуть: дать ему полмиллиона своих денег, именно своих, а не помочь взять кредит. Но не в долг, а как долю в его будущем предприятии. После некоторых размышлений господин Мюррей согласился. Я позвал Сергея Петровича и он тут же составил нужную бумагу. Я получил в будущем предприятии будущего матушкиного мужа сорок процентов при условии, что в течении пяти лет я в это дело инвестирую такую же сумму.

До самого нового 1827-ого года я был занят великосветской жизнью и поездками по Англии. Баронесса Екатерина Андреевна открыла мне все великосветские салоны Лондона, везде знатный и вероятно богатый русский светлейший князь был желанным гостем. Думаю многие дамы, у которых были на выданье дочери, прикидывали свои шансы увидеть меня своим зятем.

Я побывал где возможно и на английских фабриках и заводах. Произвел настоящий фурор в научных кругах Лондона, где завел много полезных и нужных знакомств. В графстве Суссекс я нашел большую ферму, куда решил определить на обучение Прохора. Мне его посоветовали мои новые научные знакомые и дали нужные рекомендации. Это хозяйство отвечало всем моим требованиям.

Его хозяин был простой английский мужик, дед и отец которого своим трудом выбились в люди и создали большую ферму. И звали его совершенно по-простому Джон Смит, но с небольшой приставочкой. Он был третьим и из Суссекса. И везде представлялся Джон Смит-третий из Суссекса. Я рассчитывал, что хозяин не будет загибать пальцы перед простым русским крестьянином.

Второй причиной было то, что здесь был полный цикл производства: производство кормов, воспроизводство КРС и свиней, в том числе и племенное дело, выращивание скота, забой и первичная переработка.

Третьей причиной было то, что за обучение своего специалиста мне не надо платить. Джон посмеялся и сказал, что требовать плату за бесплатные рабочие руки сверх наглость.

Сергей Петрович без раскачки взялся за организацию придуманной нами биржи ставок. На северо-востоке Лондона он нашел хорошее пустующее помещение, оформил его длительную аренду с правом выкупа и сразу начал его оборудование.

Новое заведение он назвал клубом молчунов. Сердцем клуба был большой зал, разделенный на сектора, вход в который был открыт абсолютно для всех независимо от пола, национальности, социального и имущественного положения. Входной билет стоил сущий пустяк — пять фартингов, то есть чуть больше пенса. Тот или та, кто не желал быть узнанным мог прийти в маске и если кто-то выказывал свое недовольство этим или вдруг пытался узнать кого скрывает маска, то такой джентельмен или леди тут же выставлялись за дверь.

Требований к гостям было несколько: приходиться чисто и опрятно одетыми, трезвыми, вести себя пристойно, не буйнить и не напиваться в хлам. Напитки были самые разнообразные от эля до крепких ромов. Также как и стол, практически всё, что угодно английской душе.

За порядком наблюдали специально нанятые дюжие молодцы. Которые ни с кем не

церемонились и нарушителей сразу же выпроваживали на улицу невзирая на титулы, звания и толщину кошелька. Здесь можно было уже начинать играть на бирже ставок, узнать какие ставки есть или объявить свою.

А вот для членов клуба были еще и отдельные залы, в том числе чисто женские, еврейский и еще какие-то особые. В чем будет их особенность пока непонятно, дальше видно будет.

Вот эти залы и были собственно заявленным клубом молчунов. Там бесплатно подавали определенный ассортимент блюд и напитков, но можно было сделать и дополнительный заказ выпивки и еды, делались ставки на бирже или объявлялись свои ставки. Других разговоров никто не вел: только заказ, справка о ставках и сама ставка. Членский билет стоил пять фунтов, можно было с рассрочкой, ежегодный взнос в дальнейшем один фунт.

В эти залы были и гостевые билеты разной стоимости: от флорина до фунта. Если члены клуба или гости хотели побеседовать о чем-либо, к их услугам были отдельные кабинеты.

Гостевой фунтовый билет давал возможность провести в клубе ночь, а член клуба мог провести в клубе трое суток подряд.

Задавать вопросы в клубе было не принято и правила поведения были еще более суровые, чем в общем зале.

Когда Сергей Петрович изложил мне свой план, первой моей мыслью было, что он бредит. Организовать такое заведение сейчас в первой половине 19-ого века, даже в Лондоне, на мой взгляд не реально. Конечно положение женщин и евреев не такое как лет сто назад, но такое равенство как он задумал совершеннейшая фантазия.

Также как и социальное равенство. Какой-нибудь герцог или другой человек с голубой кровью будет сидеть за одним столом с простолудином, который чисто оделся, купил фунтовый гостевой билет, не чавкает и не сквернословит за столом? Нет, это был на мой взгляд прожект чистой воды.

Но совершенно неожиданно для меня дело у Сергея Петровича пошло, да еще как пошло.

Земля слухами полнится. Стоило ему объявить о своей идеи в компании спорщиков, проигравших ему кучу денег, как они дружно поддержали эту идею и начали запись в члены еще не существующего клуба со сбором взносов.

Я на это дело дал, скрипя сердцем, бешеные деньги — двадцать тысяч фунтов и то только потому, что Сергей Петрович выиграл крупное пари. Но взносов за месяц было собрано столько, что их с моим взносом с лихвой хватило на организацию клуба как задумал его основатель и учредитель.

Первого декабря клуб открыл свои двери. Успех был феерический. За несколько дней клуб завоевал бешеную популярность, все его залы были заполнены чуть ли не круглые сутки. Многие члены клуба сразу же начали приезжать и утром — завтракать.

К Рождеству все затраты на клуб окупились и он даже принес первую прибыль.

Больше всего меня удивило, что в клуб сразу же начали ходить и ездить дамы, светские и не очень. И евреи, причем не только лондонские, пару раз Сергей Петрович видел гостей и с континента. Эта публика старалась приезжать тихо и незаметно, было правда несколько евреев которые с удовольствием посещали общий зал.

Я, естественно, как и Сергей Петрович с Иваном Васильевичем купили себе членство в клубе и посещали его на общих основаниях. Членские билеты я купил и всем своим людям.

Матушка со своим Джо то же приобрели членские билеты и несколько раз были в клубе.

Но самым большим потрясением для меня было посещение клуба тетушкой и её поведение там. Она гульнула можно сказать на всю катушку: пила, ела и веселилась в компании каких-то матросов. пела с ними даже не совсем пристойные песни. А после этого тетушка всем рекомендовала наш клуб как место, где можно хорошо и от души провести время.

Свои отношения княгиня Елизавета Павловна и мистер Мюррей оформили при первой же возможности после моего приезда еще в октябре. Джо похоже очень любил матушку и согласился венчаться по православному обряду.

Венчание прошло в домашней церкви при посольстве России. Это первая русская церковь появилась здесь еще в 18-ом веке благодаря хлопотам Петра Великого. На венчании были всего несколько человек. Как говорится только свои.

Сразу после венчания Джо развил кипучую деятельность, готовясь к своему отъезду и будущему железнодорожному строительству за океаном. Он объехал наверное всю Англию и сразу же после Рождества, католического и англиканского, естественно они собирались отплывать за океан.

Один из новосёловских мужиков, Мефодий, взятый матушкой с собой в Европу, наотрез отказался ехать в Америку. Его даже не прельстила воля, которую он сразу же получил бы там. К моему удивлению, он попросил пристроить его к Прохору и Джон мне в этой просьбе не отказал.

Нанес я визит и моему банкиру Натану Майеру Ротшильду, главе клана в Лондоне.

Когда-то мне пришлось прочитать несколько книг по несколько раз подряд. Мы двумя машинами зимой на горном перевале застряли на две недели, двое моих напарников всё это время не просыхали. А четвертый вез на заказ несколько книг и мы с ним что бы не одуреть от безделья по два-три перечитали эти четыре книги. Участвовать в пьянке не хотелось, да и потом кому-то надо будет садиться за руль — эти два синяка после возвращения от излишеств отходили почти две недели.

Так вот там была книга про Ротшильдов какого-то англичанина кажется. Я её прочитал целых четыре раза и очень хорошо запомнил. И премного удивился полученному приглашению от Натана Ротшильд. На великосветскую мишуру он не велся и мой громкий титул ему был пустой звук. Значит Штиглиц написал обо мне что-то такое, что я заинтересовал одного из главных финансовых воротил мира.

К моему удивлению других гостей не было и за столом были только сам Натан, два его брата: Соломон — глава венского дома, Джеймс — глава парижского дома и старший сын восемнадцатилетний Лайонел, утонченный еврейский юноша, студент Гёттингенского университета.

Как это не удивительно, но это был действительно простой обед, как я понял его целью было показать меня братья и сыну. Я знал, что Джеймс через десять лет после смерти Натана станет во главе семьи, а Лайонел возглавит лондонский банк. Ну что же познакомились, а дальше видно будет.

Особняк Ротшильдов был на Пикадилли, как и тетушки Екатерины Андреевны. Она любезно предоставила мне две кареты и в одной из них я и приехал. Со мной был Петр в качестве кучера, а в карете ехал Иван Васильевич. Обычно на запятках был еще кто-нибудь, но через два дня был намечен матушкин отъезд и она попросила помочь ей собраться. Английской прислуге она не доверяла и я послал помогать своих мужиков, решив, что с меня

будет достаточно и Петра.

Попрощавшись с хозяевами, я вышел из дома. Карета почему-то оказалась не перед подъездом, а немного в стороне, где была полутьма.

Я не придавал этому значения и направился к своей карете. Передо мной шел лакей с газовым фонарем. Когда он остановился и открыл мне дверь кареты, фонарь неожиданно погас, а мне между лопаток уперся ствол пистолета и кто-то сзади близко-близко, точно над самым ухом, медленно и тихо прошептал:

— Если ты, князь, не хочешь получить пулю, то сейчас мы с тобой спокойно садимся в карету. Только без глупостей, в карете тебя ждет мой товарищ и у него в руках то же пистолет. Ты даешь команду кучеру и мы как ни в чем не бывало уезжаем.

Открытая дверь кареты и лакей частично перекрывали обзор Петру и он ничего не видел в полутьме. Подлец-лакей, который явно был заодно с нападавшим, с ехидно-сальной улыбочкой изобразил поклон и сделал приглашающий жест садиться в карету.

Делать нечего, надо подчиняться и я шагнул в темноту кареты, нападавший, судя по звуку, заткнул пистолет за пояс и сел следом за мной.

— Петр, трогай, — скомандовал я, а лакей тут же поспешил закрыть за мной дверь кареты.

Как только мы тронулись карета осветилась. Кто-то снял плотный абажур с газового фонаря внутри кареты.

— А теперь, дружок, ты сиди тихо и не дергайся. Иначе я тебя пристрелю, будь уверен, — спокойный голос Ивана Васильевича был для меня бальзамом, а приставленный ко лбу бандита пистолет прямо картина маслом.

Я спокойно выдернул из-за пояса бандита пистолет и огляделся. Напротив меня в углу кареты скрючился еще один человек, со связанными за спиной руками и кляпом во рту. Иван Васильевич сидел прямо напротив напавшего на меня и с ехидцей смотрел на него, держа в руках два пистолета.

— А вы, Алексей Андреевич, мне не верили, — пару недель назад я попросил Ивана Васильевича перейти со светлости на имя-отчество. — Давай, разворачивайся, сейчас я тебя то же спеленаю, что бы у тебя ненужных желаний не появлялось.

Плотно связав бандиту руки, отставной капитан развернул его ко мне лицом.

— Кто такой и что тебе от меня надо? — перед нами сидел молодой человек классической еврейской внешности с тонкими чертами лица и густыми черными вьющимися волосами, чем-то неуловимо похожий на Лайонела Ротшильда, такой же subtilный, но вероятно постарше.

Его лицо мне было знакомо, но отвечать он явно не спешил и в результате получил стимулирующий тычок ствола пистолета и осязаемый удар по ребрам, от которого ойкнул и начал отвечать.

— Меня звать Соломон, — неудачливый бандит сделал паузу и тут же получил следующую порцию стимулятора.

— Что у английских жидов фамилий нет или запомнил? — после третьего удара по ребрам в глазах молодого человека появился страх и у него затряслись губы, он похоже понял, что это всё может для него плохо кончиться. Действия, а самое главное интонации Ивана Васильевича явно ничего хорошего ему не предвещали.

Услышав голос нападавшего, я сразу узнал его. Это был один из кассиров банка Ротшильдов. Когда он три дня назад обслуживал меня к нему подходил какой-то клерк. Отходя, он с гордостью сказал мне.

— Это мой младший сын Соломон, ваша светлость. Он очень способный и хороший мальчик. Ему всего двадцать, а уже кассир. Вы не представляете, как он быстро считает, — то что это были отец и сын ясно было с одного взгляда, настолько они были похожи.

Я улыбнулся, насколько искренне этот человек был рад, что его сын уже кассир у самого богатого человека Англии, а может и мира.

И вот теперь этот Соломон, гордость еврейского банковского клерка Ротшильдов, со связанными руками и трясущийся от страха губами, сидит передо мной.

— Ты кассир у Ротшильдов, тебе двадцать лет, твой отец то же служит в банке, а это наверное твой брат, — я показал на второго пленника, сидящего в другом углу кареты. Услышав моё предположение, он утвердительно запищал. — Порадовали вы отца, ничего не скажешь.

По дороге до дома я успел допросить Соломона. Лакей Ротшильдов был третьим, старшим сыном банковского клерка. И услышанная мною история была достойна пера будущих классиков детективного жанра.

Отец братьев, тезка главы банка, был одним из доверенных лиц Ротшильда и служил этой семье с малолетства, как и его отец. Естественно дети то же пошли по стопам отца.

Старший в итоге стал особой приближенной к телу мирового финансового паука, доверенным лакеем Натана и то, что он пошел меня провожать было знаком интереса

Ротшильда к моей персоне.

Второй сын был наверное откровенно глуповат, но у него был красивейший каллиграфический почерк, причем и писал он очень быстро, поэтому он служил простым писарчуком в банке. А вот третий сын — Соломон был умен и очень честолобив.

В отличие от отца он был не доволен положением своей семьи в клане Ротшильдов. Доводясь им каким-то дальним родственником, Соломон считал что они достойны большого.

Ядом зависти он постепенно отравил своих братьев и они решили взять свое: ограбить Ротшильдов и убежать в Америку.

Услышав это, я не удержался и рассмеялся. В той книге про Ротшильдов была история ограбления где-то году в шестидесятом Джеймса на тридцать миллионов франков. Оградил его то же кассир и тоже убежал в Америку.

Похоже быть ограбленными кассирами у них на роду написано.

Приезд двух Ротшильдов с континента был очень удобным моментом, они должны будут уехать вместе, с большими суммами денег и какими-то важными бумагами. Сделать это братья-разбойники хотели, не мудрствуя лукаво, обычным гоп-стопом, уличным грабежом с применением насилия.

На мне Соломон решил потренироваться, да и повязать для надежности совершенным преступлением своих братьев. Он знал, что на последних колебаниях на бирже я сорвал неплохой куш и решил немного подоить молодого и как он решил, глупенького и трусоватого русского князька.

В своем рассказе Соломон опустил не большую подробность, на которую мы с Иваном Васильевичем сразу же обратили внимание. Из его рассказа было непонятно, как сохранится тайна участия в моем ограблении старшего брата.

После правильно заданного вопроса Соломон признался, что когда они уже пошли на дело, он то же об этом подумал и решил убить меня и Петра.

Рассказ Соломона вызвал бурную и гневную реакцию Ивана Васильевича. Я бы возможно пропустил бы это мимо ушей, но он неожиданно заявил, что вот она гнилая жидовская сущность.

Я даже растерялся от такого перла бывшего капитана, но потом спросил его, а что уличными грабежами занимаются только евреи. Если бы дело обстояло так, то были бы целые города и государства где нет такой преступности, так как там нет евреев. В той же матушке-России есть черта оседлости, однако даже там, где почти нет евреев, есть уличные грабители.

Иван Васильевич моим вопросом был озадачен, не знаю изменил ли он свою точку зрения, но эту тему развивать перестал.

Готовясь к ограблению, они устроили за мной небольшую слежку, которую вчера вечером обнаружил Иван Васильевич и по этой причине поехал со мной к Ротшильдам и остался в карете.

Когда старший брат, лакей Ротшильда, под каким-то непонятным предлогом сначала попросил Петра отъехать в другое место, а затем позвал его якобы уточнить не наша ли найденная им подкова, старый опытный капитан насторожился и приготовился к возможному сюрпризу.

Заскочившего в карету среднего брата он сразу же оглушил, засунул ему в рот кляп и крепко связал. После этого зажег фонарь, накрыв его потом плотным колпаком, проверил

пистолеты и стал ждать дальнейших событий. Допрашивать пленного и предупреждать об опасности Петра он не стал, резонно решив, что где-то рядом наверняка сообщники и рано поднятая тревога может их спугнуть.

Допрошенный с пристрастием второй брат рассказал такую же историю и они сели писать «чистосердечные» признания. Все мои люди успели вернуться от матушки, так что присматривать за ними было кому, а Сергей Петрович поехал за «уважаемым» отцом бандитской тройки.

К его приезду письменное бандитское творчество было завершено, братья с кляпами во рту в связанном состоянии были усажены на стулья, как это станут делать в следующем веке.

Благообразный банковский клерк, излучающий спокойствие и уверенность в себе и своем положении исчез, Сергей Петрович привез мне убогого трясущегося старика с включенными седыми волосами.

Увидев меня, он повалился мне в ноги и стал громко рыдать, умоляя пощадить его и несчастных детей. Видя, что все мои увещевания не могут остановить этот поток сознания Иван Васильевич велел принести холодной воды, поставил её на пол рядом с верещащим стариком и вдруг резко и неожиданно схватил его и сунул головой в принесенное ведро.

Продержав так немного несчастного, он резко выдернул его из воды, посадил на полу и вылил на него воду. После этого он его как бесформенный куль взгромоздил на стул.

Старик резко замолчал, а бывший капитан строго и очень веско скомандовал:

— А теперь, сволочь жидовская, заткнись и слушай их светлость.

Несчастливого жалкого старика мне было жалко, но делать было нечего, не отдавать же его с сыновьями Ротшильдам или лондонским властям.

— Тебя звать Натан? — несчастный затряс головой в знак согласия. — Слушай меня внимательно. Я не собираюсь убивать ни тебя, ни твоих сыновей и если вы будете себя правильно вести, то отпущу вас с миром. Даже Ротшильдам не отдам. Ты, понимаешь что я тебе говорю?

Старик прямо на глазах стал преображаться. Как только он услышал о возможности уйти от меня с миром, то сразу встрепенулся и как-то весь подобрался.

— Я понял, но наверное господин назначит за это свою цену? — я ухмыльнулся, наклонился к нему и шепотом сказал.

— А ты не дурак и очень быстро соображаешь. Конечно, просто так я вас не отпущу. Я не доктор Фауст, но мало с вас не возьму.

Старик полностью взял себя в руки и тихо попросил:

— Только давайте, ваша светлость, мы побеседуем тет-а-тет.

Это предложение было из серии как с языка снял. Мое предложение старому еврею, вероятно одному из доверенных лиц могущественнейшего человека Европы будет уж очень деликатным и щекотливым.

Иван Васильевич без слов понял в чем речь и быстро вышел.

— Сейчас я тебе, старик, объясню что ты будешь делать для меня, — я собрался с духом, еще раз взвесил все за и против.

— Итак, слушай меня внимательно. Мне не нужны миллионы Ротшильдов и я не собираюсь с ними бодаться. Мне нужны мои миллионы, но я хочу их заработать с помощью твоих хозяев. Я понятно объясняю? — старый Натан затряс головой, понятно.

— И ты мне в этом поможешь. Объясняю каким образом. Ведь ты наверняка знаешь обо всех игрищах, которые устраивает твой хозяин, типа продаж британских консолей в день

Ватерлоо? Быстро говори, знаешь или нет? — я схватил Натана за грудки и тряхнул.

— Конечно знаю, господин, — быстро ответил ротшильдовский клерк, — и понимаю о чем вы говорите. Я буду сообщать обо всех операциях банка Ротшильда, а вы будете повторять их и как он, зарабатывать деньги.

— Молодец, все отлично понял. Теперь о том, как будешь передавать мне свою информацию. Знаешь новый лондонский клуб — клуб молчунов?

— Знаю, господин. У меня уже есть его членский билет и я там был два раза.

— Молодец, морда жидовская. На ходу подметки рвешь. А теперь слушай меня еще более внимательно. Если вдруг захочешь прийти к своему хозяину с повинной и обо всем ему рассказать, то вспомни мои слова, — я собрался проехаться по еврейским ушам так, что у самого дух захватило.

— Если Ротшильд узнает о проделках твоих мальчиков и о нашем стоворе, то у меня конечно будут проблемы, финансовые в основном. Но разорить меня он никогда не сможет, руки коротки и в России меня никто не достанет. Ты знаешь, кто я такой?

Ответа старика Натана я решил не дожидаться и тут же продолжил.

— У меня сорок тысяч крепостных душ и все они за меня пойдут как один. Если кто-то решит со мною сражаться не на жизнь, а на смерть, то он должен помнить об этих десятках тысяч крепостных, которые будут приходить по его душу. Ты будешь первым, потом твои мальчики, ну а потом и все остальные, — мои слова похоже произвели нужное впечатление, старого еврея опять начало колбасить. Но я решил на этом не останавливаться и продолжил.

— Это одно, что ты должен всегда помнить. Другое, это то, что я, если что, мило улыбнусь и скажу, что старая жидовская собака всё брешит. Я по молодости и простоте душевной пожалел его седины и отпустил с миром, даже отдал ему доносы написанные его сыночками на самих себя, а он, — я развел руками, — ну ты всё наверное понял. Как ты думаешь, кому поверит твой хозяин? Конечно мне, будь в этом уверен.

Клиент похоже окончательно дозрел. Я показал ему на стол, на котором лежали перо и бумага.

— Садись, пиши. Я такой-то такой-то, согласился передавать сведения об операциях банка в обмен на свободу своих сыновей, — я взял написанную Натаном бумагу, прочитал и спрятал в карман. — Сыночкам объясни, что так делать нельзя.

— Объясню, ваша светлость. Объясню. Они у меня будут теперь как шелковые.

— Всё, пошел вон.

Натан бегом бросился из комнаты. Вошедшему Ивану Васильевичу я распорядился отпустить старого еврея и его сыновей.

Через несколько минут он вернулся. За прошедшие недели отставной капитан как-то незаметно стал моей правой рукой и доверенным человеком.

— Алексей Андреевич, не опасаетесь, что они еще какой-нибудь фортель выкинут?

— Не выкинут. Папаша из них душу вытряхнет. Как шелковые будут.

Неожиданно отъезд в Америку теперь уже миссис Мюррей, вызвал у меня большую грусть. Никто не спросил моего мнения, хочу ли я перенестись на двести лет назад. Просто это произошло и всё. И хорошо что я больше ощущаю себя продолжением Алексея Андреевича Новосильского, а не человеком 21-ого века попавшим в тело производства 1810-ого года. Тогда была бы вообще труба. Но то, что осталось со мной из той, прошлой жизни, иногда доставляло неудобства и даже боль.

По большому счету я был здесь совершенно одинокий человек. От прежнего Алексея

Андреевича мне правда достались чувства и симпатии к нянюшке и её сыновьям. Какие-то родственные чувства к сестрам, особенно к Анне. Хорошо что начали складываться дружеские доверительные отношения с Матвеем. Но по большому счету этого было мало.

Конечно там, в 21-ом веке, я под конец жизни был котом, который гуляет сам по себе, то бишь огромным индивидуалистом и эгоистом в личном плане, но оставался большим коллективистом и патриотом в глобальном масштабе. Здесь мой коллективизм и патриотизм никуда от меня не делись, а вот быть индивидуалистом и эгоистом как-то не хотелось. А по-русски говоря, захотелось мне завести самую обычную семью: жену и детей. И чтобы жена была самый близкий тебе человек. И конечно что бы были как положено всякие лямуры-тужуры.

До момента появления в Лондоне мне как-то этот вопрос ни где не давил. Я даже удивлялся, как так может быть. Вроде оказался внезапно молодым, судя по всему в организме всё работает как и положено, а вот секса как физиологической потребности не хочется. Хотя с этим я думаю проблем бы не было никаких. Вон крепостных девок сколько под рукой. Но совершенно ничего такого не хотелось.

А вот в Лондоне что-то переключилось и появилась чисто физиологическая потребность в женщинах. А тут еще и Елизавета Павловна со своей новой любовью.

Короче она поплыла к новому счастью в Новом Свете. А я остался на берегу с тоской по женской любви и вниманию.

Проводив матушку, я возвращался в Лондон, размышляя о своей «холостяцкой» жизни. За окном кареты было непонятно что, то ли дождь, то ли снег. Я с тоской подумал, что в России сейчас стоит настоящая зима: снег, трескучие морозы, дети играют в снежки, катаются на санках. Красота!

Неожиданно впереди за поворотом раздались крики и лошадиное ржание. Я опустил стекло и спросил Герасима, сидящего на козлах:

— Герасим, что там?

— Почтовая карета впереди на бок завалилась. Видать с осью что-то.

— Давай подъезжай по-быстрее, может помощь нужна.

Помощь действительно была нужна. Когда мы подъехали и я собрался выйти, раздался такой русский мат, что я от неожиданности оторопел. Что происходит было совершенно не понятно, карета со сломанной осью перекрывала обзор. Я выскочил и бросился вперед.

На дороге стояла накренившаяся на бок карета пассажирского дилижанса следующая в Лондон, а на обочине остервенело дрались на шпагах двое офицеров, вокруг которых метались еще двое: молодая юная особа и какой-то солдатик.

Дрался русский морской офицер и вероятно всего француз, я в иностранных мундирах разбираюсь не очень. Русский морячок был совсем еще юноша, а его соперник был и старше и опытнее. Фехтовальное счастье явно было на его стороне, он сумел ранить противника в правую руку и тот с трудом отбивался левой.

Вокруг дерущихся с плачем бегали девушка, в которой я сразу распознал соотечественницу и русский солдат, хотя скорее всего это был матрос. Он бегал, плакал, матерился и верещал:

— Софья Андреевна, отойдите, меня и так прикажут до смерти запороть.

Я естественно не знал причины дуэли, но скорее всего дрались они из-за юной особы. Кучер дилижанса и остальные пассажиры тесной группкой стояли в сторонке и не пытались вмешиваться.

Француз явно был настроен добить русского офицера. Я по приезду в Лондон сразу же воспользовался рекомендациями месье Ланжерона, существенно преуспел в фехтовании и хорошо видел, что лягушатник вот-вот добьется своего.

Убийство русского офицера на моих глазах, это конечно слишком. И я решил вмешаться в ситуацию, как это сделать правда не знал и выдал первое пришедшее мне в голову.

— Месье, не знаю причины вашей дуэли, но это уже не благородно. Ваш соперник явно слабее. Надо выбирать достойных соперников, — я обратился к французу, рассчитывая сначала озадачить его, а затем остановить бой.

Но его реакция была совершенно неожиданной для меня. Он остановился как вкопанный, яростно посмотрел на меня и со шпагой наперевес бросился вперед.

Нас разделяло метров семь-восемь, а ярость плохой советчик. Француз успел разогнаться и на ходу сделал выпад, намереваясь проткнуть меня. Я, как меня успели научить местные учителя фехтования, резко развернулся всем корпусом, пропуская вперед своего шустрого противника и при этом выставил немного вперед свою ногу. Француз споткнулся и мне не составило труда резко и сильно врезать ему между хорошо открывшихся лопаток. Прием эффектный и эффективный, если конечно успеваешь его выполнить. Мне после многочасовых тренировок удалось это движение довести до совершенства и на спаррингах я в половине случаев выигрывал бои именно таким способом.

Лягушатник охнул, выронил шпагу и ничком рухнул в грязь. Я потряс кулаком, удар был от всей широкой русской души и мне даже самому стало больно. Подскочившая ко мне молодая особа хотела что-то сказать, но сумела только вымолвить:

— Сударь, — и зарыдала. Подождав немного, пока она немного успокоилась, я представился.

— Князь Новосильский, к вашим услугам сударыня.

— Вы русский, как хорошо, — девушка захлопала в ладоши. — Мы с братом ехали в Лондон, он должен служить на английском флоте. Когда карета наклонилась, этот человек, — молодая особа залилась краской стыда и сделала паузу. — Брат отбросил его руку и получилась дуэль.

— Пожалуйте в мою карету, господа, — предложил я молодой особе и её брату. — А ты, братец, — повернулся я к матросу, — бери багаж и располагайся на запятках.

Проехав пару миль, мы остановились в небольшой придорожной гостинице. Рана у молодого офицера была пустяковая, практически большая царапина правого плеча. Но перевязки всё равно требовала.

Я уже знал, что они брат и сестра Николай и Софья Андреевичи Макаровы.

Отец молодых людей был ранен под Аустерлицем и попал в плен. Но он выжил и когда долечивался у него случился роман с хозяйкой поместья, куда поместили раненых русских офицеров.

Мадам Эжени Трюдо была вдовой и на пять лет старше. Но натиск русского поклонника был столь стремительный и решительный, что сопротивлялась она не долго и поехала в Россию, где вышла замуж, стала Евгенией Михайловной и родила двоих детей.

Полковник Макаров сложил свою голову на полях Германии в 1813-ом году. У Евгении Михайловны через несколько лет случился новый роман, теперь уже с англичанином и она в третий раз вышла замуж за контр-адмирала Джона Джервиса, полного тезку и дальнего родственника знаменитого адмирала флота Джона Джервиса, 1-ого графа Сент-Винсента.

Но дети не пожелали уезжать в Англию и остались жить с бабушкой. Да миссис теперь уже Юджиния и не настаивала. Но надо отдать ей должное, детей не забывала.

Благодаря её хлопотам, окончивший Морской кадетский корпус и произведенный осенью в мичманы, девятнадцатилетний Николай получил полугодовую практику в английском флот и должен будет присоединиться к русским кораблям, следующим в Средиземное море.

Кем был француз, шаловливость ручонков которого он не стерпел, Николай не знал, но резонно опасался последствия случившегося. Я ему предложил самый простой вариант решения проблемы: промолчать.

Француза я естественно не убил, но опытным взглядом успел оценить последствия своего удара и был уверен, что тот будет держать язык за зубами.

Юной особе было шестнадцать и она на несколько месяцев ехала в Англию к матери. Николай со смехом сказал, что ей нашли английского жениха и она едет на смотрины. За это сообщение он чуть не получил кулачком юной особы в нос.

Когда мы приехали в Лондон, я понял, что пропал, то есть влюбился в юную Софью Андреевну можно сказать с первого взгляда и все мои мысли были заняты только этой особой.

Слова её брата об английском женихе я воспринял совершенно серьёзно и решил действовать сразу же.

Матушку Софьи Андреевны и её английского мужа я знал. Меня с ними познакомила тетушка Екатерина Андреевна. Бывшая Евгения Михайловна связей Россией терять не собиралась, баронессе она в свое время понравилась и охотно её принимала.

Джон Джервис звезд с неба не хватал, если бы не протекция знаменитого и влиятельного родственника и тезки, то максимум чего он сумел бы добиться — возможно стал бы капитаном.

Джон Джервис к моменту нашего знакомства был отставником. После женитьбы он забыл об английском флоте и вел тихую и счастливую семейную жизнь в своем поместье.

Добряк и балагур, он обладал уникальной чертой характера, стоило ему оказаться возле

лучей чужой славы как, как он этот отраженный свет умудрялся во что-нибудь конвертировать.

Таким образом, будучи средненьким офицером, он стал адмиралом. Первая жена сделала его обеспеченным человеком, а поселившись затем со второй женой в сельской глуши, Джон быстро стал преуспевающим фермером.

Женившись второй раз он в графстве Суссекс купил поместье и его соседом оказался Джон Смит-третий из Суссекса. Между ними установились хорошие отношения и бывший адмирал на всю катушку пользовался советами и помощью успешного соседа. Именно от адмирала я в тетушкином салоне впервые услышал о Джоне Смите-третьем из Суссекса.

Николай с Софьей сказали мне, что их матушка и отчим ради них приехали в Лондон и остановились на несколько дней в гостинице. Адрес гостиницы мне спрашивать не пришлось, я их довез в буквальном смысле до порога.

У Николая язычок похоже был острым как бритва и он был очень наблюдательным и сообразительным молодым человеком.

Когда мы уже ехали по Лондону, он неожиданно опять завел разговор о том, что сестре нашли английского жениха и вдруг выдал такое, что я потерял дар речи.

— Софья Андреевна, а ты знаешь какая мне мысль в голову пришла? — похоже что его сестра поняла какая мысль посетила голову её брата, потому что она покраснела и подняла свою прекрасную ручку, намереваясь закрыть брату рот.

Но тот был готов к этому и она потерпела полное фиаско.

— Ты скажешь матушке, что не нуждаешься в её сватовстве, потому что в тебя влюбился светлейший князь Новосильский и не сегодня — завтра попросит твоей руки.

В этот момент карета остановилась возле своей цели и Софья Андреевна выскочила, и пулей бросившись в гостиницу.

Её брат как ни в чем не бывало повернулся ко мне.

— Моя сестра, Алексей Андреевич, влюбилась в вас с первого взгляда, — заявив это, он вышел из кареты и отвесил церемониальный поклон. — До скорой встречи, ваша светлость.

Вернувшись домой, я приказал приготовить ванну. Везде, где я останавливался больше чем на сутки, первым делом организовывалась ванна и я бывало подолгу лежал в ней, наслаждаясь теплой водой после какой-нибудь дороги.

Но в этот раз, против своего обыкновения, я в ванне не задержался. Еще на подъезде к дому я принял решение ехать к сониной матушке и просить руки её дочери.

Тщательно одевшись, я несколько минут разглядывал себя в зеркале. Мне почему-то хотелось безупречно выглядеть. Не найдя никаких изъянов в своем внешнем виде, я отправился просить руки Софьи Андреевны.

Похоже, что меня ждали. В гостиной, в отставной адмирал с супругой снимали большие апартаменты, меня встретили Джон Джервис в адмиральском мундире, его жена одетая как на каком-нибудь приеме и молодые люди: Николай в парадном мундире русского флотского офицера и Софья в красивом платье по последней лондонской моде.

Я максимально учтиво и поклонился и обратился к миссис Джервис.

— Сударыня, я имею честь просить руки вашей дочери, — сониная матушка почему-то растерянно обернулась к мужу и получив какую-то от него поддержку, обратилась к дочери.

— Софья, — не сказав больше ни слова, она сделала приглашающий жест, означающий вероятно предположение самой ответить на мое предложение. Я немного растерялся, так как ожидал другой реакции миссис Джервис.

Софья сделала небольшой шаг вперед и закрыв глаза тихо сказала:

— Я согласна стать вашей женой, Алексей Андреевич.

Откладывая женитьбу в долгий ящик я не собирался и через неделю мы собрались в Россию. Вопрос, где венчаться даже не обсуждался и надо было спешить, что бы успеть это сделать до Великого Поста. Но с этой затеей ничего не вышло.

Анна Андреевна регулярно присылала мне подробные отчеты о положении дел в имениях. Матвей вышел в отставку и они решили совершить инспекционное турне по имениям, наметив венчание в Новосёлово.

Накануне поездки шеф жандармов прислал поздравление с будущим бракосочетанием. Сестра была не последней невестой в России и замужество светлейшей княжны было событием для высшего света империи, да еще и с таким привкусом скандальности.

Мало того, что её избранник простой почти новоиспеченный дворянин, так она еще и игнорирует этот самый свет, устраивая свадьбу в деревне.

Поэтому на всевозможных питерских тусовках, начиная с посиделок мужиков в трактирах и кончая самыми элитными приемами, некоторое время это была одна из основных тем для разговоров и сплетен. Даже братья Петровы в своем инженерном училище были свидетелями такого разговора. Нянюшке они сказали, что почти весь мужской пол люто завидует Матвею.

Еще бы не завидовать: Анна красавица, умница, это её качество правда не для всех было достоинство, были и такие, которые говорили, что слишком умна и образована для женщины. Про знатность невесты даже никому и говорить не хотелось, как и про наше богатство. Шила в мешке не утаишь и после смерти родителя все знали о нашем бедственном финансовом положении. Также быстро стало известно, что я сумел с этой проблемой разобраться, а тут еще осенью и деньжища поперли с наших имений. Даже простое наведение порядка дало потрясающий эффект.

Перемолов несколько раз языками кости и косточки Анны и Матвея, весь Петербург уселся писать поздравления. Что поделаешь, Юпитеру позволено и не такое. На то он и Юпитер.

Свое поздравление прислал и всемогущий шеф жандармов. К своему поздравлению он приложил маленькую записку. В ней было написано, что Государь гнев на милость еще не сменил и мне желательно не спешить с возвращением в Россию. А такой неравный брак вызвал еще большее неудовольствие императора.

Первой моей реакцией на императорское мнение была вырвавшаяся с досады фраза:

— Да пошел он.

Присутствующий при этом Сергей Петрович иронично спросил:

— Так прикажите и ответить, ваша светлость? — вся моя досада прошла стоило мне представить как Николай Павлович читает мое письмо с этой фразой. Это была бы песня. Например: два листа верноподданнических излияний, а потом: да пошел ты.

Поэтому в ответ на слова Сергея Павловича я только рассмеялся.

Взвесив все за и против мы с Соней решили, что так будет даже лучше. Не надо будет закатывать пышную и бестолковую свадьбу от которой никак было не отвертеться в России. Как не крути, а границы эпатажа надо знать.

Здесь же в англосаксонской стране я никому и ни чем не обязан и наши корабли идут пока параллельными курсами. Поэтому венчание в посольском храме и скромное торжество в особняке тетушки. С моей стороны гостей немного: Иван Васильевич, Сергей Петрович

тетушка, молодой Лайонел Ротшильд и конечно все мои люди.

Мы, как российские подданные, должны были соблюдать законы империи. А в России перед венчанием положено составлять брачный обыск. И вот здесь возникла небольшая проблема. Настоятель посольского храма, где мы собирались венчаться поставил неприменимым условием представление свидетельств об оглашении с подписями причта и церковными печатями приходов, прихожанами которых мы являлись в России.

Проблемой это не являлось кроме одной небольшой детальки: где Лондон, а где Москва и Петербург. Для получения свидетельства об оглашении священник приходской церкви должен трижды при большом скоплении народа огласить о предполагаемом браке для того, что бы каждый, ежели кто-то кто знает об обстоятельствах препятствующую вступлению в брак, объявил об этом не позже последнего оглашения.

На практике это часто делалось по воскресеньям. То есть как минимум две недели. Плюс дорога. Реально это всё могло затянуться на пару месяцев. А мне хотелось обвенчаться до Великого Поста.

Поразмыслив, я обратился за помощью к молодому Лайонелю Ротшильду. Он собирался возвращаться в Геттинген, где учился в университете, только в апреле и мы после знакомства несколько раз встретились в разных местах, причем дважды в клубе молчунов. Второй раз мы с ним уединились и пару часов «помолчали» в своё удовольствие.

О почте Ротшильдов ходили легенды, еще бы, их курьеры умудрялись опережать даже фельдъегерей. Как они это делали было совершенно непонятно, иметь по всей Европе сеть агентов готовых за их дело расшибиться в лепешку или даже отдать свою жизнь. Непонятно!

Лайонел согласился помочь и сделал чудо, через пять недель необходимые документы были у меня в руках вместе с очередным письмом сестрицы и благословением Сониной бабушки.

Анна Андреевна была в восторге от новости о моей женитьбы. Она навела свои справки о невесте и получила хвалебные отзывы. Но без ложки дегтя не обошлось и это было очередное «фи» из Зимнего дворца.

Очередной мезальянс в светлейшем семействе императору естественно не понравился. Софья Андреевна конечно была не столь беспородна как Матвей, но древностью рода похвастаться не могла. Дворянином в петровские времена стал её прапрадед, а миссис Джервис была из после революционных нуворошей и в детстве от нищеты часто сверкала голыми пятками.

Не понятно почему, но генерал Бенкендорф старался императорское мнение доносить до моей особы. И в это раз в его письме я нашел ключик к пониманию отношения Государя ко мне. Дело было не в неравных браках или той дуэли. Главным было то, что я начал жить так, как считал нужным сам, не считаясь ни с чьим мнением в том числе и императорским.

А в нынешней России это уже грех и большой. Молодой человек такого происхождения и богатства занят исключительно личной жизнью и по мнению Государя Императора не желает быть опорой престолу.

Я знал, что разубеждать императора Николая бесполезно, легче о чем-то договориться с египетским сфинксом. Но обидно, до жидкой субстанции из носа обидно. Как можно что-то изменить в матушке-России когда тебе чуть ли не открытым текстом посылают в определенное путешествие. Я уверен, что любое мое предложение, даже самое-самое сейчас чуть ли с порога будет отвергнуто главным обитателем Зимнего. Печалька одним словом. Но проблему надо решать по мере поступления, поэтому сейчас главное наше бракосочетание.

Последняя весточка из России объясняла кстати почему было такое прохладное и настороженное отношение ко мне в русской миссии. Без сомнения из Питера посольские получили ЦУ указание присматривать за мной и для них было бы лучше если бы я оказался подальше, причем чем дальше, тем лучше, например в Америке.

Эта мысль мне очень понравилась и я решил этой идеи вернуться после медового месяца.

Русский посланник, светлейший князь генерал Христофор Андреевич Ливен в Лондоне отсутствовал и мне пришлось иметь дело с И.О. По должности ему было невозможно отвертеться от участия в моем венчании, поэтому я не смог удержаться от мелкой мести и пригласил его быть моим свидетелем.

А вот остальных соотечественников я решил не напрягать и послав приглашение на венчание абсолютно всем, не исключая мелких и незаметных мужиков и баб обслуживающих господ, аккуратненько при этом известил всех, что не обижусь если они проигнорируют мое приглашение. Конечно если бы светлейший князь был в Лондоне. я скорее всего поступил иначе.

Перед свадьбой у меня состоялся серьезный разговор с тетушкой. Она чуть ли не с первого дня предлагала мне перебраться в её особняк. Он конечно был достаточно скромным, но разместиться в нем я мог вполне комфортно. Но мне не хотелось этого делать, мы вели достаточно беспокойный образ жизни и досаждать старому человеку не хотелось.

Но в лице Сони она получила союзника, в итоге мне пришлось уступить и за неделю до свадьбы состоялся мой переезд в особняк на Пиккадили.

С сониной стороны должны быть её матушка со своим адмиралом, естественно Николай и сестра адмирала со своим мужем, которая будет свидетельницей. После венчания мы все, кроме молодого Ротшильда должны поехать в адмиральское имение и там уже гульванить сколько душе будет угодно. Адмирал с моего согласия пригласил всех соседей, в том числе и Джона Смита-третьего.

Обвенчались мы в субботу 17-ого февраля. Я был счастлив, в памяти почти стерлись чувства, которые я испытал когда-то женившись в той жизни. Но тогда точно не было венчания и не было такого величия и торжественности.

Среди гостей оказался высокий статный полуседой мужчина лет сорока. По всему этот был русский, но кто он такой было совершенно не понятно. Я перехватил взгляд брошенный на него русским посланником. В нем было два чувства: недоумение и досада.

Взгляд посланника перехватил еще один человек. Краем глаза я увидел, как к этому человеку подошел Иван Васильевич и что-то спросил. По мелькнувшей улыбке я понял, что ответом он доволен и в то же время удивлен.

Улучив момент, Иван Васильевич подошел ко мне и тихо сказал.

— Этот человек, ваша светлость, служит в посольстве на какой-то мелкой должности. У них там не разберешь. Он дворянин, но по сути мальчик на посылках. Семен Федорович Карпухин, в двенадцатом году был в полку вашего деда и не мог не прийти на ваше венчание. Думает, что его за это выставят за дверь.

— Семья у него кстати есть?

— Есть, жена и дочь девица на выданье, двадцати лет от роду.

— Скажите ему, что если его выбросят улицу, то я его жду. И передайте от меня десять фунтов.

Через несколько минут я посмотрел на этого человека. Поймав мой взгляд, он

улыбнувшись сделал легкий поклон головой.

Разговор этого человека и Иваном Васильевичем не остался не замеченным русским посланником и он наградил обоих бешеным взглядом. Когда мы выходили из храма бывший капитан перекинулся еще парой слов с этим человеком.

Самый старший камердинер Тимофей, оказался редкостным кулинаром и кондитером и быстро стал заниматься в моем хозяйстве только кухней. Блюда, которые он готовил были по моему мнению шедеврами кулинарного и кондитерского искусства.

Естественно угощения на торжестве в адмиральском имении я поручил ему. В помощники Тимофею вызвались мои ученики у Джона Смита. Адмирал отрядил также всех своих поваров и прочих кухонных работников. Так что у нас получилось очень гармоничное русско-английское меню.

По дороге нас ожидал небольшой сюрприз. Венчание закончилось достаточно рано и в полдень мы покинули Лондон. Ехали мы не спеша, рассчитывая прибыть в адмиральское поместье к двадцати часам, что бы затем гулять вечер и всю ночь.

Через пару часов нас догнала колымага, на широких козлах которой рядом с кучером сидел неожиданный гость на нашем венчании. Расправа за самовольство последовала почти мгновенно. Его в буквальном смысле тут же выбросили на улицу вместе с женой, дочерью и двумя прислуживающими крепостными, мужиком и молодой девкой, не дав даже забрать личный скарб.

Но Иван Васильевич предусмотрел такой разворот событий и наняв колымагу они не мешкая, отправились за нами. Догнать нас у них получилось, а вот успокоиться не получилось. Особенно была напугана жена этого человека.

Я быстро объяснил теще в чем дело и она тут же взяла из под свою опеку. Задержавшись из-за из-за этого минут на двадцать, дальше мы ехали без неожиданностей.

Иван Васильевич всю дорогу разговаривал с нашими неожиданными гостями. Эти люди свалились как снег на голову и надо было быстро решить, что с ними делать. Недостатка слуг у меня не было, был недостаток именно в русских слугах.

Как-то само собой получилось, что отставной капитан стал моей правой рукой и пока у меня не было ни малейшего повода подозревать ни его, ни Сергея Петровича в каких-то нехороших делишках творимых за моей спиной.

Иван Васильевич оказался отличным психологом и людей как говорить видел насквозь. Он был последним, чье мнение я выслушивал, нанимая кого-нибудь на службу или принимая решение сотрудничать. Несколько раз я не нанимал людей на службу, ориентируясь только на его мнение.

Другой областью его деятельности была наша общая безопасность. В частности он строго предупреждал всех о недопустимости распускать где-либо язык. Его рекомендации о профпригодности кандидатов были точны и убедительны.

Вот и сейчас Иван Васильевич успел пообщаться пятеркой нежданчиков и высказал своё мнение.

Господин Семен Федорович Карпухин, или как еще пока писали и говорили Семен Федоров Карпухин, был одним из самых мелких клерков русской миссии, но возможно и самым опытным. Безобидный и беззлобный, не имеющий ни каких связей, он безропотно пять лет тянул свою лямку. Жена и дочь к нему приехали только два года назад и выполняли функции камеристок в миссии, а приехавшие с ними единственные их крепостные, стали общей прислугой в миссии.

Самого Семена Федоровича мой отдел кадров предложил отрядить на усиление Сергея

Петровича. Он набрал себе штат в клубе молчунов, но ему требовался еще один доверенный человек и он хотел, что бы это был русский.

Жена Прасковья Ильинична по мнению Ивана Васильевича была бы идеальной экономкой. Но в особняке тетушки экономка была ирландка Джейн. Тетушка свою русскость за десятки лет во многом утратила и Джейн великолепно справлялась со своими обязанностями, но вот куча появившихся русских мужиков часто ставила её в тупик и с нами она часто попадала впросак. Помимо всего эта дама была еще и камеристкой нашей старой тетушки.

В особняке тетушки был еще один слуга с большим стажем службы — дворецкий Генри. Все остальные долго не задерживались и менялись как перчатки.

Поэтому для Прасковьи Ильиничны отставной капитан предложил два варианта: экономка в клубе или помощница Джейн.

Их дочь двадцатилетняя Татьяна, будет идеальной камеристкой новоиспеченной светлейшей княгини Софье Андреевне.

А крепостные, Панкрат и Фёкла, нещадно эксплуатировались в миссии всеми кому не лень, выполняя невысказанный объем работы, да еще и регулярно бывали биты за свою нерасторопность, по мнению господ миссии.

Эту парочку Иван Васильевич предложил просто купить у Карпухиных и использовать по своему усмотрению.

Я согласился с бывшим капитаном и он тут же отдал соответствующие распоряжения. Краем глаза я увидел с какой радостью на его предложения отреагировали эти несчастные люди и увиденное меня порадовало.

Панкрат и Фёкла тут же проследовали в распоряжение Тимофея, взрослые Карпухины в качестве гостей будут на свадьбе, а Татьяна начала готовиться к роли камеристки Софьи Андреевны.

На своей свадьбе я сочетал приятное с полезным. Гуляя, я общался с адмиральскими соседями, большинство из них были людьми дела, причем с явным уклоном в сельское хозяйство. Когда я говорил сколько у меня в России земли они все приходили в дикий восторг и с удовольствием рассказывали о своих фермах.

А послушать и посмотреть на их фермах было на что. И я твердо решил, что предстоящая неделя, которую мы собрались провести в адмиральском поместье, пройдет в визитах к соседям.

Следующим утром Сергей Петрович со своим новым помощником уехали в Лондон, оставлять клуб без присмотра было нельзя. Прасковья Ильинична осталась. Тетушка попросила её в помощницы к своей экономке.

Медовая неделя пролетела быстро и пора было возвращаться в Лондон и находить ответ на извечный русский вопрос, что делать?

Было не совсем правдой говорить, что всю эту неделю я ни чем не занимался. Мы женой много разговаривали. Она всем живо интересовалась. Поездки к соседям адмирала приводили её в дикий восторг, ничего подобного она раньше не видела.

У Джона Смита-третьего мы провели целый день и даже остались на ночь. До темноты он показывал нам своё хозяйство и рассказывал, рассказывал, рассказывал. Его просто перло от демонстрации своих успехов перед таким знатным человеком как я.

Приставленных мною для учебы мужиков Джон хвалил, особенно Прохора, говоря что у него золотые руки и редкой светлости голова. Это мне было очень приятно и мы

договорились, что я скоро пришлю ему еще несколько человек для обучения. Письмо в Россию поручением отобрать и прислать десяток молодых башковитых мужиков я уже отправил.

В один из вечеров мы перед сном обсуждали, что бы такое сделать, что бы изменить настрой императора. Я знал, что летом в Англию придет русская эскадра, а потом она отправится в Средиземное море, где в октябре состоится знаменитое Наваринское морское сражение. Софья предложила мне дать денег на нужды русской эскадры.

Деньги у меня были. Клуб молчунов оказался выгоднейшим финансовым предприятием. Каждый день он приносил мне уже несколько тысяч фунтов регулярного дохода. То, что перепадало за счет пари, я в расчет не принимал. Но все залы клуба каждый день были заполнены, эль, пиво, вина и крепкие напитки вились рекой. Всё, что готовилось на кухне тут же съедалось и прибегающие официанты говорили только одно: еще, еще и еще.

Сергей Петрович рассчитывал, что к лету наши обороты позволят получать дохода не менее чем сто тысяч фунтов. Это были огромные, просто нереальные деньги.

Русская эскадра несколько дней простоит в Плимуте и я рассчитывал помочь эскадре пополнить запасы перед переходом в Средиземное море. В клубе постепенно начались разговоры о возможном союзе трех держав против османов и надвигающейся войне.

Всё своё время мы, то есть я, Сергей Петрович, Иван Васильевич и мой новый сотрудник Семен Федорович, потихоньку раскручивали эту тему. Сонин брат иногда то же бывал в клубе и его слушали как дельфийскую пифию, он был реальным русским моряком, который должен будет присоединиться к эскадре.

Семен Федорович оказался ценнейшим кадром. Он знал всю подноготную дипломатической возни и все тонкости подковерной борьбы вокруг начавшихся переговоров трех держав о возможном союзе против османов. Его замечания и комментарии в клубе подливали масла в огонь в нужный час и в нужном месте.

Вернувшийся в Лондон светлейший князь Ливен быстро нивелировал все возникшие шероховатости в моих отношениях с русской миссией. Он и так часто бывал у тетушки, а теперь иногда приезжал чуть ли не через день. Приезжал он почти всегда один, его супруга Дарья Христофоровна, младшая сестра шефа российских жандармов, выезжала редко. Она предпочитала сама принимать гостей в своем великосветском салоне, который по праву считался одним из первых во всей Европе. Да еще и печалька у неё не прошла после смерти сердечного друга Джорджа Каннинга, английского премьера ушедшего в мир иной в апреле этого года.

Причина усилившегося внимания князя к нам мне была понятна. Лишние финансы миссии не повредят в преддверии больших расходов во время стоянки флота в Плимуте. А я открытым тестом пообещал дать на это дело денег.

Еженедельно я отправлял сестре свои записки о виденном в Англии и получал её отчеты. Судя по ним дела в имениях шли блестяще. Мужики охотно шли работать по найму, работая по уму и с огоньком, а не из под палки как в прежние времена на барщине. Для обучения методам английского сельского хозяйства Анна прислала двадцать человек, тщательно лично отобрав их из почти сотни кандидатов. Все заявки Яна были выполнены и он прислал еще более обширный список того, что ему надо.

Читая отчеты Анны, я иногда ловил себя на мысли, что как мало иногда надо сделать, чтобы изменить ситуацию к лучшему. В имениях сделано всего ничего, а деньги рекой потекли. Хотя конечно годовой доход от четырех имений был меньше дохода от клуба за три

весенних месяца.

В Англии успешно строилась первая в мире настоящая железная дорога Ливерпуль-Манчестер. Зная что это скоро станет золотым дном, я вложил в это дело десять тысяч фунтов, сразу став уважаемым акционером компании строящей дорогу.

От матушки я получил два письма. С помощью моих денег её муж сдвинул своё дело с мертвой точки. Он стал одним из видных акционеров компании, созданной в Балтиморе для строительства железной дороги в штате Мэрилэнд.

Всё это было замечательно и должно скоро сработать, но сейчас я готовился сорвать большой куш на предстоящих больших событиях в Греции.

Моя Софья Андреевна оказалась большой умницей. После нашего переселения к тетушке количество гостей значительно увеличилось. Три, а то и четыре вечера в особняке бывали буквально толпы гостей. Понаблюдав со стороны на это столпотворение я понял, что гвоздем программы является моя обожаемая супруга.

Она внимательно слушала мои вечерние или ночные, когда как получалось, лекции, а потом поражала всех своей эрудицией и точными прогнозами и глубокой аналитикой.

Со стороны это выглядело очень комично, в перерывах между занятиями любовью голубки ведут разговоры о большой политике. Я не всегда бывал дома во время этих вечеров, чем ближе приближались грядущие события, тем чаще я бывал в клубе.

В начале лета начались заключаться первые пари. Всеобщее мнение было, что ведущиеся переговоры трех держав естественно закончатся успехом и туркам будет предъявлен ультиматум. Весь вопрос был когда это произойдет.

Моя ставка была до начала сентября, но большинство считало, что не раньше середины осени. Страсти накалялись буквально каждый час. Скучные утечки информации с ведущихся переговоров только подстегивали интерес к ним и приводили с неуклонному росту ставок.

Развязка первой интриги наступила 6-ого июля 1827-ого года. Переговоры трех главных европейских держав Великобританией, России и Франции, идущие почти шесть лет, завершились подписанием Лондонского договора. Державы призвали Грецию и Османскую империю прекратить военные действия. Османам был дан месяц на принятие ультиматума.

Результаты моего выигрыша были очень даже не плохие. С учетом регулярных доходов с клуба, я с начала лета положил в карман больше двухсот пятидесяти тысяч фунтов. Просто не реальные деньги.

Но это было только начало, я подробно знал, как будут разворачиваться события и готовился на каждой вехе зарабатывать деньги, а джек-потом станет результат Наваринского сражения, вернее его одно событие: подвиг русского корабля «Азов».

На следующий день после подписания договора у нас обедал князь Ливен. У него было превосходнейшее настроение, он много шутил и постоянно рассыпался в комплиментах тетушке и Софии.

Глядя на довольного русского посланника я думал о том, какое потрясение ждет его через несколько минут.

Когда я завел разговор об ожидаемом прибытии русской эскадры из Кронштадта в Плимут, князь немного погрустнел. Он то хорошо знал, что его ждет через несколько недель по прибытии флота. Уже было известно, что русская эскадра идет через Балтику и её прибытие зависло только от погоды.

Улучив нужный момент, я предложил князю чек на возможные срочный ремонт и её дооснащение русской эскадры. В том, что рано или поздно этот жест с моей стороны

последует, князь я думаю не сомневался. Но увиденная им в чеке сумма сразила его наповал. Сто тысяч фунтов. Думаю, он рассчитывал тысяч на десять, максимум двадцать, но сто тысяч было конечно круто.

Дальше события начали накатывать как снежный ком, летящий с горы. Русская эскадра прибыла в Плимут неожиданно раньше ожидаемо. Оказывается русский медведь умеет не только спать в берлоге, но и достаточно быстро плавать по морям. Затем приходит известие, что османы отвергли ультиматум союзников.

Русская эскадра поднимает якоря и идет на соединение с английским и французским флотами. Наш эксперт мичман Николай Макаров идет в этот поход на русском линейном корабле «Азов».

К началу осени в моем кармане еще двести пятьдесят тысяч. Но главная ставка впереди.

Хорошо зная своё правительство, большинство ставило на то, что все ограничится демонстрацией силы и до большого морского сражения дело не дойдет. Но если же сражение все-таки будет, основную скрипку сыграет английский флот, а уж ни как не русский.

А вишенкой на торте была провокация Николая, уходя в море он сделал ставку, что его «Азов» сыграет главную скрипку с разгроме турецкого флота.

Почти два месяца из Греции приходили самые противоречивые известия, я даже начал уже сомневаться в ходе событий, а вдруг все будет не так, как я знаю. Потерять поставленные тысячи будет конечно неприятно, но не смертельно, регулярные доходы просто перли вверх.

К этому всему присоединилась тревога за Николая. Я видел как волнуется Софья, как она бледнеет при появлении известий из Греции.

В начале ноября стали приходиться известия о все-таки состоявшемся морском сражении союзного флота с турками. На успех турок ни кто не ставил, но такого результата сражения не ожидал ни один человек. Вернее не так. Такого результата ожидал только один единственный человек в мире: я.

Главную скрипку в разгроме турецкого флота сыграла русская эскадра, вернее её флагман, линейный корабль «Азов».

Подсчет выигрыша длился неделю, хотя сразу было понятно, что сумма просто фантастическая. За эту неделю пришло еще одно известие, которое заставило мою жену и плакать и смеяться от радости. Её брат Николай был жив, но получил ранение во время боя.

Параллельно ставкам на бирже в нашем клубе я сыграл на Лондонской фондовой бирже. Резонно решив, что известия об успехах именно русского флота, опустят немного вниз британские консоли, я решил на этом сыграть. Под это дело я даже взял кредит у Ротшильдов.

Конечно я серьезно рисковал, по миру я естественно не пошел бы в случае проигрыша, но долги пришлось бы выплачивать долго и упорно. Но как говорить, кто не рискует, тот не пьет шампанское.

Полную картину моих финансовых спекуляций знали только двое: я сам и Софья. Когда я подвел дебит с кредитом, у меня в прямом смысле дух перехватило. Мне конечно было далеко до результата Натана Ротшильда после битвы при Ватерлоо, но заработанная за пять месяцев сумма то же впечатляла: более пяти миллионов фунтов стерлингов.

Больше книг на сайте - Knigoed.net